

*Клуб ветеранов
правоохранительных органов Эстонии*

МЫ РОДОМ ИЗ МИЛИЦИИ

Выпуск 2

Таллинн
2017

Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии

Мы родом из милиции. Выпуск 2

*Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии
выражает искреннюю благодарность за помощь в выпуске
этой книги Сергею Богданову, Артуру Чулицкому,
Александрю Кузнецову, Мгеру Григоряну, Олегу Шивикову,
Владимиру Оленичеву*

Составители: Иван Кастюк, Владимир Прокофьев,
Григорий Кострома

Макет, верстка, обложка: Эмма Дарвис

Фотографии: из архивов авторов

Типография: Alfapress

*В сборник вошли поэтические, прозаические произведения и вос-
поминания ветеранов правоохранительных органов Эстонии, а
также публикации в средствах массовой информации. Тексты
печатаются в авторской редакции.*

© Клуб ветеранов правоохранительных органов Эстонии

СОДЕРЖАНИЕ

К 100-летию со дня рождения милиции	5
Это было недавно, это было давно	6
 ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО	 11
Владимир Кормильцын	12
Геннадий Пашкурлатов	35
Владимир Прокофьев	56
Евгений Смирнов	93
Юрий Шарик	142
 ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ	 153
Олег Буйдин	154
Иван Кастюк	163
Вячеслав Коновалов	172
Владимир Осипов	179
Леонид Приютов	182
Николай Свистак	186
Борис Смирнов	189
 ПУБЛИКАЦИИ В СМИ (1963–2009)	 193
ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИЯХ	325

К 100-летию со дня рождения милиции

Среди знаменательных чисел и дат,
Отдавая дань нашей традиции,
Мы празднуем все эти годы подряда
В ноябре день рожденья милиции.

Подходит столетний ее юбилей,
Его уже ждут и чеканят медали.
Мы встретим его среди старых друзей
В большом и торжественном зале.

Вспомним о тех, кто погиб на посту,
Кто просто не дожил до даты.
Уходят, оставив души теплоту,
Правопорядка солдаты.

На всех рубежах нелегкой борьбы,
Сквозь годы событий, волнений
Менялись бойцов милицейских ряды,
Но сохранялась связь поколений.

Вручим ветеранам медали, цветы,
Крепкими будут рукопожатья.
И за шампанским друг с другом на «ты»
Продолжат общаться собратья.

А время летит все быстрее вперед.
Надолго не будем мы расставаться.
Пусть в наших сердцах милицейских живет
И дальше ни с чем не сравнимое братство.

Владимир Прокофьев
Июль 2017 года

Miilitsa 100. aastapäevaks

Kesk suurte tähtpäevade rida,
hoides au sees me traditsioone,
iga aasta novembris peame
meie miilitsa aastapäeva.

Pea sellest saab aastaid sada,
oodates medaleid vermime.
Peavad juubelit vanad sõbrad
suures ja säravas saalis.

Peame meeles valvates langenuid,
keda meiega koos enam pole.
Lähvad ära me vaprad sõdurid,
nende hingesoojus meil jääb.

Läbi paljude raskete aastate
täis sündmusi, võitlusi, ärevust,
on miilitsa read ju muutunud,
aga säilinud põlvkondade seos.

Tugev käepigistus, lilled ja medalid,
oma veteranidel au nüüd anname.
Jätkavad vestlust miilitsamehed,
sinasõbrad ühise perena.

Aina kiiremini aeg läheb mööda,
Ärme jätame teineteist kauaks.
Las me miilitsasüdameis ikka
vendlus ja sõprus elama jääb.

Перевод Евы Сауль

Это было недавно, это было давно

Вглядываясь в черно-белые фотографии, читая пожелтевшие газетные вырезки, в памяти и сердце звучат слова песни из кинофильма «Друзья и годы» «Это было недавно, это было давно». Я уверен, что ностальгические чувства возникают у всех ветеранов, прошедших суровую, зачастую неблагодарную школу милицмейской жизни. Именно жизни, потому что основную ее часть практически все ветераны милиции посвятили исполнению служебного долга.

К великому сожалению, приходит и грустное осознание того, что многих из тех, кто сейчас смотрит с фотографий, уже нет с нами. Всех их перечислить невозможно, только за последние двадцать лет ушли из жизни более 100 наших коллег и друзей. Но обводить их фамилии черной рамкой мы не будем, потому что они останутся в нашей памяти навсегда. Мы будем помнить тех, с кем работали и дружили, и при встречах вспоминать моменты общения с ними.

В первую очередь вспоминаются те, кто стоял у истоков той или иной службы милиции и МВД в целом, а также руководители и истинные профессионалы с большой буквы. Они действительно «вышли из народа», а не были спущены сверху по разнарядке. Это, конечно же, уважаемый всеми министр внутренних дел, талантливый руководитель, настоящий профессионал Марко Тибар; все помнят его «убедительный» баритон. Это начальник УВД Таллинна Калью-Эндель Алавяли, Владимир Селива-

нов, Владимир Григорьев, известный коллегам как «ВП», полковник внутренней службы, начальник Следственного управления МВД Эстонской Республики, заслуженный работник МВД СССР Павел Анатольевич Бейлинсон; он – доктор юридических наук, участник ВОВ и борьбы с бандитизмом, автор нескольких книг и многих публикаций по практической работе следствия и оперативной работе в ОВД, в органах внутренних дел начал работу с должности помощника оперуполномоченного уголовного розыска в 1949 году.

Николай Герасимович Ваганов стоял у истоков создания уголовного розыска, а Рудольф Куккор был единственным в СССР начальником отделения в звании полковника милиции.

Нельзя не вспомнить профессиональных оперативников, знатоков сыска и негласных методов работы уголовного розыска Лембита Тинта, Леонида Ходункова, Рене Альберга, Виктора Виронена, Вальдека Леэка, Петра Цапарова, Ильмара Вахтра. Павел Ваник вошел в историю, «расколов» на глазах у московских сыщиков убийцу научного сотрудника ядерного центра «Дубна» Чартчана знаменитого Фрома.

Прекрасно владели всеми тонкостями службы БХСС такие профессионалы, как начальник УБХСС, основатель Клуба ветеранов ОВД Эстонии Василий Родионович Грищенко, начальник отдела БХСС

УВД Таллинна, гроза таллиннской торговли, знаменитый «Дядя Женя» Евгений Лепнев, Эрих Митт, Юхан Сойни, Гарри Виллемсон, Анатолий Васильев.

Служба следствия является последним этапом в раскрытии преступлений и привлечения к суду виновных лиц, от профессионализма ее сотрудников во многом зависит эффективность работы милиции в борьбе с преступностью. Эту службу возглавлял в УВД Таллинна специалист высокого класса Эндель Мауэр. Под его руководством работали Март Кюннапас, Франц Метельский, Эндель Раннус, в прошлом – начальник Ленинского РОВД Таллинна, затем – глава СО УВД города.

Без информации невозможна деятельность основных служб милиции. Информационный центр при МВД Эстонии длительное время возглавлял ветеран ВОВ полковник внутренней службы, ныне ушедший, но отметивший свой 90-летний юбилей Иван Иванович Куртин.

10 ноября 2017 года отмечается 100-летний юбилей создания милиции (теперь полиции). Именно в этот день в 1917 году первый нарком внутренних дел Алексей Иванович Рыков подписал указ о создании советской рабоче-крестьянской милиции. На нее возлагались охрана общественного порядка, борьба с преступностью и многие другие функции, которые она успешно выполняла в течение века.

В связи с предстоящим юбилеем не хочется повторять высокопарные слова, которые характеризуют деятельность милиции (полиции), однако важно помнить, что милиция была создана для народа и комплектовалась из народа (поначалу на работу в милицию принимались только лица, имеющие рабочее или крестьянское происхождение). Примеча-

тельно, что на памятной медали в честь 100-летия создания милиции отчеканено: «Служа закону, служили народу».

Лучшую характеристику милиционеру дал выдающийся деятель советской культуры В. И. Немирович-Данченко: «Милиционером мы всегда дорожили потому, что он охраняет наше спокойствие, помогает нашему благополучию. Милиционера мы всегда уважали потому, что он то и дело рискует жизнью. Но думали ли мы когда-нибудь, что милиционера мы полюбим? Полюбим просто, сердечно, дружелюбно. Он привел нас к этому чувству. Привел великолепным соединением мужества с мягкостью, строгости с вежливостью, внимания с твердым руководством».

Хочется поздравить всех ветеранов милицеской службы и всех работников ОВД с предстоящим юбилеем, пожелать крепкого здоровья. Вечная память погибшим при исполнении служебного долга на боевом посту, а также не дожившим до 100-летнего юбилея милиции.

Владимир Васильевич Голиков,
полковник милиции,
ветеран ОВД

ЛИТЕРАТУРНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КОРМИЛЬЦЫН

Год рождения: 1951

Место рождения: город Стародуб, Брянская область

Образование: Таллиннское мореходное училище,
Тартуский университет, юридический факультет

Опыт работы: различные должности в МВД Эстонии

Выход на пенсию: 1990

Звание: капитан милиции

Сниму с себя пальто,
Накрою узенькие плечи.
Отдаст оно мое тепло
На память о последней встрече.

Твой след теряется в снегу,
И силуэт становится все тоньше.
Я тенью за тобой скольжу,
Чтобы побыть с тобой подольше.

И даже если заметет
Твои следы седая вьюга,
Я птицей полечу вперед,
Чтоб не ходить тебе по кругу.

Как быстро пролетает время,
Бесшумно унося года...
И остаются только с нами
Незавершенные дела,

Следы поступков безрассудных
И скука от ненужных встреч,
И стаи мыслей запоздавших,
Которых незачем беречь.

О, лицемерие людское!
Приходишь к нам и здесь и там
И не даешь ты нам покоя,
Плетешься тенью по пятам.

В душе с рассудком нашим споря,
Ты верх берешь и сеешь ложь.
Негодование маской скроешь
И лестью сладкой гнев зальешь.

О, лицемерие людское!
Ты будешь всюду и везде.
И ты не дашь сердцам покоя,
И лишь оставишь нас во сне.

Шаги, шаги, шаги в темноте.
Кто это тенью скользит по земле?
Что ему нужно, куда он идет?
Факел зажженный в руке он несет.

Кто это? Странник, сошедший с небес,
Или пастух, растерявший овец?
Машет он факелом взад и вперед,
Словно сигнал кому-то дает.

В поле он вышел и стадо собрал,
Души людские на поле согнал.
Мечутся души, не выйти с кольца –
Факелом круг очерчен до конца.

Звезды с тревогой с неба глядят,
Им на замену души летят.

Искрится снег под светом лунной ночи,
Деревья призадумавшись стоят...
Еще совсем недавно была осень,
А нынче снег засыпал все подряд.

Украсил все, что забыто природой,
Ушедшей на покои до весны.
И даже звезды, эти недотроги,
Застыли в небесах и видят сны.

Все спит, прикрывшись снежной шалью,
Сотканной в мастерской зимы.
И даже ветер, вечный странник,
Затих под музыку луны.

Завывает пурга, завывает,
Хлопья снега бросает на лес,
С ветром в поле игру затевает
И взлетает до самых небес.

Расшалилась седая колдунья,
Хохоча все ломает и гнет.
Наметает в оврагах сугробы
И победную песню поет.

Завывает пурга, завывает,
Хлопья снега бросает на лес,
А под утро, устав, улетает
Белой птицею ввысь, до небес.

Мы были стражами Фемиды,
Нам не вручали ордена.
Но совесть нас не будет мучить,
Что мы карали для добра.

Не гоните его, не ругайте,
Не стреляйте прицельным огнем
И проклятья вслед не бросайте,
Ведь не сразу он стал вором.

Все мы – люди, и он к нам относится,
Только вырос не в теплых домах.
Родила его мать-беспризорница
В астраханских душистых степях.

Он не видел в детстве игрушек,
Их ему никто не дарил.
С детства пробовал пиво из кружек,
По пивным его отчим водил.

Так прошло невеселое детство,
И ребенок забытый подрос.
Покидая семью алкогольную,
Рубль последний из дома унес.

Первый рубль, не трудом заработанный,
А добытый нечестным путем
Для него стал звездой путеводною.
Он по воле судьбы стал вором.

Стал он вором совсем образованным,
Всю науку познал в лагерях.
Десять ходок – и вор титулованный
На казенных вырос хлебах.

На тюремных ночных посиделках,
Когда спать вертухай уходил,
Разрешал он разборки и сделки
И всегда справедливо судил.

А когда выходил на свободу,
Вся братва провожала его.
От железных ворот джип «Toyota»
Увозил короля своего.

Но на все в жизни срок имеется...
Журавлями летели года,
На душе заметалась метелица,
На висках прижилась седина.

Ему вспомнилось детство голодное,
Как лупил его отчим ремнем
И девчонка за кражу карманную
Назвала его дураком.

Не познал он любви и товарищей,
Не с которыми вместе сидел,
И имел он немного радостей,
Чем делиться ни с кем не хотел.

Проклиная судьбу безысходную,
Он задумал уйти от нее.
Не желая попасть в преисподнюю,
Решил душу спасти еще.

Он с мольбой обратился к Всевышнему,
Чтобы жизни открыл секрет
И звездою, над степью зависшею,
Указал, где найти свой ответ.

А ответ тот сокрыт в простой истине:
По библейским законам живи,
Соблюдая простые правила:
Не живи для себя, не кради,
Если встретишь голодного путника,
Напои его, накорми.

Когда к нам подползает старость,
Зовут нас в молодость года,
Чтоб сохранить в нас икры страсти
Погасшего уже костра.

И пусть из них не будет пламя
Тех чистых юных лет.
Но в нашем сердце след оставит
С любимой встреченный рассвет.

Памяти Анны Ахматовой

Я видел женщину, держащую перо,
Во сне, не наяву.
Она сидела за столом,
Смотрела в синеву.

А в синеве, там, за окном,
Рождался стихотворный том
Как памятник перу.

Года прошли, и нет окна,
Но синева за ним осталась.
И шорох слышится пера.
Ахматова еще жива!

В стихах является она.
И сохранила ее слава
Поэтов века Серебра.

Сегодня скорбный день, и на душе лежит печаль.
Плохую новость сообщили. Как друга жаль!

Не тронет больше струн гитары его рука,
И хриплый голос не заставит дрожать сердца.

В своих стихах и песнях себя не прославлял,
Но голосом сквозь сердце все строки пропускал.

Я слышу его голос, он и сейчас поет
Из дальних, недоступных, неведомых широт.

Несет мой плот течением
Неведомо куда.
Не слышно песнопения,
А лишь шумит вода.

Куда же меня вынесет
Течением судьба?
Постигну ли я истину,
Что жизнь всего одна?

Несет меня течением,
И нет в руках весла.
Мне не свернуть с дороги
И не коснуться дна.

Судьбою предназначено,
Каким путем идти.
И вехами отмечены
Все вехи впереди.

«Эх, дороги, пыль да туман...» –
Запевал отец, поднимая стакан.
И в окно открытое в теплый майский день
Отвечало эхо с фронтовых полей.

И хотя немало уже лет прошло,
Пыльные дороги вспоминать свято́.
По ним в лето, в осень, в холод и жару
Шел солдат с победой к вражьему гнезду.

Вот и мы сегодня, сидя за столом,
Запевали песню, спетую отцом.
Но не слышно было голоса его,
Допевало песню эхо за него.

Темной ночью в небе звезды освещаются луной.
Ты тропой лесною выйдешь на поляну под сосной.

В волосах твоих зеленых аромат лесных цветов
Опьяняющим дурманом наполняет сердце вновь.

Выйду я к тебе навстречу из земного бытия
И, как прежде, юность встречу, что при мне тогда была.

В этот миг с колдуньей рядом снова счастлив я и мил.
С поднесенного мне кубка колдовское зелье пил.

Пусть похмелье будет долгим и в тумане голова,
Не хочу я пробуждаться и воспрянуть ото сна.

Зелья вкус я вспоминаю, аромат ее волос,
Глаз зеленых ощущаю до сих пор немой вопрос.

Я тихо к дому подойду,
Калитку бережно открою
И в юность прошлых лет войду,
Впадая в трепет всей душою.

Шагами меряю тропу,
Что с детских лет меня водила
От палисадника к крыльцу
И в дом, где мы когда-то жили.

Блуждаю в памяти своей,
Ища знакомые предметы,
Но только вижу пустоту –
И в доме я, а жизни нет.

Глядят уныло на меня
Сквозь сито тонкой паутины,
Покрывшись пылью, два окна
Да ствол березы у окна,
Которой ветви обломили.

Куда ни глянь – все тишина...
Безмолвьем веет со двора,
И грусть ползет из окон дома,
Ложась на сердце у меня.

Стою, не смея шаг ступить
На в землю вросшие ступени.
Кто в этом доме ждет меня
И гость ли я здесь в самом деле?

Чужие люди здесь теперь,
Им дела нет до ностальгии.
На кладбище нашли приют
Хозяин дома и другие.

Ворота старые открою,
Под грустный скрип во двор войду
И в прошлое, с душой не споря,
Как блудный сын, дрожа войду.

Пройду по узенькой тропинке
До ветхого крыльца.
Береза мне с укором скажет:
«Дождались молодца!»

Дойду и встану весь в тревоге:
Кто выйдет на крыльцо?
А голубь с крыши мне воркует:
«Никто-никто».

Не верю голубю, сгоняю
Его перчаткою с руки.
А он, взлетая, вновь бросает:
«Ты подойти и постучи».

Стучу немеющей рукой
В обитую клеенкой дверь.
А сердце говорит: «Не верь,
Сейчас откроют тебе дверь».

Напрасно жду я у двери,
Шагов не слышно, ни души.
Да, голубь прав, он – старожил,
Ведь я здесь много лет не жил.

Нарва-Йыэсуу

За что люблю я Нарва-Йыэсуу?

Чем так влечет она меня?

С ней связана незримой нитью вся жизнь и молодость моя.
Пьянящий запах хвои сосен, прибрежных парков тишина,
Моторок быстрых бег у взморья, баркас седого рыбака,
Полет летящей в небе чайки, скользящей тенью по волне,
И свет зеленый светлячка, застывшего на старом пне...
Все я с любовью вспоминаю, когда меня тревожит грусть,
И в Нарва-Йыэсуу приезжая, я к морю с радостью стремлюсь.
И чувствую, как приливают силы, как отступает внешний мир,
Я окунаюсь в атмосферу, где был я молод и любил.
И слышу, как вздыхает море, устав от утренних забот,
И вижу, как седую тенью туман спускается с высот.
В беседке на пригорке в парке я тихо сяду на скамью
И, растворившись в полумраке, я с прошлым разговор начну.

Тихо шепчет камыш, наклонившись к воде.
Что там он видит на илистом дне?
Золото скифов? Челнок рыбака?
Темную тайну, что скрывают века?

Быстрым течением годы текут,
Множество тайн они унесут.
Мне не узнать, не спросив камыша,
Тайны какие скрывает река.

Шепчет камыш, наклонившись к воде,
Тайну хранит, недоступную мне.

Памяти Жанны д'Арк

Упал клинок из девичьей руки,
Перчатка брошена на землю.
Стой, Жанна! Меч свой подними!
Не все враги еще повержены!

Не верь льстецам из королевского двора,
Ты ими будешь инквизиции сдана,
Которые в угоду Сатане
Вердикт суровый вынесут тебе –
Сожженной быть в Руане на костре.

Под барабанный бой и возгласы толпы
Ты на костер взойдешь без всякой суеты.
Объятья жаркие огня,
Из уст последние слова:
«Отчизна будет спасена!»
И черный дым вокруг столба.

Пройдут года кровавых распрей,
В Европе воцарится мир,
Но подвиг девы Орлеанской
Народной памятью храним.

Буревестник

Мне не догнать его в полете,
Мне не найти его вдали.
Он с ветром спорит в перелете,
С волною говорит на «ты».

Его стихия – шторм и буря,
Он неподвластен тишине.
Паля над морем, он ликует,
Хоть одинок в туманной мгле.

Он буревестником зовется,
Предвестник буйной красоты.
Утихнет буря, он уймется,
Как призрак скроется вдали.

Надо мною пролетают журавли,
Острым клином разрезая небо.
Крик протяжный слышится вдали –
Это стая расстается с летом.

Ветер разгоняет облака,
Листья желтые кружат в прощальном вальсе.
И крадется в сердце тихая тоска:
Я старею, ты все молода.

Вот и встретились, я ждал тебя все лето,
Утомлен жарой и суетой.
С журавлями улетела на рассвете
Мысль шальная быть всегда с тобой.

Я не в силах изменить природу:
Временам отмерен свой черед.
Мимо ты пройдешь своей дорогой,
Озаряя пламенем восток.

Но я знаю, будут еще встречи.
Журавли подскажут твой приход,
Принесет твоё дыханье ветер,
И тебя я встречу у ворот.

ГЕННАДИЙ ЯКОВЛЕВИЧ ПАШКУРЛАТОВ

Год рождения: 1948

Место рождения: город Феодосия

Образование: Минская высшая школа МВД СССР

Опыт работы: в Ленинском РОВД Таллинна,
юрисконсульт на заводе «Вольта»,
адвокат по уголовным делам

Детям о детях природы

Как вы думаете, дети,
Проживает ли у нас
На родной Земле-планете
Еще кто-то, кроме вас?

Ну, понятно, мамы, папы,
Тети, дяди, баба, дед,
Где-то мишка косолапый
Лижет лапу на обед.

Крокодилы, попугаи,
Кукареку, мяу, гав.
В небе птиц летают стаи,
В жарких странах есть удав.

Овцы, хрю, коровы, кони,
Слон, верблюд, осел, коза,
Заяц, волк, лиса и пони,
Муравей и стрекоза.

Таракашки и букашки,
И колючие ежи,
Рыбы разные и пташки,
А в морях живут моржи.

В общем, деток у Природы
Столько, что не сосчитать.
И не только все народы,
Это каждый должен знать.

Ведь у Матери-Природы
Кроме рыбок, змей, людей
И другие есть породы,
Где бесчисленно детей.

А вы знаете ли, дети,
Жил кто и живет сейчас
На Земле, родной планете,
Кроме птиц, зверей и нас?

Как у нас, у них есть души,
Память, радость и печаль,
Нас они умеют слушать,
Нам же часто их не жаль.

Их нередко мы пинаем,
В них плюем, бросаем хлам,
Мы же не подозреваем,
Что им больно, как и нам.

Дураки и притчи

Притча каждая – намек,
Размышляющим урок.
Тот, кто это понимает,
Притчам всем всегда внимает.

Может только лишь дурак
Притчи понимать не так.
Но об этом он не знает
И едва ли осознает.

Дураку и невдомек,
Что содержится намек
На пороки человека
В мудрых притчах в век из века.

Дурней мало, это так,
Но расставлены-то как!
Где нельзя и там, где можно,
Их не встретить невозможно.

Дураки, известно ведь,
Были, есть и будут впредь,
Чай, не мамонты, не сгинут,
Навсегда нас не покинут.

Им хоть притча, хоть закон
Из разряда тех препон,
Что есть непреодолимы,
Их уму непостижимы.

Дурням притчи объяснять
Иль законы толковать
Если кто-то возжелает,
Им себя уподобляет.

Эгоизм и альтруизм

По мотивам притчи «Про ад и рай»

Я захотел во сне узнать,
В раю какая благодать,
Да и про ад все уточнить
И можно ль на том свете жить.

Я обратился к Богу так:
«Будь добр, ты Расскажи мне, как
Живется всем на свете том,
Чтоб сопоставил я потом».

Ответил Бог: «Я не скажу.
Тебе я лучше покажу.
И вот тогда ты сам поймешь,
Как страшен ад, чем рай хорош».

В аду – огромный круглый стол,
На том столе стоит котел,
В котле же ароматный плов
К употреблению готов.

Вокруг там грешники сидят,
На плов с тоскою лишь глядят,
Все, как один, истощены,
Глаза их горечи полны.

Стон раздавался там и тут,
Казалось, все вот-вот помрут.
Но пища рядом, и она
Насытить может всех сполна.

Но к их рукам прикреплены
Всем ложки, но такой длины,
Что из котла лишь можно взять,
Но своего рта не достать.

И слышен скрежет там зубов,
Поесть никак не могут плов.
Им вечно суждено страдать,
Просвета вовсе не видать.

В раю такой же круглый стол,
И с пловом тут стоит котел,
И люди так же за столом
Сидят, но только тишь кругом.

Такие ж ложки у них есть
Прикреплены, но только здесь
Царят довольство и покой
И раздается смех порой.

Никто отнюдь не истощен,
И каждый счастьем поглощен.
Глаза веселости полны
И радостью опьянены.

В недоумении я был,
И Бога сразу же спросил:
«Но почему? И как же так,
Что здесь – покой, там – стон и мрак?»

И Бог сказал мне: «Потому,
Что там себе лишь самому
Стремится каждый что-то дать,
А на других им наплевать!

А тут друг друга кормят все,
И вот поэтому у всех
Всегда довольный, сытый вид,
И каждый радостно глядит.

Там всех окутал эгоизм,
Здесь процветает альтруизм.
В тебе самом и ад, и рай,
Вот сам себе и выбирай».

На том закончился мой сон.
Немало пользы дал мне он.
Теперь я точно буду знать,
Как эту жизнь мне проживать.

*Мораль: ад и рай устроены одинаково.
Разница – внутри нас.*

Медведь-заяц

Басня

С косилапым приключилась
Неожиданно беда:
Как-то так уж получилось,
Что родной лес навсегда

Вдруг пришлось ему покинуть.
Он был вынужден идти,
С голодухи чтоб не сгинуть,
В путь далекий и найти

Подостойнее работу,
Своей силушке под стать,
Так как он имел заботу –
Медвежат да иху мать,

То бишь все свое семейство,
Честь по чести содержать
Да еще иметь бы средства
В черный день не голодать.

Злой, уставший и голодный
Долго Мишка тот бродил,
Но вакансии свободной
Все никак не находил.

Наконец-то лес попался.
Очень кстати, денег – шиш.
Штат свободным оказался,
Но, увы, для зайца лишь.

Что же делать, сколько можно
Не работать, а искать?
Уже больше невозможно
Домочадцам голодать.

Вмиг оформили на должность,
И был вынужден медведь
За свою трудоспособность
Оклад зайчика иметь.

Пашет днями и ночами.
Год за годом проходил.
И в деньгах концы с концами
Еле-еле он сводил.

Вдруг негаданно-нежданно
В этом самом же лесу
Повстречал медведь случайно
Хитроумную лису.

И промолвила лисица:
«Тебе факт я опишу,
Чтобы мне тут провалиться,
Если только я сбреншу.

Твою должность занимает
Здесь косой давным-давно
И забот-хлопот не знает,
А начальству все равно».

Косолапый возмутился
Тем, что в штате за него
Заяц кое-как трудился,
Деньги хапая его.

Но, по лисьим разговорам,
Если кумушка не врет,
Есть комиссия по спорам.
И медведь туда идет.

И косого пригласили
В ту комиссию из львов.
Его сразу и спросили:
«Ну, а ты есть кто таков?»

«Я – медведь, – ответил заяц, –
Вот и справка у меня. –
Тычет в документ он палец:
«Здесь написано, кто я».

Тут Мишутка наш взъярился:
«Здесь один лишь я медведь!
Заяц мною притворился,
Да по мне же видно ведь!»

Но комиссия спокойно
Молвила: «Ты хоть и зверь,
Но ведай себя достойно,
Или выставим за дверь.

Из отдела кадров справка
Для нас главный аргумент.
Так что ты на нас не гавкай,
Мы же смотрим в документ.

И гласит он однозначно,
Кто ты есть на сей момент.
Ты бузишь тут неудачно,
С нами спорить смысла нет».

И ушел тот косолапый,
Правды не сумев добыть,
Проклинал он маму с папой,
Мол, уж лучше зайцем быть.

Здесь мораль искать напрасно.
Штат комиссии таков,
Что прижились там прекрасно
Сплошь ослы заместо львов.

О законе бумеранга

Притча

*Не делай зла – вернется бумерангом,
Не плюй в колодезь – будешь воду пить,
Не оскорбляй того, кто ниже рангом,
А вдруг придется, что-нибудь просить.
Не предавай друзей, их не заменишь,
И не теряй любимых – не вернешь.
Не лги себе – со временем проверишь,
Что этой ложью сам себя ты предаешь.*
Омар Хайям

Как-то раз балду-Ивана
Бог спросил, призвав к себе:
«Ты скажи мне без обмана,
Что для счастья дать тебе?

Я ведь сущий всемогущий,
Мне трепаться не к лицу,
Безгранично всем дающий
Даже хоть и подлецу.

Но условие такое:
Что тебе я сотворю,
То соседу будет вдвое,
Это сразу говорю».

Пятерней чеша в затылке,
Призадумался Иван:
«Что еще за подковырки?
То ли сплю я, то ли пьян?

Как бы ни было, но все же,
Если я на небесах,
То всевышний мне поможет,
Ведь бывают чудеса».

И представил на минутку
Ваня новый «Мерседес»:
«Коли Бог сказал не в шутку,
Значит, мир не без чудес».

Попросил еще он дачу,
Шляпу, новое пальто,
Яхту белую в придачу,
Да жене своей манто.

Вдруг Иван тут спохватился,
Вздрогнул и подпрыгнул так,
Что с небес чуть не свалился
Кое-как.

Пот его прошиб холодный:
«Лучше буду я на дне
И всю жизнь ходить голодный,
Чем соседу все вдвойне!»

Сразу он переключился,
О другом чтобы просить:
«Лишь бы Боже согласился,
Чтоб соседу досадить».

Предвкушал Ванюша радость
Уже только оттого,
Что кому-то будет гадость
От проделок от его.

Не давал ему покоя
Извращенный склад ума:
«Коль соседу будет вдвое,
Пусть же станет ему тьма!»

И взмолился он: «О, Боже,
Мой всевышний господин!
Верю я, что все ты можешь,
Забери мой глаз один!»

Внял ли Бог мольбе уроды
И лишил кого-то глаз,
Неизвестно. Но порода
Ванек многим в самый раз.

Но в реальной жизни гадость
Обретает больше тот,
Кто другим желает пакость,
То есть все наоборот.

Ведь у Матушки-Природы
Бумеранга есть закон.
И всегда на все народы
Он влияет без препон.

Наша жизнь есть отраженье
Всех поступков наших, слов.
К их любому проявленью
Каждый должен быть готов.

Тут кому уж как придется.
Что желаем мы другим,
К нам же сторицей вернется,
Даже если не хотим.

Так что лучше уж благое
Делать мыслить, говорить.
Негатив же, все плохое –
Не желать и не творить.

Судьба

Часто сетуем мы с вами:
Отчего вот так живем,
Что и в бедах пребываем,
И друг друга не поймем.

Нас нередко посещают
То страдания, то печаль,
Сострадание исчезает,
И друг друга нам не жаль.

И из чаши горемычной
Пить, порою и сполна,
Стало нам уже привычно,
Будто чаша та без дна.

Чем же объяснить невзгоды
И букет несчастий всех?
И тоску от непогоды
В душах наших? В чем наш грех?

А быть может, изначально
Сия карма – наш удел?
И, как это ни печально,
Невозможен передел?

Нет, друзья, ведь объективно
Сами мы судьбу вершим.
И коль мыслим негативно,
Так вот жизнь и завершим.

В суете необозримой
Недосуг уразуметь,
Что всегда необходимо
Род свой в сердце нам иметь.

Все страдания и боли –
Это свыше нам урок.
Но без нашей доброй воли
Те уроки все не впрок.

Жить в гармонии с природой
Нам предопределено,
Но утратили народы
Эту связь давным-давно.

Существуют все создання,
Даже чудище Лох-Несс,
По законам мироздания,
Кроме *Homo Sapiens*.

Плоть свою мы ублажаем –
Подавай ей все сейчас!
О душе же вспоминаем
Лишь в последний день и час.

Сущность наша неразрывна
Быть должна, ведь человек –
Это троица едина:
Тело, дух и интеллект.

Коль не будут гармоничны
Наши тело, разум, дух,
А мы будем безразличны,
Сгинет счастье в прах и пух.

Чтобы обрести нам счастье,
Уж пора давным-давно
Вновь соединить все части,
Как нам отроду дано.

Ясно все. Так в чем же дело?
Неразлучны будут пусть
Всегда разум, дух и тело –
Триединая наша суть!

Песня попа о золотых мгновениях и о балде

Музыка: М. Таривердиева (мелодия песни «Мгновения»)

Слова: Родислава (Геннадия) Папшурлатова

Не думаю о злате свысока,
Иметь его мне бог подал умение,
Когда к деньгам вдруг тянется рука,
Благословляю каждое мгновение.

Что деньги – зло, давно известно всем,
Тебе, чтоб счастья ощутить мгновение,
Избавься ты, балда, от них совсем,
Тогда получишь удовлетворение.

У каждого мгновенья свой доход.
Балде от денег лишь отдохновение.
Под каждой колокольней свой приход.
Мне от овец всегда обогащение.

О злате думай ты лишь свысока,
Коль вспомнишь вдруг о денежном явлении.
Пусть пролетят те мысли у виска,
Не задержавшись даже на мгновение.

Для золотых мгновений есть предел,
У них всегда свои ограничения.
Без денег быть – балды это удел,
Он мне их отдает для развлечения.

Мгновения спрессованы в года,
И я надеюсь на их долголетие,
Хоть я не понимаю иногда,
Где первые и будут ли последние.

Из крохотных мгновений состоят
Ниспосланные свыше накопления.
Мне постоянно руку золотят
Мгновения, мгновения, мгновения.

Не наживай врагов

Не следуй всем подряд советам,
Но говори всегда при этом,
Что только им благодаря
Ты в мире этом есть не зря.

«Всегда твоим советам внимлю,
Рекомендации приемлю», –
Коль так примерно говорить,
То недругов и не нажить.

Устроены уж так вот люди:
Советы, словно бы на блюде,
Желают страстно преподать,
Считая то за благодать.

Советчик наш всегда уверен,
Что добродетели он верен
И что сполна исполнил долг,
(Не ведая, какой в том толк).

Воспользуется кто советом
И польза будет ли при этом,
Советчик не желает знать.
Сказать вернее – наплевать.

Не зря, однако, Мать-Природа
Дарует людям в род из рода
Только один язык всегда,
А уха два. И что тогда?

Да те, кто треплет языками,
Как правило, скудны умами.
Побольше слушай, человек,
И счастлив будешь свой весь век!

Наш общий дом

Дом наш общий – не дом,
Где под крышей живем,
Даже и не страна,
Хоть какая она.

Мать-Земля – вот наш дом.
Надо помнить о том.
Мы должны все хранить
Землю, но не губить.

Человек возомнил,
Что он выше всех сил,
Над Природой венец.
Вот какой удалец!

Хоть и создан был сам
Он Природой, но в хлам
Разоряет свой дом,
Не печалась о том.

И научный прогресс
Мы внедряем в процесс
Разоренья всего.
Ну и что из того?

Дом наш – не идиот
И всегда воздаст
Бумерангом в сто крат.
Неизбежен возврат!

Исторгаем что мы –
Это как бы займы:
Возвращается в рост
Как добро, так и злость.

Наш родной общий дом
Превратили в дурдом,
Исказили все мы,
Угодив князю тьмы.

Это всем нужно знать,
Чтобы срочно менять
Отношение к ней,
Кто для нас всех родней.

К Мать-Землице родной
И к Природе самой,
К обитателям всем.
И менять нао всем.

Надо так изменить
Отношение – жить
Чтоб с Природой в ладу.
Не познаем беду.

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ПРОКОФЬЕВ

Год рождения: 1946

Место рождения: поселок Костерёво, Владимирская область

Образование: Днепропетровский химико-технологический институт

Опыт работы: хозяйственные должности в химической промышленности и строительстве, инструктор Морского райкома партии, заместитель начальника Морского РОВД

Звание: майор милиции

Ты – чудо природы, ты – словно из света,
Из лунных и солнечных ясных лучей,
Из теплой улыбки цветущего лета
И с вольным разлетом точеных бровей.

Ты – чудо природы, ты – словно из сказки.
Душою чиста, как небесный родник.
Глаза – два сапфира – светятся лаской,
Их свет глубоко в мое сердце проник.

Ты – чудо природы, ты – тайна Вселенной.
Ее совершенство вобрав и красу,
Заплачешь ли ты, солнца луч непременно
Слезы осушит твои, как росу.

Ты – чудо природы. Вдоль берега моря
Идешь и пленяешь улыбкой и станом.
А волосы с ветром играючи спорят,
Чудесные волосы цвета каштана.

Солнышко мое

Пиджак надену в клеточку
И небрежно, с силой,
На лоб надвину кепочку
И пойду я к милой.

Расцветет улыбкою,
Солнышко мое,
Обниму я гибкую
Талию ее.

Легкую, как перышко,
На руки возьму,
К сердцу мое солнышко
Крепко я прижму.

Вечером украдкою
Убежим в жнивье,
Зацелую сладкие
Губы я ее.

Грезами и сказками
Эта ночь щедра.
Согреваться ласками
Будем до утра.

Не привык я к таким красивым,
В моей жизни давно их нет.
Днем осенним, зябким, тоскливым,
Принесла ты тепло мне и свет.

Ты напомнила давнее время,
То, что вдаль унеслось рекой.
Ты – и радость моя, ты – и бремя,
Что мне делать с красивой такой?

Ты, как песня, звонкая, смелая,
И цвет твоих глаз голубой.
Я счастливой тебя не сделаю,
Отчего же ты рядом со мной?

И уйти от тебя не получится,
Твои губы тому виной.
Так и буду любить и мучиться,
Что не в силах расстаться с тобой.

Звезды неба над твоею головой
Сияют в золотистом блеске,
Солнца луч лишь для тебя одной
Скользит по белой занавеске.

Свет луны далекой и безмолвной
Воду серебрит в тумане белом.
Играются с тобой морские волны
И восхищаются красивым телом.

Тонкий аромат прекрасной розы,
С ним твое дыхание сравнимо.
Ты вызываешь и восторг, и слезы,
Ты – женщина и ты – неповторима!

Милая, тихая, малая Родина
Приходит в последнее время во сне.
И ясно раскидистый куст смородины
Под окнами дома видится мне.

Будто, как в детстве, я огородами
К реке через пойму иду босиком.
И пахнет в лугах и травой, и коровами,
Их свежим и теплым парным молоком.

Вот я у Клязьмы стою и с обрыва
В воду бросаюсь вниз головой.
Река в этом месте так тороплива,
Что боязно плыть мне на берег другой.

Там за рекой леса темные чащи,
Всякая нечисть в лесах тех живет,
А иногда чей-то крик леденящий
Явственно слышен из топких болот.

У самой реки под развесистой ивой
Я укрываюсь в полуденный зной.
Рядом ручей здесь бежит молчаливо,
Трава набегают зеленой волной.

Речка бесшумно несет свои воды,
Вдали огибает берег крутой.
И надо мной – только синь небосвода,
А на душе – безмятежный покой.

*Зачем, душа, в моем ты поселилась теле,
Раз из него уйти ты все равно должна?*

Омар Хайям

Душа моя, не покидай меня!
Дай жизнью этой насладиться.
Не улетай в небесные края
Белой, быстrokрылой птицей.

Пусть там, вверху, спокойно и светло
И музыка волшебная играет.
Мне здесь, внизу, где снега намело,
Земной любви и теплоты хватает.

Душа моя, побудь еще со мной!
Не время мне с любимой расставаться.
Я так хотел бы раннею весной
Вместе с ней по лесу прогуляться.

Немая боль живет в моей груди,
А с нею поселилась и тревога.
Душа моя, постой, не уходи!
Наедине со мной побудь еще немного.

Моему другу

Ну, что, мой друг? Уж старости пора,
Мы словно на последнем рубеже.
А с жизнью дальше продолжается игра,
Пусть нам с тобой по семьдесят уже.

Мой друг! По этой жизни рядом
Идем с тобою вместе много лет.
И наша дружба стала нам наградой,
Она для нас – неугасимый свет.

В тебе всегда живет душа поэта,
И впереди еще твой звездный час,
Ведь год за годом, с осени до лета,
Все ждет тебя любимец муз Пегас.

Что из того, что мы, мой друг, стареем,
Что иссякает жизненный запас.
Быть может, мы с тобой еще сумеем
Кряхтя, на корточках, подняться на Парнас.

Сейчас ты далеко, ведь ты в Дубае,
У ног твоих Индийский океан.
Я чувствую и глубже понимаю,
Что в этой жизни ты мне свыше дан.

Пусть день сегодняшний становится вчерашним,
Предугадать судьбу нам не дано.
Но мне все кажется: в Бурдж-Халифа башне
Мы пьем с тобой «арабское вино»*.

* Рецепт кофе из книги 1844 года.

Что-то грустно, хандра наехала...
Видно, годы берут свое.
Достаю с книжной полки я Чехова
И читаю про жизнь-бытие.

Вижу я этот дом с мезонином.
То – навеки ушедшая Русь.
Там в саду запах роз и жасмина,
Там художник целует Мисусь.

Отошло, пролетело то время,
И другой у нас нынче уклад:
Не надеясь на Бога, не веря,
Мы по жизни идем наугад.

Затянулась та даль пеленою,
Не вернуть сердцу милых утрат.
И грустят, словно рядом, со мною
Тот художник, Мисусь, старый сад.

Как блестели твои глаза
В нашей беседке летом.
Целовать тебя было нельзя,
Ты все время твердила об этом.

Ну, а я, влюбленный в тебя,
Губами искал твои губы.
Ты смеялась, вихор теребя,
Говорила, какой же я грубый.

В окошке напротив гас свет,
И мы зажигали свечи.
Нам было четырнадцать лет,
И был теплый июльский вечер.

Унеслись, пролетели года.
Помню сад и тебя, недотрогу.
Как же хочется мне иногда
Отыскать в свое детство дорогу.

Этот август в цветах с желтизной
Подарил мне любовь и мечты.
Я теперь переполнен тобою,
Наяву и во сне – только ты.

О тебе мне шептал теплый вечер,
О тебе шелестели кусты,
И сулили мне радость от встречи
На лугах полевые цветы.

О тебе щебетали мне птички,
О счастье земном на двоих,
И словно просили водички
Из ладоней напиться моих.

И вокруг все как будто дышало
И жило тобой лишь одной.
И, казалось, душа улета
Под небосвод голубой.

Кто мы, пришедшие в этот мир,
Чередой уходящие из него?
Каждый пред вечностью наг и сир
И не взявший с собой ничего.

Не понять этой жизни чисел,
Ее смысла узнать не дано.
Оттого и бывает так кисел
Виноград и вино из него.

На старой даче

Деревья все промокли под дождем,
Земля уже не принимает влагу.
А на полях вода бежит ручьем,
Стремится к близлежащему оврагу.

Холодным вечером камин я растоплю,
Теплее станет у меня на даче.
Я не скажу, что осень не люблю,
И все же слишком часто она плачет.

Люблю смотреть я, как горят дрова,
Как искры рассыпаются и гаснут.
А мыслей тонких нитей кружева,
Как раньше, беспокоят понапрасну.

Я здесь один среди картин и книг,
Они – друзья в моем уединенье.
И проведенный с ними час, как миг,
Приносит в душу мне успокоенье.

Я тут в тиши ко многому привык
И даже к лампе с синим абажуром.
Она неровно освещает Божий лик,
Бросая тень над гипсовым Амуром.

Тьма окружила дом со всех сторон,
Дневные звуки стихли вдалеке.
И, как всегда, одолевает меня сон
В любимом кресле с книгою в руке.

Мы встретились с тобою, чтоб расстаться,
Тебя любовь моя не сможет удержать.
Нам не придется вместе улыбаться,
Как не придется вместе и страдать.

Зачем же сердцу моему такие муки?
Зачем душе моей безжалостная скорбь?
И с нежностью целуя твои руки,
Я слышу уходящих звуков дробь.

Молю судьбы святое провиденье,
Тебя, любимая, остаться хоть на миг.
«О, как продлить любви своей мгновенье?»
В душе моей я слышу этот крик.

Прости мне все – и радость нашей встречи,
И трепет поцелуев серых глаз.
О, как бы я хотел обнять те плечи
И к милому лицу прижаться еще раз.

Прости мою любовь и нежные объятия,
Ведь все прошло и все уже в былом.
И долго-долго буду вспоминать я
О девочке с искрящим смехом ртом.

Мы под звездами мечтали
В полуночный час.
И была звезда печали
Далеко от нас.

В вышине ты разглядела
Звездочку, как луч,
Ярче всех она алела
Среди черных туч.

Пусть она залогом счастья
Светит на пути
И заставит все ненастья
От тебя уйти.

Пусть тебя обогревает
В холод и мороз,
Ярким светом ограждает
От житейских гроз.

Пусть уходят в бесконечность,
В прошлое года.
И была над нами вечность
И твоя звезда.

Вымирают российские села...

– Вы много ездите по России. Какой она вам видится?
– Она меняется. Хотя, конечно, убитые села забыть невозможно.

Из интервью с Юрием Стояновым

От деревни остались избенки,
Да и то в них одни старики.
Не мычат уже больше буренки,
Что когда-то паслись у реки.

Никого не встретишь на улице,
Не услышишь и лая собак.
У плетня сиротливые курицы
Воду пьют из корыт натошак.

Заросли уже нынче бурьяном
Все тропинки до самых ворот.
И вдоль улицы бык атаманом
Горделиво уже не пройдет.

Ну, а там, за рекой, на погосте,
Все могилы покрылись травой.
Только вóроны – черные гости,
Нарушают безмолвный покой.

Вымирают российские села,
Нет и не было здесь перемен.
На завалинке дед невеселый
Отряхает махорку с колен.

Памяти Алексея Кузьмича Сидорова

Отцвели уж цветы в палисаднике,
Пожелтела у дома трава.
То ли на зиму, может, на праздники
Колет Леша для печки дрова.

Он еще не старик и при силе,
И насмешливый взгляд молодой.
Где же только его не носило,
Не качало житейской волной!

А меха он раздвинет гармошки,
Ее любят в деревне у нас,
И у всех, кто стоит под окошком,
Ноги сами пускаются в пляс.

В сорок первом он жил на Арбате
И водился со всякой шпаной,
Щеголя в матросском бушлате,
Обходил всех ментов стороной.

Жизнь его понеслась, закрутилась,
Говорил он об этом не раз.
За него мать усердно молилась
И представилась в утренний час.

Вот и жизнь моя тоже у края,
Стала белой моя голова.
Но все вижу я, как у сарая,
Колет Леша для печки дрова.

Помню я узкий мост через речку
И заросший травой мелкий пруд,
И как дед, залезая на печку,
Показал мне, где черти живут.

Помню я, как спешил на лужайку
Там, где берег извилист и крут,
На бегу я снимал с себя майку,
Так хотелось с обрыва нырнуть.

Помню я на деревне гулянья,
Так плясали, что не было сил,
И под песни гармошки, страданья,
Лунный свет все вокруг серебрил.

Помню я посиделки и в доме
На скамье, где сидел черный кот,
Где девчонка в сладкой истоме
Клала вишни мне спелые в рот.

Помню поле ржаное без края,
Убегающий вдаль темный лес,
Как лежал я в траве, созерцая
Этот мир, полный тайн и чудес.

Помню ветхий овин я за речкой,
Деревенский наш быт и уют,
Старый дом, где за теплою печкой
До сих пор, может, черти живут.

Я ищу каждый день тебя
В толпе незнакомых лиц.
Ушла от меня, разлюбя,
Оставив мне трепет ресниц.

Оставила запах волос,
Бровей свою тонкую нить.
Мне так и не удалось
Тепло твоих губ забыть.

Этот мир для меня пустой,
Если нет тебя в каждом дне.
Наяву тебя нет со мной,
Зачем же приходишь во сне?

Стал все реже в рубашке батистовой
Приходить старый друг мой ко мне.
Ну, а годы несутся неистово,
Добавляя печаль к седине.

А в камине огонь разгорается,
Пляшут блики на белой стене.
В нас теперь уж никто не влюбляется,
И, быть может, по нашей вине.

Наша жизнь отшумит, перемелется
И сгорит, как сгорают дрова,
И пройдет, как проходит метелица,
И угаснет, как гаснут слова.

Лишь останутся отзвуки имени
Той, чья поступь изящна, легка.
И, как прежде, с разводами синими
Будут плыть над землей облака.

В моей комнате четыре угла,
Стул, диван, табуретка с котом,
Книжный шкаф, из-за стекла
Смотрит Блока зачитанный том.

Не смогу его взять с собой
В час прощания, смертных мук.
Там не будет уже надо мной
Твоих нежных заботливых рук.

Там не будет звенеть капель,
Как всегда, на земле по весне,
Ты не будешь стелить постель,
Улыбаясь застенчиво мне.

Я не знаю, что будет потом,
Только холодно там без огня.
Положи мне на грудь Блока том,
Может, он и согреет меня.

Мне не забыть летний вечер,
Сад, за рябиною – сруб,
Как целовал твои плечи,
Как нежно касался губ.

Сумерки быстро сгущались,
Скрыли немой твой укор.
Странно же мы попрощались,
Станным был наш разговор.

Ночь опустилась на землю,
Белый туман, в теле дрожь.
Деревня давно уже дремлет,
Лишь тихо колышется рожь.

Видно, я был несмелым,
Слишком робким я был.
Другой же тебя умело
Той ночью во ржи любил.

Он был художником районного масштаба,
В мансарде летней он зимою спал.
Любил вино, ходил к каким-то бабам,
Но большей частью все же рисовал.

Он был художником печального пейзажа,
Ярких красок на холсты не наносил,
Любил он Левитана и с ним даже
Во сне чудесном на пленэр ходил.

Любил он небо серое в тумане
И листьев желтых тихий листопад,
И тишину послушать утром ранним,
И на вечерний посмотреть закат.

Деревья мокрые осеннего убора
В заросший сад ходил он рисовать.
Здесь на скамейке летом у забора
Сидеть любила старенькая мать.

Бродил один с мольбертом за рекою
И находил укромные места,
Где все дышало тишиной, покоем
В ожидании красок и холста.

Любил стихи он грустного мотива,
«Аллеи» Бунина ночами он читал
И видел, как рассвет неторопливо
В пустую комнату бесшумно проникал.

Он был художником с душой легко ранимой,
Ушел безвременно, устав от суеты.
Никто не плачет над его могилой
И не приносит свежие цветы.

Моя милая, нежная, кроткая,
Без тебя я как-будто в бреду.
Нынче выдалось лето короткое,
А я все от него что-то жду.

Дождь проливной барабанит по крыше,
За окном непроглядная муть.
Кажется, все еще рядом ты дышишь,
На плече моем хочешь уснуть.

Ветер порывистый хлопает ставнями,
Яблоки с веток хочет сорвать.
Ты так любила осенью граблями
С листьями вместе их убирать.

Раньше частенько на теплой завалинке
Вместе сидели с тобой поутру,
Белый подснежник на темной проталинке
Тихо качался у ног на ветру.

Облик твой скрылся в дымке далекой,
Дом без тебя и печален, и пуст.
Ты ушла навсегда, и в саду одинокий
Засыхает твой розовый куст.

Смерть поставит на всем свою точку
Наяву иль в полуденном сне.
Умирать, как и всем, в одиночку
Ведь придется когда-то и мне.

В гроб положат одетым, разутым.
Завершились земные труды.
Был не нужен стакан пресловутый
Из-под крана холодной воды.

А кто мы? Химики-охранники.
Мы – часовые самолетов и постов.
И вовсе мы с тобою не изгнанники,
Не штрафники мы из других полков.

Нам нелегко приходится порою
Быть часовыми сутками подряд,
Мы ходим на посты, когда и мглою
Зари восход неделями объят.

Мы локоть друга чувствуем в минуты,
Когда опасности идут навстречу нам.
Как ветром, с топчанов бываем сдуты
И делим все невзгоды пополам.

А по ночам мы только лишь со звездами
Ведём таинственный сердечный разговор
И хлопаем ресницами промерзлыми,
И смотрим с вышек в леденеющий простор.

Кроткий взгляд, задумчивость движений,
Словно не от мира ты сего.
Я хочу в любое из мгновений
Быть всегда у сердца твоего.

Я в плену у глаз твоих раскосых,
Сладостно смотреть в них и тонуть.
Змеи локонов твоих златоволосых
До утра мне не дают заснуть.

Ее уже ждать напрасно,
Свеча догорела давно,
Луна, как всегда, безучастно
Смотрит в мое окно.

Выйду я в сад, где листья
Тихо в ночи шелестят,
Красной рябины кисти
В лунном свете блестят.

Вьется тропинка змейкой
Среди белоствольных берез,
А рядом на нашей скамейке –
Букет увядающих роз.

Тучи на сад набегают,
Сыплется мелкий дождь,
И капли воды умывают
Рябины кислую гроздь.

Встану я завтра рано,
Выйду босой на крыльцо.
Ночью там за туманом
Мне снилось ее лицо.

Чуть слышно музыка плывет –
Мотив выводит скрипка
Как будто за собой зовет,
В тумане тая зыбком.

Грусть моя за ней уйдет,
Душа освободится,
А сердце снова уже ждет
С твоим сердечком слиться.

Первой учительнице

Нам нелегко расстаться с Вами –
Мы переходим в пятый класс.
Улыбкой с грустью и цветами
Благодарим за все мы Вас.

Еще не так давно давали
Вы первый в жизни нам урок,
И вот звенит в нарядном зале
Прощальный с Вами наш звонок.

Мы на глазах у Вас выросли,
Писать учились и считать,
Стихи читали, песни пели,
Хотели все на свете знать.

Тех лет прошедших безмятежность,
Печаль и радость этих дней,
Любовь к Вам, теплоту и нежность,
Мы сохраним в душе своей.

Ты ребят молоденьких не трогай,
Мимоходом чувств не береги.
Пусть идут они своей дорогой,
Будут у них встречи впереди.

Юных душ не отравляй сомнением
В чистой, верной, искренней любви.
Чтобы не была она мгновеньем
Чувства мелкого, разбитого в груди.

Уходят поезда, а с ними – и надежды,
Как дым в степи, растаяв без следа.
А он хотел быть ласковым и нежным
И целовать любимые уста.

А он хотел встречать с тобой рассветы,
Любить и наслаждаться под луной,
Быть вдалеке и слать тебе приветы,
Дышать и жить тобою лишь одной.

На убийство российского посла в Турции Андрея Карлова

Убит посол страны великой.
России нанесен удар.
Его убийца в злобе дикой
Кричал: «Аллах акбар!»

Стрелял он подло ему в спину,
В глаза не смел смотреть,
И со стены сорвав картину,
Кричал: «Алеппо! Смерть!»

Посол же, кровью истекая, –
Никто не бросился к нему, –
Лежал, глаза не открывая,
Раскинув руки на полу.

Злодейство гнусное свершилось.
Никто посла не защитил.
А сердце трепетало, билось
Все тише, из последних сил.

Иные просят пониманья,
Что на войне две правды есть.
Но нет убийству оправданья
В картинной галерее здесь.

Аллах велик, мы знаем это.
Но Бог для всех один:
Для тех, кто воевал в Алеппо,
Для тех, кто брал Берлин.

И там, вверху, где души павших,
Где нет ни войн, ни бед,
Есть вечность у врагов вчерашних
Держать пред Господом ответ.

Посла отпели в Божьем храме,
Припали близкие к лицу,
И, словно акт последний в драме,
Снесли на кладбище к отцу.

У войн потери многолики
И с каждым днем растут.
Погиб посол страны великой
На боевом посту.

Не был я ни в Риме, ни в Париже,
Не бывал в Венеции дождей.
Мне всего дороже, сердцу ближе
Золотистый цвет родных полей.

Широко раскинув свои руки,
Упаду в высокую траву
И приму от Господа я муки
За цветок, который я сорву.

И за то, что прожил я на свете
Без любви и жаркого огня,
И за то, что не рождались дети
На земле прекрасной от меня.

И за то, что я, родных теряя,
В путь последний их не провожал,
За друзей – их редко навещая,
Я их все же больше обижал.

Долго-долго, слез не вытирая,
Буду ввысь смотреть на синеву.
И Господь, про все на свете зная,
Может, скажет мне, зачем живу.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

К России

Хоть обязан тебе я немногим,
Ты лишь мельком в моей судьбе,
Но богатым иль босоногим
Позовешь – я приду к тебе.

Опять политики ведут свою игру
И вновь они стремятся к власти.
Я одного понять лишь не могу:
К чему народу склоки их и страсти?

Видно, жизнь тяжела, бедновата,
Все попасть в Рийгикогу хотят.
И на место одного депутата
Стоит очередь в «девять ребят».

Программы политиков всем хороши,
Нет минусов в них, только плюс.
В них все, что угодно для нашей души,
Читай, выбирай на вкус.

Жизнь наша – суета сует,
А смысла в ней и не было, и нет.

Была бы жизнь иль проще, иль мудрее,
Узнать нам это суждено едва ли –
Когда бы эти римляне, евреи
Христа когда-то в спешке не распяли.

Должен идти на работу
Каждый, кому даже лень.
Зачем нам такую заботу
Послал Бог на каждый день?

Уже на пенсию пора бы,
Устал от праведных трудов.
А все еще волнуют бабы,
Как сердце рыбака – улов.

Нет приятней тех мгновений!
В этом знает толк лишь тот,
Кто горячие пельмени
Отправлял за рюмкой в рот.

Надо что-то всегда хотеть,
С умом выбирать продовольствие.
И будешь всегда ты иметь
От жизни одно удовольствие.

Года, как птицы, все летят
И там вдали скрываются.
Пусть у тебя и в шестьдесят
Моча не прерывается.

Ешь пельмени с острым перцем,
И побежит быстрее кровь,
Тогда сильнее забьется сердце,
И снова к вам придет любовь.

ЕВГЕНИЙ ВИКТОРОВИЧ СМИРНОВ

Год рождения: 1949

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции, юридический институт

Опыт работы: заместитель начальника Маарудского отделения милиции, следователь, комиссар отделения полиции Маарду

Звание: майор милиции

Аннушка

Нет, Аннушку никак нельзя назвать невезучим человеком. Более того, ее жизненное благополучие говорит об обратном. Спокойный обаятельный трудяга муж, приносящий, или точнее привозящий, хорошую зарплату, поскольку работает водителем-дальнобойщиком. Приличная 4-комнатная квартира улучшенной планировки. Оптимальный «комплект» детей, – мальчик и девочка, со здоровьем и поведением которых пока (тьфу-тьфу!) у нее не возникало проблем, а также устраивающая ее работа и коллектив. К тому же Миша (муж Аннушки) никогда не сует нос в расходную статью семейного бюджета, полностью доверяясь ей в этом вопросе. И, что еще очень важно, выпивает очень даже умеренно и по вполне обоснованным, даже по ее мнению, поводам. А в перерывах между разъездами готовит, занимается с детьми и умело прилагает свои мужские руки, которые, кстати, растут именно оттуда, откуда нужно, с пользой для семьи. Короче, за то время, что муж находится дома, он попросту не успевает утомить Аннушку своим присутствием и тем более надоест, как говорится, хуже горькой редьки. Ведь он своевременно уезжает в очередной рейс. Поэтому Миша всегда находится на более сладкой, по отношению к «горькой редьке», стороне семейного водораздела. Только живи и радуйся.

Но, видимо, для полного счастья беспокойной натуре этой миловидной 35-летней женщины простого семейного благополучия явно не хватало, ей нужно было чего-то еще. Любовной интрижки? Не-е-ет! Аннушка по-настоящему любит своего мужа и дорожит сложившимися отношениями, осознанно полагая, что лучшего и желать невозможно, да и не стоит. Но, наверное, судьба благоволит ей и в этом. Ведь Аннушка постоянно попадает, а если точнее, то влезает, влипает, вляпывается, в ситуации, которые сухим литературным языком называют трагикомичными, но от которых, для большей комплектации этого полного счастья, приходится и плакать, и смеяться.

Норковая шапка

Попрощавшись с радушными хозяевами, Аннушка вышла из квартиры. Вечер по случаю юбилея коллеги Инночки состоялся в кафе, но Аня сама вызвалась помочь юбилярше довести на такси до дома цветы, подарки, а также нетронутые продукты, недопитые алкогольные напитки, то есть то, что жалко оставлять в доход и без того доходного учреждения. И даже тогда, когда за ней захлопнулась дверь квартиры, она все еще оставалась под впечатлением приятно проведенного времени.

«Ах, как все было мило, – мысленно возвращалась она к прошедшему празднеству. – А начальник отдела Валентин Сергеевич? В свои 63 он – отменный кавалер. А как танцует! И к тому же учтив с дамой и галантен. К сожалению, такое у современных кавалеров редко увидишь».

Аннушка осталась очень довольна собой. Еще бы, ведь она была душой компании. Внимания и комплиментов ей досталось не меньше, чем юбилярше. «Жаль, конечно, – подумала она, – что Миша не успел к этому вечеру вернуться из командировки. Было бы еще веселее. Ведь он очень общителен, остроумен и всегда желанный гость. Минус в том, что он почти не танцует». Но она с удовольствием компенсирует этот недостаток мужа тем, что танцует и за себя, и «за того парня».

Однако от эйфорических воспоминаний она скоро вернулась к более прозаическим: «Вот и Инночке уже сороковник, как быстро летит время. Ведь и мне скоро столько же стукнет. Не хочу, не хочу, не хочу!» Легкая грусть заставила ее глубоко вздохнуть. Но, не умея долго предаваться унынию, Аннушка почти тут же сбросила эту хандру и вновь вернулась к милым воспоминаниям. Очень приятное впечатление осталось у нее и от того, что все женщины были в восторге от ее новой норковой шапки. Еще когда Аннушка шла на вечер впервые, надев эту шапку после долгих летне-осенних ожиданий сезона, ей казалось, что все встречаемые мужчины обращают на нее внимание, а женщины просто умирают от зависти при виде ее нового головного убора. «Может, я и сейчас в центре внимания», – с легкой иронией

подумала она. Но тут же очнулась от оцепенения, навязанного приятными мыслями, и неожиданно для себя обнаружила, что находится уже на улице и улица почти пустынна.

«Сколько же времени? – подумала она, – Ничего себе, двадцать минут первого! Через десять минут отходит последний троллейбус».

Уходя от Инночки, Аннушка намеревалась пройти до остановки по хорошо освещенной улице Некрасова, делая при этом солидный крюк. Но сейчас время было на исходе, и она решила прошагать два квартала напрямик, по тускло освещенной улочке. Она быстро перешла, почти перебежала дорогу и засемила по щербатому тротуару. В эту пору осеннего предзимья улицы казались особенно темными. Снега еще не было, но небольшие морозы уже хозяйничали с наступлением темноты. Ни звезд, ни луны. И даже редкие фонари, словно страхась этой поры, светили как-то боязливо желто.

Вообще-то Аннушка была большая трусиха. Каждый раз, когда в темное время она одна шла по пустынной улице, ей чудилось, нет, она была уверена, что на нее обязательно будет совершено нападение, что на месте, по которому она идет, всегда совершаются преступления. Вот и сейчас ей вдруг пришло на ум, что она от кого-то слышала, будто именно на этой улице несколько дней назад злоумышленники пытались ограбить двух женщин. И у одной из этих женщин преступники сорвали шапку...

«Что? Шапку? – невольно зафиксировалось у нее в голове. – Ведь и у меня новая норковая шапка». Она инстинктивно оглянулась. Где-то сзади невдалеке быстрым шагом переходил дорогу мужчина, разглядеть которого было невозможно из-за сумрака и тусклой освещенности улицы. Аннушка сняла шапку и передвинула резинку, удерживавшую убор на голове, с пучка волос на подбородок. Она полагала, что так предполагаемому преступнику будет труднее завладеть ее вещью. Ужас охватил женщину. От страха она вся съежилась, укуталась в воротник пальто, еще плотнее зажала под мышкой сумочку и ускорила шаг.

Между тем сзади все отчетливее слышались приближающиеся шаги. Они гулко разносились по пустынной улице. Было ясно, что сзади кто-то быстро шел, почти бежал.

«Вероятно, это тот мужчина, который переходил улицу, – подумала Анна. – Но что ему надо? Конечно же, ограбить, а может, даже и хуже». Хотя, по правде говоря, хуже ситуации, чем лишиться новой норковой шапки, она в этот момент себе и представить не могла. Что же делать, что делать? Может, закричать? Она инстинктивно ускорила шаг. Она уже бежала. Но шаги сзади неумолимо приближались. Аннушка оглянулась. Мужчина был совсем рядом. Он вроде что-то кричал, но женщина не могла разобрать этот крик. Ужас сковал ее тело, парализовал слух. Руки, туловище и даже голос словно застыли в оцепенении. И лишь ноги делали свое дело. Они все быстрее и быстрее несли ее туда, к спасению, к освещенной яркими фонарями троллейбусной остановке, где были люди.

Между тем длинная темная тень неизвестного уже обогнала бедную женщину. Анна усилиями всех мышц и сознания подалась вперед, пытаясь вырваться из этой тяжелой, давящей, зловещей тени. Но именно в этот момент поскользнулась на замерзшей луже и упала.

«Это конец», – подумала Аннушка, падая на асфальт. И тут же на нее навалилось и перелетело через нее что-то тяжелое и мягкое. Это был догнавший жертву разбойник, безусловно, разбойник. Он не успел затормозить и перевалился через лежащую женщину. Однако в этой экстремальной ситуации она сориентировалась довольно быстро. Падение встряхнуло ее и вывело из оцепенения, что подтверждает гипотезу о том, что на краю гибели у человека проявляются скрытые до критического момента силы, позволяющие преодолеть неотвратимую угрозу. Аннушка сразу же вспомнила про шапку и, проведя ладонью по голове, обнаружила ее исчезновение. «Все, все, все пропало. Меня ограбили, шапка, шапка, моя шапка!» Горькие горячие слезы страшной обиды заволокли правый глаз женщины. Столько времени мечтать о таком головном уборе и, не проносив и дня, лишиться своей мечты! Разве не обидно. Разве это не закон подлости?

Однако у Аннушки продолжал действовать экстремальный инстинкт самосохранения. Она судорожно осмотрелась вокруг себя. О, радость – шапка валялась между ней и лежащим в полутора-двух метрах налетчиком! Мужчина что-то кричал, ругался, держась за колено. Не дожидаясь, пока он закончит свою речь и встанет, женщина схватила шапку и, напялив ее на голову, размахивая руками, побежала к троллейбусной остановке. Нет, теперь, когда она вызволила свою драгоценность, никто уже ее не догонит. Никто не помешает ей наслаждаться норковой шапкой, надетой на прекрасную головку. «Только бы успеть на последний троллейбус, – думала она, – только бы успеть».

Ей все еще казалось, что мужчина бежит за ней. Но вот и остановка. Она не вбежала – влетела в переднюю дверь троллейбуса. Почти тут же двери захлопнулись, и машина плавно покатила вперед.

«Ох, слава богу, слава богу, спасена!» Аннушка плюхнулась на сиденье и минуты три, никого и ничего не замечая, тяжело дышала. Наконец отдышавшись, она открыла сумочку и, достав проездной билет, подняла его над головой. Пусть водитель и другие пассажиры знают, что она не едет зайцем.

«А где же грабитель? Может, он тут же в троллейбусе»? Она повернула голову и со страхом, украдкой посмотрела назад. Троллейбус почти пустой. Только три пожилые женщины да парень с девушкой. Грабителя в салоне не было. «Ох, слава богу, слава богу!» – еще раз повторила она про себя. Только сейчас Аннушка почувствовала, как она устала. Часа три-четыре она почти непрерывно танцевала, заводила других гостей, приглашала скромняг на танец, дирижировала застольным хором. И потом эта пробежка. А вот сейчас нет сил пошевелить ни рукой, ни ногой. И если бы вдруг этот бандит, грабитель, разбойник, или как еще его там назвать, появился перед ней, то Аннушка скорее всего за просто так, бесплатно отдала бы ему эту злосчастную шапку. А может, и нет, не отдала бы? Ведь не зря же она так храбро сражалась на улице с превосходящими силами противника и одержала победу.

Между тем ей стало казаться, что на нее очень уж пристально обращают внимание. Вот и вошедший в троллейбус старичок прошел мимо и все еще оглядывается в ее сторону. И парочка, сидящая сзади, с какой-то ехидной, как показалось Аннушке, улыбкой кивает на нее.

«Наверное, я растрепанная, – подумала она. – Ладно, скоро приеду, а сейчас нет никакого желания поправляться. Пусть думают, что хотят. Если бы они только знали, что мне пришлось пережить! Ну вот и моя остановка. Наконец-то приехала».

Выйдя из троллейбуса, она огляделась вокруг, а вдруг разбойник бежал за транспортом, и, собрав последние силы, почти бегом преодолела триста метров от остановки до подъезда. Но поднявшись на третий этаж, она обнаружила, что в сумочке нет кошелька, в котором кроме денег лежали и ключи от квартиры. От обиды она чуть не бросила сумочку на пол. «Вот он, закон подлости! И Миша в рейсе, и дети у мамы. Нагулялась, наплясалась!» Она еще раз перерыла сумочку и безнадежно сунула ее под мышку. Слезы уже не слушались женщину и всю катились по щекам. Смешиваясь по пути с косметикой, они оставляли на милых щечках Аннушки грязные селевые потоки отчаяния. Она почувствовала, как нестерпимо хочет есть и спать.

«Ну почему, почему я такая несчастная, невезучая?» Женщина с ужасом подумала, что придется проделать весь путь обратно, но уже пешком, но тут же решила или ночевать на площадке, или идти на поклон к соседям. В отчаянии, не зная, куда деть руки, она что есть силы нажала на кнопку звонка. Просто так, от досады, не надеясь даже на домового.

И вдруг... дверь отворилась, и на пороге появился муж! Нет, это был не муж, это было божество, спасшее ее от неминуемой мучительной гибели. Не помня себя от радости, она в слезах бросилась ему на шею.

– Мишенька!!! Родной ты мой!!!

– Анюта, что с тобой? Никак перебрала дзюнь-дзюнь? Не беда, на то и праздник.

– Ты приехал! Какой же ты молодец!

Она долго и бессвязно объясняла мужу, что с ней только что стряслось. Он же несколько раз безуспешно пытался прервать ее рассказ. Наконец она замолчала, чтобы передохнуть.

– Подожди, подожди Аннушка, – втиснулся он в эту паузу, – а что это за шапка у тебя на голове?

– Как что? Это же норковая шапка, которую ты привез из Новосибирска.

– Ну если это норка, то искусственный каракуль на воротнике моего зимнего пальто – черно-бурая лисица. – Он снял с головы жены шапку и показал ей. Это была мужская шапка из меха нутрии. – Это что? Трофей что ли? А в принципе, неплохая шапчонка, вполне приличная и мало ношенная. Сейчас такие в моде. Молодец, добытчица. Так держать!

У Аннушки вновь что-то оборвалось внутри: «Значит, точно ограбил». И вновь горькие слезы обиды затмили правое око.

– Ты прямо как ковбой у меня, – продолжал донимать ее муж.

– Да заткнись ты со своими шуточками. Жену ограбили, а он издевается. Мне и без того тошно.

– Ну что ты, моя сладенькая, – съязвил он иронично-ласково, – я и не думал издеваться. А так говорю потому, что когда ковбою шляпа мешает, он откидывает ее назад и держится она у него на ремешке, повиснув на шее. Правда, в отличие от тебя, на голову ковбой в таких случаях второй шляпы не надевают.

И муж достал из-за спины супруги висевшую на резинке ее любимую норковую шапку.

«Так вот почему пассажиры троллейбуса так загадочно улыбались, глядя на меня», – догадалась Аннушка. Несмотря на пережитые неприятности и глубокую ночь, она рассмеялась так громко и заразительно, что Миша испугался, как бы она не разбудила весь дом. Ведь соседи могут подумать, что дама – товошь, мал-мал свихнулась. Но предупредить ее он не успел. Аннушка сама резко оборвала смех.

– Слушай, Миша, а как же быть с шапкой?

– С какой шапкой? С трофейной?

– Ну да, с шапкой того мужика.

– Я полагаю, что по многовековым правилам войны победившая сторона имеет полное право на трофей.

– Да перестань ты ухмыляться, наконец! Я говорю совершенно серьезно.

– Ну, если серьезно, то помести объявление в газету о том, что мужчина, пытавшийся меня ограбить тогда-то, там-то и там-то, может зайти за своей шапкой по такому-то адресу.

– Да ну тебя со своими смешочками! Ладно, пошли спать. Утро вечера мудренее.

Она принялась разбирать постель, а муж, приглушенно смеясь, прошел на кухню, где на радостях опрокинул две стопки водки.

Утром Аннушка приготовила завтрак и собралась ехать к матери на другой конец города за детьми. В это время в квартиру позвонили. Она открыла дверь. На пороге стоял Сергей, муж вчерашнего юбиляра – Инночки. На нем были зеленая нейлоновая куртка спортивного типа и такая же спортивная трикотажная шапочка.

– Ну ты прямо как на олимпиаду собрался, – пошутила хозяйка, пустив гостя в квартиру.

– Соберешься тут на олимпиаду, – невесело пробурчал он в ответ.

– Да ты вроде хромаешь. Вчера отплясывал лихо. Никак переборщил с танцами?

– Нет, ты только посмотри! – взорвался Сергей. – Она еще спрашивает, почему я хромаю! Да ты же вчера ночью так ловко бросилась мне под ноги, что я не знаю, кого благодарить за то, что голова осталась цела.

– Так... так... так это ты? Ты, что ли, ночью бежал за мной?

– Я, я, милая, я. Ты же оставила у нас ключи. Инна вспомнила, что дома у тебя никого нет, и отправила догнать тебя с этими ключиками, будь они неладны. На, возьми свой ридикюль. – И он протянул ей кошелек. – Я только одного не могу понять: на кой ляд тебе понадобилась моя шапка? Хотела как вещдок в милицию предъявить, что ли?

Аннушка уже не могла сдерживать смех. Еще ни разу в жизни, несмотря на свою веселость, она так откровенно не смеялась. Сергей, вошедший в квартиру мрачный, как тюремная стена, оценив юмор случившегося казуса, также загремел раскатистым хохотом. Что касается Миши, то он, раньше всех оценив ситуацию, давно уже ржал, слушая диалог соучастников преступления.

1977 год

Шуба в полоску

Аннушка, позавтракав на скорую руку, разбудила мужа.

– Слушай, Миша, я пошла. Суп и каша в холодильнике. Покормишь детей, когда встанут. Там же в холодильнике на нижней полке мясо размораживается. Потом поставь его вариться. Я приеду, сделаю мясную подливу. Но если у тебя вдруг появится желание, то сваргань сам что-нибудь на второе. – На их семейном языке выражение о вдруг появившемся желании обычно означало «хочешь – не хочешь, а сваргань». Она на секунду задумалась. – Да, и еще, Миша. С Леночкой сходи в кино. Я давно ей обещала. Если Вовка захочет, возьми и его, а так пусть идет гулять. Но пускай надевает старую куртку. Новая для школы. Все понял? Ладно, я побежала.

– Беги, беги, – пробурчал муж, переворачиваясь с боку на бок. – Надеюсь, сегодня поймашь удачу за хвост и наконец купишь...

– Не знаю, – перебила она его, поняв, что муж хочет что-то съязвить. – Но люди говорят, что там шубы часто бывают.

– Да какие шубы? – продолжил свою полусонную речь Михаил. – Я говорю о валеночках дочке. В магазине-то уж больно жесткие. А твоя желанная шуба – такой же призрак, как и снежный человек.

Он зевнул и хотел добавить что-нибудь едкое по этому поводу, но жена вновь оборвала его:

– Все-все, я побежала. Не забудь, что я тебе сказала.

И, развернувшись, как можно быстрее выскочила из комнаты.

– Ни пуха ни пера, – пробурчал ей во след муж и плюхнулся на подушку.

Аннушка вышла на улицу. Прохладный ноябрьский воздух разогнал последние остатки сонливости. Женщина глубоко вздохнула и решительно зашагала к троллейбусной остановке. По правде говоря, она давно уже потеряла веру в то, что сможет купить, наконец-то шубу полюбившегося ей фасона.

А началось все с того, что еще в июне в центральном универмаге Аня увидела в продаже приталенные шубы ее размера. Шубы были пошиты из искусственного меха под норку, с волнистыми продольными полосами. Она даже покрутилась в этой верхней одежке у зеркала и осталась весьма довольна как изделием, так и своим внешним видом в таком изделии. Но мех-то искусственный, а у Аннушки недавно появилась натуральная норковая шапка. Сама логика жизни подсказывала, что в комплекте этой зимней формы должна быть именно натуральная, а не искусственная, хотя и похожая на норку, шуба. И поэтому не решилась купить ее, о чем чуть позднее очень и даже очень пожалела.

Дело в том, что семья ждала приобретения нового автомобиля, скорее всего «Волги». Машина должна была прийти до конца года, и Миша уже продал их не новый, но очень добротный и ухоженный «москвич». Поэтому Аннушка не стала изымать тысячу рублей из имевшихся у нее накоплений на покупку шубы, так как эти деньги вполне могли пригодиться для приобретения машины, что было, конечно же, для семьи важнее. Хотя возможности приобрести натуральную шубу были, и муж наверняка бы не протестовал.

Аннушка решила на покупку искусственной, но гораздо более дешевой меховой одежды после выходных, которые с семьей проводила в деревне у тетушки, то есть через два дня. В понедельник в обеденный перерыв она ринулась в универмаг, но, увы, увы, увы. Шубы были раскуплены, а будут ли поступления таких же новых, администратор не знала.

Женщиной овладело чувство невосполнимой утраты. Весь воскресный вечер после приезда из деревни и все дообеденное время в понедельник она представляла себя в этой шубке. Приталенная, с волнистой продольной отделкой, она, по мнению женщины, должна была подчеркивать ее молодость и изящность. И вдруг такой облом! Беда в том, что Аннушка уже хронически заразилась этой вещью. Она уже не могла представить себя в другой зимней одежде. С тех пор и началась эта гонка за неуловимым призраком.

Миша не мог не заметить состояние супруги и отнесся к ее беде материально-сочувственно. Он дважды привозил ей из рейсов шубы, но их фасон жене не подходил. Нет, Аннушка не капризничала, она просто была почти смертельно больна конкретной вещью, а точнее ее фасоном. Однако обе не подошедшие ей шубы с наваром продала через комиссионный магазин и одной знакомой, причем знакомая осталась очень и очень довольна.

Аннушка регулярно с открытия обегала многие магазины верхней одежды, брала отгулы и толкалась в универмагах в последние дни месяцев и кварталов, давала задание знакомым продавцам, выезжала даже в сельские магазины, но все было тщетно. Появлялись в магазинах шубы других фасонов и расцветок, были светлые и темные, пятнистые и однотонные, прямые и приталенные, с кушаками и без, но все было не то. Она порывалась съездить для этого в столицу, «знать, столица та была недалеко от села», но одна не решалась на это мероприятие, опасаясь огромного города, а у Миши не было возможности сопроводить ее. Да и не факт, что и в Москве обязательно купишь именно такую шубу. Но все же с упрямством избалованного ребенка, несмотря на язвительную иронию мужа, она продолжала свой поиск.

Однажды был момент, когда Аннушка отчаялась и решила бросить эту бесплодную гонку. В одну из сентябрьских суббот, поддавшись уговорам мужа, она вместо привычного рейда по магазинам отправилась с соседями на их машине за грибами в лес. И надо же такому случиться, что именно в этот день ее

коллега по работе Волчкова отхватила такую шубу в универмаге! Ну купила и молчала бы. Так нет же. Она, словно издеваясь над Аннушкой, рассказывала всем, что шубы свободно висели на стеллажах, что она сначала и покупать-то не хотела, что с собой у нее и денег-то не было и ходила за ними домой, что выбрала она шубу, перемерив до этого штук пять или шесть.

Это было невыносимо, это было ужасно, это было хуже, чем удар ножом из-за угла, это была просто подлая издевка. Аннушка с досады ругала и себя, и мужа, и Волчкову и наконец твердо решила закончить эту эпопею с шубой. Ей что, ходить, что ли, не в чем? Но в один из выходных дней, когда она не спешила в промтоварные магазины, вернувшийся из рейса муж вновь подковырнул ее:

– Анечка, ты что, уже не ходишь отмечаться в универмаг? Сходи, пожалуй, а то там рабочий день без тебя не начнется.

Аня, любившая шутить и весело воспринимавшая шутки в отношении себя, такую злую иронию мужа восприняла очень болезненно. Она вспыхнула, ирония задела ее за живое. Однако она нашла в себе силы сдержаться, овладела собой и, стараясь выглядеть как можно спокойнее, с напускным равнодушием ответила:

– Схожу, если ты так настаиваешь. Что ж не сходить. Вот только уборку на кухне закончу.

Где то в глубине души она сознавала, что все равно не отказалась бы от своей затеи, но эти слова мужа подтолкнули ее возобновить поиск раньше. Однако ни в этот день, ни в последующие недели желанные шубы в магазин не поступали. А зима почти пришла.

Кто-то из знакомых посоветовал Аннушке сходить на функционирующий по воскресным дням вещевой рынок, или барахолку, как его обычно называют. Анна относилась к этому конкурирующему с государственной торговлей учреждению брезгливо, считая, что посещают его лишь недалекие люди, спекулянты и мошенники. Однако охота пуще неволи.

И вот троллейбус 6-го маршрута плавно подкатил к конечной остановке. Барахолка начиналась задолго до той ого-

роженной забором площади, которую горисполком выделил для вещевого рынка. Снаружи забора барахолка походила на стихийный самоорганизовавшийся базар типа развал. Оживление, шум, сутолока. Здесь активно рекламировали свой товар кустарные производители комнатных тапочек, телогреек, головных уборов, лифчиков. Со знанием дела спорили о масти, породе и назначении щенков, кроликов, котят, копошившихся в корзинах, коробках, переносных вольерах, а проще – в клетках. Животные, шкурки, запчасти к различным механизмам, гвозди, шурупы – все преподносилось, как показалось Аннушке, в каком-то хаотичном беспорядке. Румяные украинки с мешками семечек, суровые и улыбчивые джигиты с южными товарами, пестрые цыгане с узлами тряпья, государственные автолавки с ширпотребом – вся эта круговерть придавала наружной барахолке оттенок старинной ярмарки.

Совершенно по иному была организована внутренняя барахолка, располагавшаяся на огороженной территории. Во-первых, чтобы попасть туда для торговли, необходимо было уплатить, в зависимости от товара, пошлину в размере 50 копеек или одного рубля. Степенный и сдержанный тон этого места торговли отличался от наружного базара, как отличается деловой человек, знающий цену своим вещам, от пропившегося гуляки, толкающего последние штаны. Помимо продавцов, покупателей и зевак здесь постоянно сновали контролеры, ищущие беспошлинных торгашей, бродили оперативные работники милиции, вылавливающие спекулянтов, сбытчиков краденого и карманных воров. Торговля велась как с длинных торговых рядов – стеллажей, так и из ларьков и прямо с земли, но в строго отведенных местах.

Аннушка довольно быстро сориентировалась в окружающей обстановке. Поняв, что снаружи ей делать нечего, она ступила на просторы «степенного базара». Авторитет этого базара заставляет попавших сюда людей подчиняться неписаным правилам. Женщина, влившись в эту среду, неспешно пошла по кругу вместе с другими посетителями. Ей казалось, что каждое резкое движение, не совпадающее с общим ритмом, слов-

но громко сказанное слово на поминках, отзовется здесь злым шепотом и неодобрительными взглядами. «Одноразовые» торгошники, стеснявшиеся своей роли, осторожные спекулянты и профессиональные бабки-барахольщицы, реализующие за вознаграждение чужой товар, с каким-то видимым безразличием стояли в стройных рядах. Казалось, им было до фонаря, купит у них кто-нибудь что-нибудь или все пройдут мимо. Покупатели и скучающие зеваки так же степенно проходили вдоль этих рядов, лишь изредка прицениваясь. Они брели мимо разложенных вещей, как в картинной галерее, в которую их в сотый раз привели на экскурсию.

К Аннушке неожиданно подошел модно одетый мужчина неопределенного возраста.

– Девушка, есть сапожки австрийские на поролоне, – вполголоса произнес он. – Не интересуетесь? Размеры 39–41.

Обращение «девушка», конечно же, льстило ей, но она отрицательно покачала головой. Мужчина со скучающим видом отошел, словно и не делал предложения. Но шедшая рядом с Аней молодая женщина метнулась к нему.

– Это у вас сапоги? А на меху есть?

– Посмотрим, конечно, – с неопределенной уверенностью ответил тот.

– А стоят сколько? Цена какая?

– Ну сразу же цена! Вы сначала взгляните. – Мужчина взял девушку под локоть и, как галантный кавалер, увел ее в сторону.

Таким же образом Аннушке пытались всучить джинсы якобы фирмы «Монтана» и «адидасовские» кроссовки.

Аня не сразу заметила нескольких женщин, обступивших маленькую вертлявую старушку. Но затем, скользя взглядом вдоль рыночных рядов, она обратила внимание на эту группу. Даже невооруженная базарно-барахольным опытом, она сразу же сообразила – там происходит то, что может ее заинтересовать. Продажа мужских вещей явно исключалась, так как двое мужчин отрешенно стояли с сумками в стороне и смиренно ждали, пока их дамы утолят любопытство.

Среди этой группы людей замерцал для Аннушки едва уловимый свет маячка надежды. Его слабые сигналы приняло чуткое сердце женщины, измученной долгими поисками. Забыв про базарный этикет, она именно метнулась, а не подошла к месту, откуда шли сигнал. Встав на носочки, Аннушка судорожно посмотрела через плечо стоявшей впереди женщины и обомлела – упитанная дама пыталась натянуть на себя явно не по размеру шубу. Да какую шубу! Шубу, за которой столько времени она, Аннушка, охотится. Еще несколько секунд такой примерки – и вожаденная шуба расплзется по швам на спине. Сердце кровью обливалось при виде такого кощунственного отношения к почти священной реликвии.

Аннушка забыла всякий этикет и нырнула в центр полукруга события, не обращая внимания на недовольное ворчание присутствующих. Стоявшая рядом с примерявшей шубу пышкой маленькая суетливая старушка-продавец наконец не выдержала и схватила ту за руку.

– Ну, хватит, хватит милочка. Нешто не видишь, что не лезет, никак не натянуть...

– Постой, бабка, я кофту сниму!

– Что «постой», что «постой»? Ты хоть и лифчик сними, все одно не полезет. Похудей малехо, а потом и приходи примерять.

Дама с сожалением, как тугую перчатку, сняла с себя шубу. Бабка взяла одежду, встряхнула и, повесив через руку, безразлично отвернулась от женщин, явно сознавая, что к ее вещи неподдельный интерес и никуда покупатели не денутся. Пока остальные потенциальные претендентки на этот «лот» отходили от впечатления, вызванного эстрадным номером – примеркой, Аннушка мигом сориентировалась и первой подскочила к бабке.

– Извините, пожалуйста. Можно, я посмотрю шубку?

Откуда у нее взялись эти прыть и наглость, она не могла осознать как в тот миг, так и по прошествии времени. Ведь чувство такта и уважительности было ей присуще с детства. Но тут... Видимо, близость и осязаемость мечты заставили ее инстинктивно действовать по принципу «в большой семье...»

– Позвольте, милочка! – возмутилась какая-то женщина.
– Но ведь я вперед вас сюда подошла и тоже хотела примерить эту шубу.

Но ни эти слова, ни какие-либо другие категории приличия и совестливости не имели возможности воздействовать на Анну. В этот момент она была надежно защищена прочной черствой броней эгоистичного ощущения реальной вероятности обладания желанным предметом, поэтому не могла ничего слышать, чувствовать или осознавать, кроме овладевшего ею этого ощущения. Она судорожно смотрела по сторонам, выбирая, куда же положить куртку, чтобы примерить шубу.

– Давай я подержу, – догадалась бабка.

Аннушка рассматривала шубу. Именно такую она летом примеряла в универмаге. Почти не ношенная, а возможно, и вообще неношенная (когда же хозяйка успела ее поносить-то, ведь приобрела наверняка летом, не по сезону, или же чуть попозже). Она надела ее и застегнулась.

– Вот тут совсем другое дело, а то эта корова напяливала на себя, – подбадривала бабка. – Внучка моя, 20 лет, такая же, как ты... – Аннушке польстило, что ее сравнили с 20-летней, – ...фигурой-то... – хоть бы и фигурой, все равно приятно – ...купила для себя, а сейчас забрюхатела, замуж весной вышла. Может, и носить-то не придется, какой после родов-то будешь. Да и деньги очень потребовались, вот и попросила продать.

Ане было все равно, внучка эту шубу покупала или нет, правду бабка говорит или внаглую врет, главное, что шуба, о которой она мечтала, надета на ее плечи.

– А сколько же вы хотите за нее, бабуля?

– Сколько, сколько... Да за сколько купила внучка, за столько и продаю – 350 рублей.

Аннушка чуть не поперхнулась от этих слов. Ведь она отлично помнила, что цена шубе летом была 230 рублей. Она, конечно, понимала, что любой продавец желает продать свой товар подороже, она и сама так поступала, но ведь совесть и здравый смысл должны быть! А тут 120 рублей навар. Не жирно ли будет? Если бы Аннушка не знала истинной стоимости

вещи, она, возможно, и приобрела бы ее, особо не раздумывая. А тут, конечно, жаба душила ее сознание.

– Да ей красная цена 130–150 рублей, – громко прервала раздумья Анны «обиженная» женщина, явно пытаясь насолить или посеять сомнения у более удачливой соперницы. – Я бы и за эту цену подумала, брать ли. Правильно, что не стала и примерять в такой-то холод.

Аннушку лишь раззадорили эти слова. Она не собиралась отказываться от своей цели и будет с бабушкой торговаться, а пока нужно оценить себя со стороны. Женщина достала из куртки, которую держала продавец, свою «всепогодную» сумочку-косметичку. Она ее называла так потому, что там могло находиться все, что угодно, все, что туда влезало. В том числе, как и сейчас, деньги. Затем достала оттуда зеркальце, а сумку вернула бабушке.

– Подержите, пожалуйста, а то там как-никак почти 700 рублей. Не дай бог, сопрут, я этого не переживу.

А сама стала разглядывать себя в небольшое зеркальце, одновременно пытаясь вести торг с продавцом.

– Знаете, шуба мне, конечно, нравится, и я собираюсь купить ее у вас. Но только не за такую, конечно, цену. Я точно знаю, что в магазине она стоит 230 рублей. – «А все-таки хорошо я в ней смотрюсь, – прерывала она торг мысленной оценкой своей внешности, – это видно даже в такое маленькое зеркальце». – 290 рублей отдать за нее я согласна.

Однако бабушка молчала. «Видимо, обдумывает предложение, – размышляла Аннушка, продолжая высоко оценивать свой внешний вид через зеркальце. – Здесь и карманы очень удобные, есть и внутренний поясной карманчик, все как в лучших домах», – подбадривала она себя шуткой.

– Ну так как, бабушка, вы согласны?

Но бабушка опять ничего не ответила.

Аннушка, не ощущая никакой тревоги, оглянулась. Но бабули нигде не было. Ее куртка лежала на земле, а вот бабули, увы, не было. Теперь вот как узнаешь, согласна бабушка на предложенную цену или нет. Аннушка порылась в брошенной

куртке, но и кошелек ушел вслед за бабулей. Женщины-претендентки на зимнюю верхнюю одежду также разошлись, пока она любовалась собой. Она еще не сообразила, что с ней произошло. Суетливо метнулась в сторону, потом вернулась, подняла свою куртку и только теперь поняла, что бабка ее облапошила. 700 рублей за эту, пусть и неплохую, шубу...

«О, горе мне, горе! – мысленно твердила она. – Какая обида, какой позор! А сколько усмешек будет за спиной, когда коллеги-подруги узнают, что я так опростоволосилась. О, горе мне, горе, какой позор... За какие же грехи мне это наказание? Столько денег улетело впустую! Как бы они пригодились для покупки необходимых вещей для детей, мужа и вообще... Да за что же мне такое наказание?»

Мысли Аннушки сбились в какую-то бесформенную кучу и не выдавали ни одного дельного предложения, а точнее, по мудрому выражению ее мужа Михаила, «встали враскорячку». Она попросту не знала, что ей делать, что предпринять. Если бы была возможность, она бы провалилась сквозь землю, а если бы она знала, что на рынке есть пост милиции, она бы обратилась туда. Но одного она не могла, а другого не знала и поэтому, низко опустив голову, побрела к троллейбусной остановке. Она даже не думала о том, что у нее нет ни проездного билета, ни даже 4 копеек на разовый билет. Свою красивую утепленную куртку она небрежно несла в опущенной руке, почти волоча полой по земле. В троллейбусе она встала на задней площадке и, силясь не заплакать, почти уткнулась носом в заднее мутное от наружной грязи стекло.

Как Аннушка дошла до дома, она почти не помнит. Правда, у подъезда, насколько у нее было сил, взяла себя в руки, кивнув поприветствовавшим ее соседкам, но, подойдя к квартире, не стала звонить, а затарабанила что есть мочи ладошкой по двери. Удивленный муж и испуганные дети молча глазели, как она, выпустив в прихожей из руки куртку, не снимая сапоги, чего раньше никоим образом не разрешала ни себе, ни домочадцам, прошла в комнату, где, рухнув на диван, наконец разрыдалась.

Муж не то с ехидной улыбкой, не то с предсмертной гримасой на лице встал рядом, скрестив руки на груди. Аннушка полностью пришла в себя. Она уткнулась лицом в диван, но, тем не менее, чувствовала, что Миша стоит рядом. Она со страхом и необъяснимой злобной надеждой ждала, когда он скажет ей какую-то колкость, а она в ответ вцепится в его ухмыляющееся лицо и сорвет на нем всю свою злобу и боль, будто именно он во всем виноват. Миша действительно тихо и спокойно произнес:

– Смотрю, шубейку наконец приобрела. Обмывать-то будем?

Аннушка, словно дождавшись команды «фас!», сорвалась с цепи. Она вскочила с дивана, сдернула с себя шубу, бросила ее в лицо мужу, а затем и сама набросилась на него. Но, прикоснувшись к нему, словно прозрела, осознав, что этот человек ни в чем не виноват. Как-то обмякла и, свесив руки, опустилась на диван.

– Прости меня, Миша. Но меня продавщица-бабка обманула. Почти 700 рублей стащила, извини меня дуру...

– Да-а-а-а, солнышко ты мое ясное. Я убежден, что умру не в автоаварии, а со смеху, за что тебе огромное спасибо. Тетя Мотя! Ты же деньги-то дома забыла, на, возьми их. – И он протянул жене скрепленные канцелярской скрепкой денежные купюры в сумме 680 рублей. – Кстати, ключи ты тоже не брала с собой. А вообще-то знаешь что? Пока не поздно, может, ты туда, на барахолку, еще в одну командировочку слетаешь? И мне что-нибудь приобретешь на халяву.

1977 год

Боевое крещение

Развод в отделении уголовного розыска закончился неожиданно. Начальнику отделения позвонили по телефону и срочно вызвали наверх. Впрочем, все вопросы, которые предполагалось разобрать перед началом рабочего дня, были рассмотрены, и капитан Любимов сухо закрыл совещание:

– Все, парни, за работу! Вечером в пять встречаемся у меня в кабинете. – Но уже уходя, подозвал одного инспектора: – Володя Лавский, подожди минутку.

– Слушаю, Сергей Романович.

– У тебя на зоне неопознанный труп. Явных признаков насильственной смерти вроде нет, но на голове, как заявляет судмедэксперт, какой-то кровоподтек. Возможно, это могло произойти и при неосторожном падении, без криминала. Впрочем, вскрытие установит причину смерти. Материалы у Игоря Шарова. Он выезжал на место происшествия. Свидетелей, обнаруживших труп, можно будет опросить только завтра. Твоя же задача на сегодня по этому материалу – обязательно откатать пальчики потерпевшего. Труп находится в морге больничного городка.

Лавский хотел кое-что уточнить по этому поводу, но начальник уголовного розыска уже быстрым шагом удалялся по коридору. Инспектор в раздумье остался стоять у кабинета.

Теоретически он знал, как снимать отпечатки пальцев с трупа, это он изучал еще в школе милиции по служебной медицине, но вот практически?.. Здесь необходимо иметь не только минимальные навыки, ведь мертвеца не попросишь расслабить руку или повернуть ладонь вверх. Но главное – преодолеть себя. К тому же покойники на месте происшествия не вызывали у него таких отталкивающих эмоций, как в морге, где, как ему казалось, и стены, и пол, и потолок, и мебель, и вообще вся обстановка были пропитаны потусторонним миром. Конечно же, это все из области мистики, и преодолеть этот психологический барьер ему необходимо и вполне по силам. Но вот как?

Володя зашел в кабинет к старшему инспектору по розыску скрывшихся преступников и пропавших граждан Николаю Степановичу Войнову. У него не только большая милицейская практика, более 20 лет на службе, но и по линии работы ему чаще, чем другим, приходится иметь дело с трупами.

– Степаныч, – обратился Володя к нему, войдя в кабинет, – ты – старый волк, посоветуй, как мне лучше снять отпечатки пальцев с трупа.

– А где твой труп в настоящий момент «проживает»?

– Да в морге больничного городка, где ж еще-то?

– Ну, тогда без проблем. Поезжай прямо туда, санитары там все сами сделают. Только возьми на всякий случай с собой все принадлежности для этого, а также бланк дактилокарты, чистую бумагу и клей. У них обычно чего-либо не хватает из этого барахла.

– Вот спасибо, Степаныч, успокоил. А то у меня уже «матка опустилась».

– Ничего, парень, привыкнешь.

Морг больничного городка располагался в отдельном от больницы строении, сложенном из красного кирпича. Двухэтажное узкое здание уютно спряталось под шатрами старых кленов и почти замаскировалось от внешнего мира кустами сирени и сеткой плюща. Лишь каменная лестница и дверь главного входа, да еще подвальные двери красными пятнами выделялись на фоне сплошной зелени. Владимир представился женщине в белом халате, сидевшей у входа.

– Пройдите туда, – указала она на широкую пологую лестницу, ведущую в цокольный этаж.

Чем ниже спускался инспектор, тем плотнее становился запах формалина, тем неприятнее ощущения овладевали им. В небольшой комнате, где находились санитары, дверь была раскрыта настежь. Двое молодых мужчин пили кофе с бутербродами, весело и громко переговариваясь между собой. Веселая трапеза на полпути в царство Аида совсем не походила на тризну и показалась Лавскому, мягко говоря, настолько противостественной, что один вид принятия пищи в этих условиях

вызывал у него ощущение тошноты. Но ничего не поделаешь, выполнять работу необходимо, он на это сам подписался. К тому же опозориться своей слабостью и перед этими санитарами, и тем более перед коллегами было еще страшнее.

Мгновенно пересилив себя, он обратился к санитарам с умышленным намеком на черный юмор:

– Здравствуйте, приятного аппетита!

– Здорово, здорово, если не шутишь. Присаживайся к нам. – В голосе говорившего проскальзывала явная ирония, и Володя, не ожидавший такого «гостеприимства», поспешил вежливо отказаться: – Нет, спасибо, я уже позавтракал.

– Ну, как хочешь. – И они продолжили оживленную беседу, будто инспектора и рядом не было.

– Я из Центрального райотдела милиции, – напомнил о себе оперативный работник.

– Мог бы и не говорить, по запаху чувствуется. И что дальше?

– У вас неопознанный труп, доставленный из каряжинского парка.

– Ах, вот ты о чем. Петя, представь парню квартиранта.

Володя с санитаром прошли в просторный зал, полностью обложенный кафельной плиткой бело-голубых тонов. Покрытые также кафельной плиткой «банные» скамьи и длинный резиновый шланг, надетый на выход водопроводного крана, давали представление о технологии гигиенической обработки отходящих в мир иной. Владимир дважды присутствовал на вскрытии трупов во время учебы в школе милиции, а вот здесь оказался впервые. По дороге санитар объяснил, где находятся необходимые предметы для дактилоскопирования.

– А вот дактилокарт и бумаги нет. Остальным можешь пользоваться, если с собой не захватил.

Из смысла сказанного опер понял, что слуги Аида не собираются брать у усопшего последний «автограф» на этом свете. Вскоре эта страшная догадка подтвердилась.

– Вон твой клиент на второй полке справа, – открыв широкие створки холодильника, торжественно объяснил санитар

Петя. – На том столе, – показал он рукой, – тебе удобнее будет работать. Давай перенесем труп туда.

«Клиент» Владимира лежал на брезентовых носилках, укрытый темным целлофаном. Из-под накидки наполовину высовывалась его сжатая в кулак кисть. На полках кроме него лежало еще несколько мертвецов, также накрытых целлофаном. С трупа старика, угодившего, по-видимому под трамвай, накидка была наполовину откинута. Это дополнительное психологическое испытание опять едва не вызвало у инспектора приступ тошноты, настолько ужасны были травмы.

– Ну, что ты мнешься? Берись за носилки.

– А что, вы сами откатывать не будете? – растерянно спросил Володя, уже не стесняясь своей слабости.

– Извини, парень, мы это делать не обязаны. Да и времени совсем нет. Сейчас перекусим и опять запрягаемся. Работы много.

– Дело в том, что я никогда не снимал отпечатки пальцев с трупов.

– Ну, а мы-то здесь причем? Это твой хлеб. – Он выжидательно посмотрел на Владимира. – Ну, что, будем вытаскивать?

Тошнота почти постоянно дежурила у горла и опять резко заявила о себе. Лавский отрицательно качнул головой и, чтобы избежать конфуза, поспешил к выходу. Выскочив на улицу, он зашел за куст, сплюнул накопившуюся слюну и глубоко вдохнул свежего воздуха. «Фууу, как они здесь работают, – как бы оправдывая себя, подумал он, а затем самокритично добавил: – Они-то работают, а ты, опер, своего дела не сделал. А что же дальше? Ясно, что самостоятельно мне это профессиональное следственное действие не выполнить. Я не в силах перебороть себя. Скорее всего меня просто вырвет во время этого занятия. Попросить кого-либо из ребят? Но стыдно признаться, что я такой слабак».

Хотя Володя и понимал, что далеко не у всех сыщиков хватит духу таким образом пообщаться с мертвецом, просто признаваться в этом не принято. Обдумав все, опер решил, что лучшим выходом будет посоветоваться с Сергеем Романо-

вичем. Он – мужик понимающий, на посмешище не выставит. Лавский разменял в киоске на двушки 10 копеек и пошел к таксофону.

– Сергей Романович, – начал он разговор, услышав в телефонной трубке голос начальника уголовного розыска, – не могу я откатать нашего неопознанного покойника.

– Ну что ж ты так, товарищ инспектор уголовного розыска? Это ведь далеко не самая трудная и технически сложная процедура в твоей работе.

– Ну, не могу, не могу пересилить себя. Стошнит меня просто и все. Сергей Романович, у него к тому же запястья скрюченные, и чтобы пальцы разжать, нужно сухожилия перерезать. Ну, не смогу я это сделать!

– Ладно. Я совсем забыл, что у тебя такой поход впервые. Не ты первый, не ты последний. У тебя деньги с собой есть?

– Есть рубль с копейками. На обед.

– Этого мало. Приезжай в отдел.

– Все понял.

Через полчаса инспектор был в кабинете у Любимцева.

– Вот тебе 10 рублей с «девятки», распишись в ведомости. Как списать, спросишь у ребят. Новичков из нашего брата санитары именно так встречают. Или сам откатывай. Но второе, кстати, будет более весомо в их глазах.

Володя купил бутылку пшеничной водки и, воспрянув духом, вернулся в морг. Он нашел санитаров в зале, где Петр поливал из шланга пол, а его напарник засовывал окровавленную одежду, снятую с какого-то покойника, в целлофановый мешок. Петр с улыбкой принял бутылку пшеничной и положил ее в пустой гроб, стоявший на столе.

– Погулай минуток десять. Мы сейчас закончим уборку и займемся твоим вопросом.

Когда милиционер вернулся в зал, Петр уже беседовал с его безымянным клиентом.

– Ну вот. Лежи спокойненько, все будет хорошо, – приговаривал он, накатывая валиком мастику на ладонь и пальцы трупа. Затем брал заранее нарезанные под размер рамки

дактилокарты, прямоугольные кусочки бумаги, прижимал их к спичечному коробку, прокатывал этим приспособлением по намазанному краской пальцам, а потом наклеивал отпечатки на дактилокарту в соответствующую пальцу рамку. С одной рукой он справился быстро. Вторая же кисть была полусжата в кулак. Петр, держа скальпель, ласково уговаривал покойника.

– Ты, мужичок, не волнуйся. Я проведу небольшую операцию. Тебе больно не будет, только не надо брыкаться.

Этот черный юмор был явно направлен на то, чтобы произвести жуткое впечатление на работника милиции. Санитар острым скальпелем полоснул по запястью полусжатой в кулак руки. Перед взором Владимира предстала раздвинувшаяся мякоть мертвого человеческого тела. Вид оголенной раны и тихий хруст суставов разжимаемых пальцев действительно вызвали у него жуткие ассоциации, словно острое лезвие скользнуло не по ткани мертвого человека, а по его живой руке. Парня вновь замутило, комок тошноты уже стоял у горла и мог вот-вот вырваться наружу. Рот был полон слюны. Володя не говоря ни слова вышел из зала и поспешил на улицу. Там он проделал ту же процедуру, что и после первого посещения царства мертвых.

Надышавшись свежего воздуха, он стал внушать себе стойкость к виду покойников. «А чего ты, собственно, боишься? Не съедят они тебя и даже не укусят. Ведь у тебя не бывает неприятных ощущений, когда видишь, как разделяют свиную тушу на рынке, не мутит при виде раздавленной машиной собаки, да и погибший на месте преступления не воспринимается с такими болезненными последствиями, как в морге, – рассуждал он сам с собой. – Ведь здесь то же самое».

Что-то подобное происходило с Владимиром и на похоронах близких людей. Но там боль от утраты родного и привычного человека была сильнее общей неприятной атмосферы ритуала. Хотя и тогда он через силу принимал пищу на поминках. У него не было суеверного страха перед умершими, но на него отталкивающе действовал непосредственный контакт с ними.

Владимир отлично осознавал, что ему как работнику уголовного розыска необходимо привыкнуть к этому не столь частому, но обычному для его профессии контакту. Поэтому он, вдохнув побольше воздуха, продолжил настрой психики, беря для примера медицинских работников: «Ну, а те же врачи и санитары? Они такие же, как и я, люди, но не видят в общении с усопшими ничего ненормального. Для них это все естественно. Вероятно, вековое отношение к мертвецам как к представителям чего-то потустороннего, загадочного, жуткого и внушает отвращение к их внешнему виду. А может, просто человек, зная, что он смертен, не желает, тем не менее, признаваться самому себе, что когда-нибудь станет такой же неодушевленной массой костей и мягких тканей». Подкрепив свой дух этим аутотренингом, он принял решение вернуться в морг и поприсутствовать при всех проводимых там процедурах до конца.

Когда Владимир вернулся в подвал, санитары уже успели убрать труп обратно в холодильник. Петр подал ему уже готовую дактилокарту.

– Клади осторожно, так как клей еще не подсох. – Он достал из пустого гроба бутылку водки. – Как тебя зовут?

– Во... Вова, – как-то по детски растерянно назвал инспектор свое имя, нехотя унизив солидность своей профессии.

– Ну, что, Вовчик, – поддержал санитар его голосовую интонацию, – обмоем наше знакомство? Как ты на это смотришь?

Владимир знал, что с санитарями желательно выпить, об этом не раз рассказывали более опытные сыщики. Таким образом традиционно закрепляется знакомство, чтобы в следующий раз не возникало проблем с дактилоскопированием. Ну, а с другой стороны, надо тренировать свою психику, показать себя мужчиной, в конце концов, настоящим опером. В лице санитаров он и так уже проявил себя слабаком. Поэтому он решительно согласился тоном заправского собутельника:

– Не откажусь.

Однако и в этом эпизоде инспектора поджидали новые испытания. Комнату санитаров занял врач, беседовавший с

родственниками одного из умерших, которого он вскрывал. Пить предстояло прямо в зале. За неимением стакана, оставшегося в кабинете, пришлось довольствоваться неизвестно откуда взявшейся майонезной баночкой. Петр разложил на каменном столе завернутые в бумагу бутерброды. Отступить Володе было поздно. Рубикон решимости перейден.

Санитар налил испытуемому норму, явно превысившую равнозначную для троих собутыльников, а инспектор просмотрел этот момент, чтобы вовремя тормознуть «банкующего». Более того, такими дозами Владимир вообще никогда еще не пил. Так что можно только представить, на какой подвиг толкнула его служебная обязанность. Но ничего не попишешь. Надо возвыситься над собой.

Пить из майонезной баночки было чрезвычайно неудобно. Толстый неровный ободок на ее краю не давал возможности плотно сжать губы, и поэтому выпиваемая жидкость частично текла мимо рта. Это было до крайности противно. Более того, какая-то крошка приплыла к губе и словно прилипла к ней. У Володи невольно возникла ассоциация, что это частичка тела мертвеца. Сверхчеловеческим усилием воли он заставлял себя цедить водку и дальше, стараясь при этом не поперхнуться и не проглотить крошку. Но ему все же пришлось прервать процедуру. А когда, проведя пальцем по губам, он не нащупал на них никакого инородного тела, то на мгновение жуткое отвращение овладело сознанием молодого человека. «Блин, я же закусил частью тела мертвеца! И из какого места, интересно, эта часть? – Но он тут же вновь пересилил свои эмоции. – Все эти ощущения – всего лишь порождение полумистической, непривычной для меня обстановки, надо допить до конца. Это дело принципа».

Оба санитара с ехидным интересом наблюдали за процессом, наверняка ожидая, что парень оконфузится. Но тот, проглотив слюну и выдохнув воздух, одним глотком допил водку. В тот момент он боялся лишь одного – как бы содержимое его желудка не вылезло наружу. Что ни говори, а редко у кого, непривычного к подобной обстановке, хватит духу пересилить

себя и среди мертвецов в помещении, пропитанном неприятными запахами и жуткими ассоциациями, выпить в два захода из неудобной посуды непосильную ранее дозу водки. Но у Володи нашлись силы преодолеть и такое испытание.

Однако опасность позора еще не миновала. Жидкость явно не дошла до желудка, а встала где-то на полпути, готовая при первой же возможности проделать обратный путь, но с гораздо большей скоростью. Парень отказался от предложенной закуски, отвернулся от санитаров и, не обращая внимания на приличие, сплюнул комок слюны на пол, поближе к сливному отверстию.

– Простите, – извинился он перед работниками морга.

– Ничего-ничего дружище. Все это простительно, и не такое бывало, – успокоил его Петр. – Если в уголковке работать будешь, обвыкнешься.

Комок водки дошел-таки до места назначения и рассосался в утробе молодого человека, поэтому он почувствовал некоторое облегчение. Тошнота уже не стояла как нож у горла, но парень все еще боялся даже глубоко вздохнуть, а не то что вести беседу, дабы не спровоцировать рвоту. Возможно, успокаивающие слова санитаров и добравшаяся до места назначения водка, теплом разлившаяся внутри тела, повлияли на то, что у него несколько успокоились неприятные позывы в желудке. В принципе, можно было уже уходить. Дело сделано. Но уйти просто так означало бы почти побег и неблагодарность. Открыть же рот, чтобы объясниться, Владимир не решался. Но вскоре его выручил второй санитар Федор.

– Ну что, парень, давай по второй!

Эти слова словно придали силы молодому человеку, и он неожиданно легко произнес отказ:

– Нет, ребята, спасибо, мне еще работать. Да и не дай бог начальство засекет. Неприятностей не оберешься. Еще раз спасибо за помощь.

– Не за что, – ответил Федор. – А ты, парень, молодец. Видно, что не по нутру была тебе эта кухня, но сдюжил. Молодец. Заходи со своими проблемами. Чем можем – поможем.

– Еще раз спасибо. Думаю, что работа еще не раз приведет меня сюда. Желательно не в качестве вашего «квартиранта».

– А что, обслужим по первому классу.

– Спасибо за любезность, в этом я уже убедился. Но все же лучше вы к нам.

– Нет уж, спасибо, давай лучше на нейтральной территории. Живи и здравствуй, парень, не кашляй.

На этой шутливой ноте Володя попрощался с санитарями за руку и, ободренный, выскочил на улицу, где в глубине куста вновь проплевался. Но, тем не менее, довольный победой прежде всего над самим собой, пошел к автобусной остановке.

Осенняя грусть

Люблю я пасмурные дни,
Когда печальная природа
О лете, что прошло, грустит
И ждет со страхом непогоду.

Затихло все в молчанье скорбном,
Померкли шумные леса.
Река в страдании покорном,
Как тусклой ленты полоса.

Нет блеска на воде безмолвной,
Чуть виден с берега камыш,
Не нарушают плеском волны
Сырую призрачную тишь.

Укрыл туман своей косынкой
Дорог изъезженный настил,
Вдали клубится мутной дымкой,
Средь крыш сереющих застыл.

Все слилось в восковом тумане –
И хмурый почерневший лес,
Поля на выбритом кургане
И матовая гладь небес.

Осенний рассвет голову поднимает,
Не выпавшись, солнце над миром встает,
И медленно-медленно день оживает,
По белому инею робко ползет.

Лучи не играют с лесным перезвоном,
А зябко скользят по опавшей листве.
И странно, и гулко, подобные столам,
Случайные звуки мелькнут в тишине.

Падает снег и ложится на землю,
Нехотя к бурой земле пристаёт,
Лес в заколдованном сумраке дремлет,
Поле притихло, река что-то ждет.

Волк, на холодную выйдя поляну,
Вытянул к небу зубастую пасть.
И разлетается гулко и странно
Вой, будто стон, в этот призрачный час.

Путник в час этот пристанища ищет,
Псы забиваются в угол глухой,
Страшно и жутко, хоть ветер не свищет,
Только лишь хлупает грязь под ногой.

Чудится путнику, что у дороги
Видит он волчьих зрачков огоньки.
И все быстрее поднимает он ноги,
Вот уж бегом, задыхаясь, бежит.

Чувствует сзади голодные пасти,
Думает: «Только бы мне не упасть».
Молит: «Приди хоть на миг ко мне, счастье»,
Но запинается, падает в грязь...

Снег застилает полосу дороги,
Тает у странника в волосах.
Тот приподнялся, чуть двигая ноги,
Тихо побрел, забывая про страх.

Крик ворон, вид застывших деревьев...
Лес притих в ожидании стужи.
То ли думает он, то ли дремлет,
Никому он сегодня не нужен.

Отзвенел, отшумел, затерялся
В тишине среди тусклой равнины,
С чем-то буйным, веселым расстался,
Словно понял, что гол он и стынет.

Крик ворон болью сердце тревожит,
Будто колокол звон рассыпает.
Отзвенел, отшумел и не может
Даже крикнуть «прощай», угасая.

Осень голые ветки омывает,
И пурга отпоеет панихиду.
Скажет тихо зима: «Мир с тобою»,
И луна на прощание выйдет.

Я к тебе постучаться хочу
Тихим утром в ненастную пору,
Когда дождик скользит по плечу
И на сердце немые запоры.

Когда осень уже проплыла
По ухабистым нашим дорогам,
А сырая туманная мгла
Затаилась в молчании строгом.

Когда серый неласковый день
Стынет, кутаясь шалью тумана,
А зимы неотступная тень
Уже бродит ночным хулиганом.

Петуха полусонная трель
Вспыхнет криком испуганной птицы,
Тихо скрипнет уснувшая дверь,
Заблестят голубые зарницы.

Зори чувств прикоснутся к плечу,
Открывая немые запоры.
Я к тебе постучу, постучу
Тихим утром в ненастную пору.

Вот и осень уж. Грустным волнением
Потревожено что-то в груди.
Время летних ушло приключений,
Озорной бесшабашной любви.

Той, что с летним теплом улетела
В невозвратную светлую даль.
Лист багряный, слетая несмело,
Бьется робко об ветхий сарай.

Нудно шлепая, дождик осенний
По прокисшей дороге бредет.
Не уснуть, как котят на сене,
И фуфайка уже не спасет.

То, что летом цвело, уж завяло.
Что мы ждали с тобой, не пришло.
Память шарит по датам устало,
Ищет встречи прошедшей число.

Эх ты, поле-поле, снежная равнина,
Лес на косогоре да голые кусты.
Разбежались кони по бескрайней сини,
Крутит вихрь-поземка белые усы.

Скалит зубы ветер, весело играя,
Уцепилась удаль в гриву воронца.
Зазвенела песня в нашем диком крае,
Гонит сон февральский с белого лица.

Весеннее настроение

Когда морозы стойкие
Стучались на порог,
То были ножки бойкие
Обуты в сапожок.

И ты была закована
В мороженой броне,
А я, разочарованный,
С пургой наедине.

Но вот рукою майскою
Под небом голубым
Молочными фуфайками
Укрылись все сады.

Когда метет черемуха
На землю пряный снег,
То ты тогда попробуй-ка
Не вспомни обо мне.

Вновь весна стучится в душу
Журавлиным звонким криком.
Стало сердце непослушным,
Стало легким, стало диким.

Я ловлю бродягу-ветер,
Я сую его в карманы.
Мне не отрезветь вовеки
От весеннего дурмана.

И опять ночами шляюсь
Где угодно, с кем попало.
И пускай меня ругают,
Юность в сеть весне попала.

Хохочи, красотка, громче,
Трепещи губною краской.
Не до сна нам этой ночью,
Мы пьяны весенней сказкой.

Пусть свет окон разольется,
Как листва из почек клейких,
Тишина пусть разобьется,
Словно хрупкий лед апрельский.

Я ловлю бродягу-ветер,
Я сую его в карманы.
Мне не отрезветь вовеки
От весеннего дурмана.

Ливень летний во что есть мочи
По дороге несется лесной,
То притихнет, то снова хохочет
Вперемешку с веселой грозой.

Утоляя живою водою
Средь лесов затерявшийся край,
Он занялся и нашей судьбою
И загнал в полутемный сарай.

Мятно веет от свежего сена.
Ты, как нимфа лесная, со мной,
Ласка груди, сверканье колена,
Взрывы чувства и страсти прибой.

Рада этому ты и не рада.
С тела сыплется мелкая дрожь,
Губы шепчут: «Не надо, не надо...»
Только что с безрассудства возьмешь.

Дождик кончился, капли устало
Вниз сползают с промокших дерев,
Уж заря заиграла на травах,
Будто птица, на землю слетев.

По размякшей от ливня дороге
Мы тихонько к деревне бредем,
Позабыв про промокшие ноги,
Размышляя о чем-то своем.

Взгляд на те же события по прошествии времени

Пьяный ветер гуляет в аллеях раздетых,
Бесшабашно швыряясь опавшей октябрьской листвою.
Будто не было лета, вовсе не было лета,
Будто не было вовсе и встречи с тобой.

Будто не было вовсе от ливня погони,
Не скрывал нас ладонями ветхий навес,
И в лесу на заброшенном старом кордоне
Не молили у грозной природы чудес.

В пене брызг дождевых, на поляне, водою залитой,
Освещенная сполохом синих небесных огней,
Ты из мифа предстала лесной Афродитой,
Выбрав местом рождения глушь средь лесов и полей.

Зевс-отец тебя кликал раскатами грома,
Умоляя скорее явиться в пенаты свои.
В темных нишах пустых одичавшего дома
Смертным грешным теплом согревал я богиню любви.

Нас рассвет возвратил из волшебного плена,
Озорно подмигнув на прощанье последней звездой.
Мы вернулись к своим наболевшим проблемам,
С грузом прежних забот побрели по дороге домой.

Ты в привычном кругу средь друзей ленинградских,
Я привычно живу в облюбованном волжском краю.
Лето нам рассказало отрывок из чувственной сказки,
Не успев завершить окончанием со словом «люблю».

Пусть сейчас это сказка из древней причуды
Иль Морфеем навеянный вычурный сон.
С нежной грустью в душе вспоминать ее буду,
Но и ты, я прошу, не забудь лучезарный сезон.

Весна пришла. Апрель игривый
Смеется смехом солнечным до слез,
Колокола ручьев встревожил мир унылый,
Прогнал печаль с растрепанных берез.

Обвисший тополь к дому жметесь зябко.
Не верит он, что кончилась метель.
А в вышине, в его ветвей охапке,
Бузит уже нахальный воробей.

Мир полон свежих ощущений,
Всему, что ни стрясется, рад.
Долой замерзшее смятение,
Во все влюбляюсь наугад.

Весна бурлит, несчастное все стерто.
Готов обвислый тополь целовать.
Готов любить и ангела, и черта,
И воробьям на тополе внимать.

Все грустное осталось где-то в марте,
Купаюсь в струях свежего огня.
А в зеркалах на выбитом асфальте
Я нынче вижу нового себя.

Шоферам-дальнобойщикам

Жизнь дорог навязала сети,
И с тех пор, как придуман мотор,
Появился на белом свете
Удивительный парень – шофер.

Мне мила эта дружная братия
За безумный бродяжий накал.
И кого ж ветер вас не оплакивал,
По кому же буран не стонал.

Кто ж отчаяньем не задыхался
И в осеннюю серую грязь
Не рыдал средь глуши, не ругался
На мотор, как на бога, молясь.

Кто ж февральской колючей порою
Под метельные жуткие пiski
Не плевался в стекло лобовое,
Проклиная удел свой и близких.

День и ночь монотонная карта,
Сыплет дождь или вьюжный пух.
Ну а кто ж на изъезженных трактах
Не сажал на машину шлюх.

И порой под медовыми липами
Укатившего шофера вдаль
Награждала веселеньким триппером
По дороге случайная тварь.

Но, наверное, в кровь эту въелась,
Просочилась с калымным вином
Удалая дорожная прелесть
Под неясности пестрым ковром.

Взгляд колет, что иголки,
Огнем улыбка жжет.
И вкрадчивый, и звонкий
Твой голос, как ребенка,
Ворóжит и влечет

Ты шепчешь мне: «Пропаций»,
Мне говоришь: «Пропаций,
Иди ко мне, пропаций,
Знай, в чарах ты увяз».
И я на зов манящий
Иду, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Обидишь – греешь лаской,
Зовешь, когда уйду.
И чувствую с опаской,
Что ты, как фея в сказке,
Вершишь мою судьбу.

Лукавым поцелуем
Легко взяла ты в плен,
Но все ж уйду, сбегу я,
От чар твоих сбегу я,
Коварная Кармэн.

Но вновь твердишь: «Пропаций».
Вновь говоришь: «Пропаций,
Иди ко мне, пропаций,
Знай, в чарах ты увяз».
И я на зов манящий
Иду, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Власть глаз твоих дремучих
Пытаюсь разорвать,
Огонь улыбки жгучей
Залить водой из тучи.
Но где ту тучу взять?

Так, значит, быть пропащим,
От губ твоих пропащим,
От шепота пропащим.
И вновь, в который раз,
Ловлю твой зов манящий,
Томлюсь, блуждая в чаще,
Слепой блуждаю в чаще
Твоих дремучих глаз.

Где та трепетная сила,
Что бросала сердце в дрожь?
Может, старость подкатила,
Коли чувств не наберешь.

Те ж глаза, что южный вечер,
И морщинок нет почти.
Но не в радость как-то встреча,
Хоть и мимо не пройти.

«Как живешь?» – «Хотел бы лучше.
Ну а ты?» – «Куда ни шло».
Голос сдержанней и суше –
Все ж пятнадцать лет прошло.

«Вижу, выглядишь нехило», –
Задаю игривый тон.
«Брось ты эти байки, милый.
У природы строг закон.

Не уйти от общих правил,
Не воссоздать жизни цвет,
Даже чтобы нам исправить
Глупости ушедших лет».

Ну, не надо так уныло,
Не ведаю обидам счет.
То, что между нами было,
Даже черт не разберет.

Плюнь на все. Дыши ровнее.
Посидим часок-другой
И с улыбкою сумеем
Вспомнить прошлое с тобой.

Мы встретились нечаянно, неожиданно.
В холодный серый день стекала с крыш вода.
Тебя я не искал, и ты меня желанным
Не называла также никогда.

А были трогательны сдержанные встречи,
Как хочешь их сегодня назови.
И, может быть, в один наш общий вечер
Стояли мы в полшаге от любви.

Но чувствовался горький вкус печали
С фатальной неизбежностью разлук
В том, что друг друга мы тогда держали
На расстоянье вытянутых рук.

Не был я робким, но с тобою рядом
Держал в узде и страсти, и мечту
И не пытался даже кротким взглядом
Переступить незримую черту.

Возможно, сдержанность посеяла обиду,
Хоть сердце возносило до небес.
Я в наших отношениях увидел
Игру. И из твоей судьбы исчез.

Без объяснений, без порывов страсти,
Как будто бы в небытие пропал.
Не выпивая, расколол на части
С невызревшим вином любви бокал.

Не ведал я тогда, спеша с любовью,
Не выпуская чувственную плеть:
Чтоб новое начать, то старой болью
Тебе необходимо отболеть...

Три года, словно переменный ветер,
Промчались в разношерстной суете,
Когда в весенний день тебя я встретил
Идущей не спеша в людской толпе.

Расстегнут плащ, до запахов знакомый,
Играет шарфиком веселый ветерок.
Как будто вновь ко мне идешь из дома,
Легко скользя через людской поток.

Рукой едва ее руки коснулся.
И встала, будто этого ждала.
Не знаю, хмур я был иль улыбнулся,
Но ты своей руки не отняла.

Все так же сдержанны манеры,
Скромна косметика и трогателен взгляд.
Чуть улыбнувшись, ты спросила первой,
Чтобы сердца не возвращать назад.

«Смотрю, женат?» – «Да вот, почти два года». –
«Я рада, поздравляю». – «Было б с чем...»
Неугомонная моя природа
Опять загнала в круг тугих проблем».

Подумал так, не выдавив ни звука,
Глядя взволнованно в знакомые черты.
Ну, а в ответ, не выпуская руку,
Нелепо как-то произнес: «А ты?»

«А я? Ты знаешь, мне одной спокойно.
И, право, не хочу покой терять».
Что ж, встретив прошлое, ты держишься достойно,
Но твой прием нетрудно разгадать.

Не верю, нет. Покой твой ложный, зыбкий.
И ощущаю дрожь в ее руке.
И выдала смущенная улыбка,
Что чувства не остались вдалеке.

Понятен мне твой каждый жест и слово,
Понятен блеск спокойных умных глаз.
И ожиданьем нежным полон снова,
И вновь есть что-то общее у нас.

Мне хочется сказать тебе так много,
Но в горле, словно горькая вода.
И наползает на сердце тревога,
Что в этот раз разлука навсегда.

«Как мне найти тебя?» – «А ты считаешь, надо?» –
«Зачем же очевидное скрывать?» –
«Не стану лгать, тебя я видеть рада,
Но стоит ли обжитым рисковать?»

А впрочем, встретиться всегда желала.
Но сам решай. Тебе в сто раз сложнее.
Прости, опаздываю. Адрес не меняла».
И растворилась в толчее людей.

ЮРИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ШАРИК

Год рождения: 1937

Место рождения: поселок Горагорск, Чечено-Ингушетия

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции, юридический факультет ЛГУ

Опыт работы: оперуполномоченный Управления МВД Эстонии, преподаватель ТССШМ

Выход на пенсию: 1989

Звание: подполковник милиции

Танко-техническое им. Лизюкова

Из книги Юрия Шарика «Это в старости, друзья, привилегия моя»

Никто меня не провожал – или я что-то подзабыл? Поезд гукнул, и я расстался с Эстонией, Таллинном на три долгих года.

Насколько мне известно, к танкам вообще довольно странное отношение: то вдруг создаются танковые соединения, то вдруг объявляется, что танки – явление старины глубокой, пережитки прошлого, дорогостоящие «гробы на гусеницах». Смотрю хронику недавней операции США в Ираке «Буря в пустыне», в которой главную роль играли танковые подразделения. А что же Россия? Все зависит, пардон, от утреннего туалета гавнокомандующего (без буквы Л – специально).

И еще. Готовить командный состав с высшим инженерным – типично российская идея. Когда я уже служил в войсках, мой старшина – фронтовик, танкист, воевавший в армии Черняховского, – подметил: «Когда змея... с ежом, то результата нету!»

Выехали мы из Эстонии целой командой, человек 10–12. В 50-е быть офицером считалось престижным, и этим, очевидно, объясняются приличные конкурсы в военные училища. Я слышал, что в то жаркое лето 1956 года в СТТУ на одно место насчитывалось до полутора десятков лопоухих претендентов.

По пути в училище заглянули на базар, а там – горы фруктов, овощей: арбузы, помидоры, дыни, не говоря уже о жареных «семочках». Цены шибко отличались от прибалтийских. Достаточно сообщить, что один килограмм арбуза (правда, еще по тем ценам) стоил 5 копеек.

Наша импортная компашка оккупировала какой-то закуток и дорвалась до всего возможного. В нашей бравой команде были три настоящих эстонца, которые сверхактивно, издавая чмокающие звуки, приняли участие в этом пиршестве. За удовольствие надо платить, если не деньгами, то... До училища было рукой подать, а добирались мы довольно долго, причем короткими перебежками. Ясно, почему.

Вечерком мы предстали перед дежурным офицером и больше за пределы училища не выходил до декабря. Территория училища оказалась огромной, город в городе: большой многоэтажный учебный корпус, перед главным входом на постаментах – два легендарных танка Т-34 (остались ли они сейчас?), жилые здания-казармы, спортплощадки, плац-стадион, домики для семей офицеров, огромный техпарк с матчастью (танки, БТР, учебная автомототехника и др.), а по периметру – надежная ограда с круглосуточным караулом. Сколько курсантиков (и я в том числе) отстояли с автоматами, охраняя общий покой! А за забором – совсем другая жизнь, ходили и смеялись люди, тринькал трамвай, неподалеку возводились дома, и девушки-строители приглашали нас познакомиться.

Ходили только строем на какие-то собеседования, в который раз – на медкомиссию, испытания по физподготовке и экзамены, экзамены. Поступал в техучилище, а значит, профилирующими предметами были математика и физика, а еще сочинение, история, собеседование по английскому плюс хозработы. Все было в таком режиме, что дух не перевести, общее состояние – равнодушно-отупевшее.

Когда пришел в себя и осмотрелся, из «эстонцев» остался один я! Как умудрился пройти через ВСЕ это, ума не приложу, отбор был жесткий. После мандатной комиссии объявили: принят. А мне было все равно, никакого удовлетворения. Ментально меня переодели в какое-то старье (БУ), сдал «гражданку» (где она сейчас?), и я стал полукурсантом. Вкалывали мы на хозработах до посинения, кормили нас по солдатской норме, так себе, кто-то не выдерживал и отчислялся. С началом учебного года нас вновь переодели, и мы стали слегка напоминать военнотружеников, начали питаться по курсантским нормам, сытно и вкусно.

При распределении я стал курсантом 1-го (к несчастью, знаменного) взвода 4-й роты. Почему вместо «к счастью» употребил другое слово? Знаменный взвод должен быть образцовым как по внешнему виду, так и по строевой подготовке, на торжественных построениях сопровождать знамя училища,

быть, так сказать, впереди курсантского батальона. Каждый курсант взвода был на виду, в поле зрения командира нашей роты (тьфу на него!). Думаю, что это каким-то образом тоже повлияло на мою судьбу.

До принятия присяги – курс первоначальной военной подготовки, от зари до темна – уставы, плац, подъем и отбой по хронометру, подворотнички, портянки, разборка и сборка автомата, хождение по территории училища в одиночку строго наказуемо. По субботам после занятий – генеральная уборка, это кроме каждодневных. Ротная казарма – это целый этаж на 110 человек. Все помещения, туалетная комната, сортир – все должно блестеть, как у кота... По очереди или в виде наказания, что случалось нередко, – мытье каменных полов и лестниц, а если это делается спустя рукава, как считает ротный, то лестницы моются не сверху вниз, а наоборот.

Некоторым предлагаю попробовать – незабываемые впечатления!

Следует отметить, что никаких особых приспособлений для наведения порядка в казарме не было – обычный таз-жестянка для воды и кусок списанного одеяла. Учитывая большую квадратуру помещения, на выполнение этой работы направлялись по 3–4 курсанта-поломоя. Заняв исходную позицию и приняв своеобразную позу, когда, простите, зад возвышается над остальным телом, а нос почти в полу, и, хлопнув мокрой тряпкой, везешь ее по полу, как рак-отшельник. Таких «заездов» было несколько, пока, по мнению надзирающего (тут пощады не жди!), пол не становился нормально чистым. Этот способ помыва на танкистском сленге именовался «вождение (танка) с открытым люком». Мне казалось, что за недолгую курсантскую жизнь я сподобился вымыть половину территории Эстонии.

С непривычки весь этот уклад сильно изматывал, валил с ног. Зато – никаких сновидений, только бы дождаться благословенной команды – отбой!

Бывало, что, обессиленный, я не ходил с ротой на ужин, а прятался среди шинелей на вешалке, чтобы поспать минут

30–40. А тут еще на первых порах зубрежка уставов. Как тут не вспомнить юнкеров (в современном определении – курсантов) и описание чего-то подобного: «Хто есть часовой? Что есть присяга?» и т.д.

Рота (сотня пацанов) была вотчиной майора Зайцева. Какими мы станем специалистами и как будем отвечать за живучесть боевых машин, его совершенно не интересовало. Я никогда не видел его в учебном корпусе, на полигоне. Зайцев предпринимал невероятные усилия сделать из нас офицеров-болванчиков. Думаю, тут к месту злые, но удачные слова Б. Брехта: «Идут бараны, бьют в барабаны».

Да, зайцевы системно превращали мальчишек в баранов.

За несколько месяцев я так и не узнал, где находится библиотека, не держал в руках газеты, журнала, не видел ни одного кинофильма. Большинство из нас смогли приспособиться, но не все. Были и драматические, трагические исходы.

Понятно, что человека можно к чему-то приучить, чему-то научить, но методы, приемы такой подготовки...

Наступил ноябрь, день присяги, когда каждый на торжественном построении уверяет всех и себя, что готов к тяготам и лишениям армейской службы, а в случае необходимости – отдать... И дальше по тексту. Подробности этого события не помню, хоть тресни. Но теперь с полным правом можно исполнить:

*В строю стоят советские танкисты,
Своей любимой Родины сыны.*

Начались занятия по специальности, готовили нас основательно, многие занятия проводились с настоящей техникой. Осваивали новейшие типы средних танков, и все делалось с практическим уклоном. Достаточно сказать, что за первый год обучения нам преподавали основы сопромата, металловедения, навыки работы на металлообрабатывающих станках, кузнечного дела, газо-электросварки. В последнем случае раскаленная окалина завалилась за шов комбинезона и на ногу остыла, оставив довольно болезненный след. Но я терпел, так как за-

вершал сварку, результат оценивался по качеству сварочного шва.

Кроме препода «науку уметь» передавали нам сверхсрочники (мне они казались старичками), но практическую сторону дела они знали будь здоров. Запоминали тактико-технические данные всего, что имело отношение к боевым машинам. Не только забивали голову цифирью, а ручками-ручками: покажи на «живом» танке систему охлаждения, электрооборудования и пр. Обучение вождению всеми транспортными средствами проходило основательно. Это тяжелые мотоциклы с коляской (М-72), трактора (ДТ-47), разных марок автомобили. Мне как последнему по алфавиту достался капризный ГАЗ-63, вариант грузовика-вездехода.

А завершался курс вождением танков. Предварительно – приобретение навыков на тренажерах, затем – на Т-34, стоящем на опорах. Я считал, что мое знакомство с этим типом танка прошедшей войны на том и завершится. Ан нет! С Т-34 мы еще встретились. Эта боевая машина, в которой *min* удобств для экипажа, все на русское «эй, ухнем!»

И еще о навыках. Пока мы не научились «втыкать» передачи, как на легковушке, часами просиживали в стальной коробке, где рев и лязг были страшными. Даже шлемофон не помогал. В завершение – предметное знакомство с секретным танком нового поколения (Т-54!).

Дороги, грунтовые разбитые дороги Поволжья... Тряска, клубы пыли, движение колонной, никакой видимости, песок везде: в кабине, в ушах, во рту... И только по завершении учебной езды, уже в расположении части, курсанты обязаны провести обслуживание техники – осмотреть, дозаправить и (ура!) помыть. Саратов, лето, жара, и мы, гогоча, моем автомобили теплой водой из шлангов и поливаем себя.

Однообразнее была учебная езда на тракторах в степи. Инструкторы выходили из кабин, валились на землю «послушать, как трава растет», подремать то есть. Мы, свободные от наставлений, гоняли свои ДТ, только комья земли летели из-под гусениц. И тут, не заметив в высокой траве заснувшие

го солдата-инструктора, я чуть не наехал на него. Перепугался до усмерти, а инструктор-соня, не менее испуганный, долго и доходчиво объяснял мне мою неправоту, правда, слова были конкретны – глаза у меня, из-за разъяснения, были в ж... И что я инвалид на голову... ну и другое... Тогда я многое узнал о себе и был согласен. Ведь я чуть не раздавил человека.

Вождение Т-54! Радость возбуждения оттого, что управляешь такой машиной, а она тебе (!) послушна. Первая пробная езда за рычагами проходила на небольших скоростях. Впервые один, рядом никого, для инструктора и место не предусмотрено. На финише рычаги на себя, срабатывает торсионная подвеска, амортизаторы, вся эта мощь, фыркающая двигателем и удовлетворенно покачивая пушкой, замирает. Приехали. Догнавшая туча пыли, песка и грязи накрывает танк, ты выскакиваешь из люка, как чертик из преисподней: комбинезон, шлемофон, сапоги в серо-грязном налете, контраст – зубы и белки глаз. Но радости, неопишуемой радости-то! Ты это сделал как надо!

Господи, ну пацаны...

В ротной оружейке среди других стоял и мой автомат (АК, тогда еще секретный) с именной табличкой. Первый наряд с оружием, общепринятая традиция – это «салажата», новогодняя ночь, с учетом этого в военном городке на каждом углу торчал часовой. Мой «угол» – наружный пост у главных ворот училища, у танков на постаменте. Как хихикали однокашники – чтобы танки-памятники не украли. Смена моя оказалась самой «новогодней», когда куранты отбивали двенадцать, я топтался на своей охраняемой территории. Ночь звездная с маленьким морозцем, снежок похрустывает под сапогами, и тишина... Красота! Так встретил свой первый армейский Новый год.

Ну вот... Автомат Калашникова, охранял покой... И сразу наехало... Как писали на дурацких плакатах в военных городках, «ружье и лопата – лучшие друзья солдата». Куда уж М. Лермонтову с его «Бородино»!

А караулы – это формирование воинских начал, так, видимо, считалось. Тут для нашего солдафона ротного раздолье... Перед заступлением в караул – очередная мантра, длительный

подробный инструктаж, суть которого – сверхбдительность, кругом толпы врагов хотят украсть у раззявы секретный (!) АК, угнать танк, тоже, естественно, секретный, взять в полон часового, а потом пытать комсомольца, чтобы он, бедолага, сообщил известные ему секретные данные... После такого разъяснения, особенно на первых порах, курсантики, готовившиеся в караул, были обречены умереть, но перед этим совершить подвиг... в обязательном порядке. В памяти – пара караульных «ужастиков», связанных со мною.

Конец января. Ветер, пурга. Мой пост у каких-то хранилищ. Принял печати, замки, двери и начал охранять. Несмотря на погодные невзгоды, службу нести было можно: валенки, тулуп, середина дня. Начал топтаться по маршруту. Вдруг появляется фигура мужика и напрямиком направляется ко мне. Я знал, что соседний пост находится на расстоянии 500–600 м, никаких встреч быть не должно, за такие «свидания» можно попасть под военный трибунал. Значит (из напутствия ротного) это диверсант! Я сдернул автомат и завопил: «Стой, кто идет?» Запорошенный снегом человек приближался молча, метель, видимости почти никакой, а эта курва молча прет на меня. Вновь проорал: «Стой, стрелять буду!» До неизвестного – не более двух метров. Я изготовился к стрельбе, палец – на спусковом крючке, еще секунды и...

В этот момент фигура произнесла сиплым голосом: «Закурить не найдется?» Оказывается, это солдатик из БО (батальона обслуживания), их поставили дополнительно в караул из-за непогоды, не предупредив нас. Я сел в снег, разрядил автомат, долго приходил в себя. Жаждающий покурить чудом остался жить! Ушел в метель, очевидно, так ничего и не понял.

Когда оружие, пост и трясущиеся поджилки, это совсем другое.

Весна в самом разгаре, теплынь. Взвод в карауле. Мне достается охрана техпарка. Это большой участок – боксы, ангары, мастерские, перед ними – аккуратными рядами под брезентом пара десятков танков. Все чинно и благородно. Днем в будний день этот пост – мечта часового. Где-то в стороне че-

рез открытые ворота с ревом прибывают и убывают по своим делам танки, суетятся механики, ремонтники. Меня, часового на вышке, это не колышет. У ворот – КПП, это его обязанность – въезд и выезд техники. Я же обеспечиваю наблюдение за оградой вокруг городка, дабы враг не проник с сопредельной стороны.

Стою на верхотуре, обняв автомат, ж... (спиной) к грозной боевой технике, а передо мною, за забором, – другая жизнь. Проходят старшеклассницы из соседней школы, весело что-то обсуждают, поглядывая на симпатичного (я так думаю) курсанта-постового, а я тихо радуюсь весне, напевая себе под нос всякие песенки. Благодать!

Но караул – это сутки. У меня на этом же посту – ночные два часа. Тогда территорию освещают прожектора, и я должен совершать обход всего парка. Особого удовольствия это не доставляло – уж очень контрастная картина: яркий электросвет, а за углом, за корпусом танка под брезентом, – тьма, хоть глаз выколи, самое место для вражеской засады.

И еще я не знал, что делать с ремнем автомата. Казалось, чего проще – оружие на ремень через плечо. Но тут была одна заковыка. Простите за длинноту, но иначе никак. Объясняю: курсантский погон (в мое время) будущего офицера-технаря – это набор цветов: красный кант (тонкая бечева), затем, вдоль погона по сторонам, – две белые ленты (~1 см), а вдоль посередине – широкая черная (красный кант – цвет рабоче-крестьянского знамени, белые ленты – признак нестроевых подразделений, а черная – технические войска, артиллеристы, танкисты, связисты и т.д.). Чтобы не было никаких сомнений, у нас на погонах еще и золотистая эмблемка – танк.

К чему все это? А к тому, что автоматный ремень (будь он неладен!) сильно пачкал белые полосы на погонах, за это (подпорченный вид курсанта) могли запросто вклеить наряд вне очереди, чего очень не хотелось. Поэтому автомат держали по-всякому, что было неудобно: обматывали ремень ветошью, подвешивали на шею, но не теряя бдительности. Простите, увлекся.

Ночь. Я – часовой, лицо неприкосновенное. Топчусь на видном месте. Вдруг в одном из танков под брезентом – характерный звук, когда гаечный ключ роняют на металлическую поверхность. Вот оно! Случилось! Настал момент Х! Состояние было препоганенькое, если честно. Вытаращил глаза. Похожий звук повторился. Некстати вспомнил инструктаж ротного о вражеских поползновениях – значит, неприятель забрался в танк, откручивает что-то секретное, гремит металлом, негодяй.

Подумал, что надо бежать к «тревожной кнопке» (такие имелись на каждом посту), вызвать подмогу из караула, но не сделал (молодец!), и слава богу. Позднее понял: помешало обычное мальчишеское тщеславие: подумают, что сдрейфил, запаниковал, не разобрался. И все тут – это клеймо надолго. А что такое трус в молодежной среде, понятно. Выглядел я в этот момент, наверное, как Ван Гог, который уже решил, что одно ухо ему мешает. Подошел к подозрительному танку, в котором что-то глухобрякнуло еще раз, откинул брезент, нащупал под срезом башни самодельную «открывалку» люка (так делают экипажи), изготовил автомат и резко открыл люк. В отсеке никого не было.

Мне сильно похорошело. Я закрыл люк, сполз с танка, поправил брезент, сходил по нужде и продолжил топать – охранять вверенную мне боевую технику. Бряцанье слышал и из других Т-54, но не обращал внимания: так много врагов-диверсантов на ограниченной территории одновременно не бывает.

При случае спросил у механика-сверхсрочника, что это могло быть. Получил ответ: «Эти машины днем пришли с танкодрома. С таким характерными металлическими звуками остывают двигатели и броня».

Все стало на место. Я «сохранил свое лицо» и в чистоте – свое белье. Вот такой гутен морген.

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНОВ

ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ БУЙДИН

Год рождения: 1958

Место рождения: город Палдиски, Эстония

Образование: Таллиннский политехнический институт,
Рижская школа милиции

Опыт работы: инспектор, старший уполномоченный
отдела БХСС УВД Эстонии, сотрудник аналитического
бюро Департамента полиции, следователь службы
экономических преступлений Пыхьяской
префектуры полиции

Выход на пенсию: 2013

Звание: старший комиссар полиции

«Бывший лучший, но опальный стрелок»

Был конец декабря 1982 года. Я, тогда молодой инспектор ОБХСС УВД Таллинна, лейтенант милиции, не успел еще раскрыть никаких серьезных дел, связанных с экономической преступностью. И вот я получаю задание от своего непосредственного начальника Яака Хиндриксона раскрыть преступление, связанное с дачей взятки работнику Таллиннского военкомата за оформление фиктивной справки о якобы нахождении на военных сборах работника Таллиннского архитектурного бюро Яана Сийтама.

В результате этой аферы Я. Сийтам месяц отдыхал, не находясь ни на каких военных сборах, с сохранением зарплаты. Я. Хиндриксону удалось уговорить его написать явку с повинной, а в то время, согласно УК ЭССР, человек, написавший явку с повинной о даче взятки, освобождался от уголовной ответственности. Согласно утверждению Я. Сийтама, посредником в даче взятки работнику военкомата (Михаилу Петрову, который подписал справку) был его коллега по работе Эльмар Руус. Я тогда и предположить не мог, что в такой небольшой организации, как Таллиннское архитектурное бюро, могли работать два человека с одинаковыми фамилией и именем.

Звоню в адресное бюро и выясняю адрес, по которому проживает Эльмар Руус. Поскольку проживающих в Таллинне лиц с такими именем и фамилией несколько, то в адресном бюро у меня спрашивают дополнительные данные. Год рождения не знаю, знаю место работы. В адресном бюро мне говорят, что да, есть один человек с такими фамилией и именем, работающий в Таллиннском архитектурном бюро. В дальнейшем выяснилось, что другой Эльмар Руус, согласно данным адресного бюро, работал в другой организации, хотя в это время он уже перешел в Таллиннское архитектурное бюро.

Высылаю повестку по полученному в адресном бюро адресу. Через три дня ко мне в кабинет входит мужчина средних лет, эстонец, хорошо говорящий по-русски. В то время я по-эстонски говорил плохо и поэтому обрадовался, что не

нужно искать переводчика. В качестве переводчика обычно выступал кто-то из моих коллег эстонцев.

Начинаю разговор с Эльмаром Руусом. Сначала (как учили в школе милиции) веду общий разговор о его работе, семье и т.д. Мужчина ведет себя спокойно, не нервничает, но все-таки спрашивает, зачем его вызвали. Перехожу к делу и объясняю, что в случае чистосердечного признания в посредничестве в даче взятки суд учтет это как смягчающее обстоятельство (от уголовной ответственности освобождался только взяткодатель). Он все отрицает и говорит, что никакой взятки не передавал. На мой вопрос, знает ли он Яана Сийтама, говорит, что знает, так как работает вместе с ним. А на мой вопрос, почему же тогда Сийтам утверждает, что передавал ему деньги (кажется, это была сумма в 50 рублей) для передачи работнику военкомата, отвечает, что речь идет не о нем, а о другом человеке.

Спрашиваю его:

– Вы – Эльмар Руус?

– Да, я, – отвечает он, но не объясняет, что в Таллинском архитектурном бюро работает еще один Эльмар Руус, его полный тезка.

– Ну, раз вы – Эльмар Руус, значит, и деньги Сийтам передавал вам.

– Да не брал я никаких денег!

Ну что ж, надо человека «колоть». Вывожу его в коридор и показываю на окна арестантского дома.

– Видите эти окна с решетками? Вот там вам придется встретить Новый год, если вы не признаетесь. – Мужчина начинает нервничать. – Ну, что, будем признаваться? Могу оформить явку с повинной, это смягчит наказание, и в тюрьму вас не посадят.

– Хорошо, я готов дать показания, только напомните мне, что там было.

– По словам Сийтама, вы передали полученные от него деньги работнику военкомата Михаилу Петрову, – начинаю подсказывать я. – Было такое?

– Да, было.
– Где вы встретились с Михаилом Петровым и когда?
– Встретились в кафе в центре Таллинна, когда, не помню, – отвечает он.
– Какую сумму денег вы передали работнику военкомата М. Петрову?
– Не помню.
– Что же это вы не помните таких вещей?
– Я в кафе один выпил целую бутылку коньяка, поэтому и не помню.

– А где вы познакомились с Михаилом Петровым?
– В этом же кафе, случайно. Он сел за мой столик и предложил услуги по оформлению фиктивных справок.

Я оформил явку с повинной, возбудил уголовное дело и отослал материалы дела в Военную прокуратуру Таллинна (это была их подследственность), а мне пошло в учет раскрытие взятки.

Прошел месяц. В один из дней в мой кабинет заходит Хиндриксон и говорит:

– Мне звонили из Таллиннской прокуратуры, оказывается, ты «расколол» на взятку не того человека, и теперь они решают вопрос о возбуждении против тебя уголовного дела за принуждение к даче показаний.

В прокуратуре мне назначают день, когда я должен приехать на очную ставку с Руусом. Захожу в кабинет к следователю прокуратуры. Там на стуле сидит Руус. Сажусь напротив.

– Это тот инспектор, которому вы писали явку с повинной? – спрашивает следователь.

– Да, это он принуждал меня к даче ложных показаний, – отвечает Руус.

– Как я вас принуждал? Может быть, я вас бил или пытал? – спрашиваю я.

– Вы давили на меня психически.

– Каким образом? – спрашивает следователь.

– Он водил меня к арестантскому дому и пугал им, – отвечает Руус.

– Но ведь это вы сами спросили, где туалет, я вас проводил, а по пути показал, где арестантский дом, – говорю я.

Следователь прокуратуры пытается сохранить серьезность, хотя по глазам вижу, что это нелегко.

История эта закончилась для меня более или менее благополучно. Уголовное дело в отношении меня решили не возбуждать. Был еще долгий и нудный разговор с сотрудником дисциплинарного бюро, и в конце февраля 1983 года мне был объявлен выговор. Коллеги по работе в шутку стали называть меня «бывший лучший, но опальный стрелок».

Наступила осень 1983 года. 10 ноября – День советской милиции. В актовом зале УВД Таллинна идет торжественное собрание. Лучшие работники награждаются медалями, значками «Отличник милиции» и почетными грамотами (к ним прилагалась премия). Вдруг слышу: «...за достигнутые высокие результаты в борьбе с преступностью Буйдину Олегу Владимировичу (слушаю дальше, затаив дыхание) объявленный ранее выговор снимается досрочно». Далее следуют бурные аплодисменты присутствующих.

Слепой водитель

Шел 1986 или 1987 год – начало перестройки. Находившиеся раньше в подполье кустарные производства теперь работали легально и назывались кооперативами. Естественно, эти кооперативы нуждались в материалах для производства продукции, а материалы доставались с промышленных предприятий и не всегда законным путем.

В один из дней ко мне в кабинет зашел мой начальник отделения Александр Митюшов. Я в то время работал в ОБХСС УВД Таллинна в отделении, которое обслуживало предприятия легкой и местной промышленности.

– Поступил анонимный телефонный звонок: сегодня днем с предприятия Salvo (оно изготавливало различные пластмассовые изделия) будут вывозить сырье в гранулах в один из кооперативов, изготавливающий мелкие изделия из пластмассы, адрес кооператива известен, – сказал Митюшов. Он также назвал время, когда привезут сырье, номер и модель машины «Жигули», на которой будет осуществляться вывоз.

Насчет «анонимного телефонного звонка» мы сразу поняли, что информация поступила от кого-то из агентов или доверенных лиц Митюшова, понятно, что раскрывать свой источник информации он не стал.

Приезжаем по указанному адресу. Там уже стоит автомобиль ВАЗ-2101 (его называли «копейкой»), в багажнике которого мы обнаруживаем три мешка с гранулами белого цвета, каждый мешок весом около 50 кг. Тут же находится владелец автомобиля, на которого нам указали работники кооператива. Составляем акт изъятия материала в присутствии понятых. Владелец автомобиля присутствие в багажнике гранул пластмассы объяснить не может. Забираем его с собой в УВД. За руль его автомобиля садится один из наших сотрудников.

Приезжаем в управление и заводим мужчину в кабинет. Его машину оставляем на парковке около здания УВД, а мешки с гранулами заносим в кабинет. В кабинете кроме задержанного мужчины нахожусь я и мои коллеги по работе Александр

Кирлица и Геннадий Жевков. В отличие от меня, они оба – заядлые курильщики, поэтому в нашем кабинете постоянно дым стоит коромыслом.

По документам мужчины устанавливаем, что он работает на фабрике Salvo грузчиком, является владельцем того самого автомобиля ВАЗ-2101, но водительских прав у него нет. Выясняется также, что один глаз у мужчины не видит вообще, а к другому для чтения документов, которые мы ему показываем, он приставляет большое увеличительное стекло.

Под действием неопровержимых улик он признается, что действительно украл с фабрики Salvo три мешка с гранулами пластмассы и отвез для продажи в кооператив, где мы его и задержали. Это вызывает у нас недоумение, так как ясно, что у него был сообщник, который вел машину. Однако мужчина твердо стоит на своем: машиной управлял он сам, и никто ему не помогал.

– Как же вы с таким зрением могли управлять машиной? – спрашиваю я.

– Очень просто, – отвечает он. – Я выезжаю на дорогу, пристраиваюсь за едущей по ней машиной и еду сзади.

– А если машина едет не туда, куда вам нужно?

– Тогда я останавливаюсь и жду следующую машину, которая поедет в нужном мне направлении, и еду за ней. Что, не верите? Садитесь ко мне в машину, и я отвезу вас туда, куда скажете, – предлагает он.

У Саши Кирлицы от такого предложения сигарета чуть не выпала изо рта, а мне сразу же вспомнился фильм «Бриллиантовая рука»: «Будете у нас на Колыме – милости просим. – Нет, уж лучше вы к нам».

В общем, проводить подобный следственный эксперимент мы не рискнули. Возбудили уголовное дело по статье 88 часть I УК ЭССР (кража) и отправили его в следственный отдел. Так что наказание этот мужчина получил как совершивший кражу единолично, а не в группе лиц, что подразумевало более тяжкое наказание. После этого случая с фабрики Salvo его уволили, и дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Несушка

Наступила весна 1984 года. Службе БХСС, в которой я тогда работал, была поставлена задача проводить рейды на различных предприятиях с целью выявления так называемых несунув.

Наше отделение во главе с начальником Александром Крестинным обслуживало предприятия пищевой промышленности Таллинна. Мы разработали план, согласно которому один наш внештатный сотрудник, работавший водителем маршрутного такси, договорился с руководством Таллиннского таксопарка о передаче маршрутного такси на один вечер для проведения рейда. Он рассказал нам, что работники Таллиннского мясокомбината по окончании вечерней смены выходят с сумками и садятся в маршрутное такси, так как в это время автобусы и трамваи ходят редко. Поскольку маршрут проходил мимо улицы Лубья, где находилось УВД Таллинна, он должен был остановиться около здания управления и высадить пассажиров для досмотра. От цеха мясокомбината на улице Вилмси до здания УВД было не более 500 метров. Мы договорились, что водитель маршрутки включит освещение плафона, обозначавшее, что маршрутка свободна, только при подъезде к мясокомбинату, посадит людей, а затем сразу выключит его, чтобы не брать случайных пассажиров.

Около мясокомбината остались дежурить я, Виктор Романов и Валентин Некрасов. Стоим, ждем. Время подходит к одиннадцати часам вечера. Вечерняя смена заканчивается, но никто пока не выходит. Наш водитель маршрутки проехал один раз, второй раз, третий... Наконец из проходной выходит полная женщина средних лет с тяжелой (судя по виду) сумкой. Наша маршрутка проезжает мимо нее, но женщина ее не останавливает, а только ускоряет шаг. Виктор Романов побежал за ней, когда она уже скрылась за поворотом.

Виктор у нас – парень спортивный, от него не убежишь. Во время прошлого рейда на Таллинском мясокомбинате он в одиночку задержал здорового грузчика, который перекинул через забор свиную полутушу, весившую, наверное, около

50 кг. Эта полутуша чуть не свалилась на Виктора. Он дождался у забора грузчика и скрутил его раньше, чем мы подоспели на помощь.

Вот и в этот раз прошло немного времени, и, глядим, Виктор выходит из-за угла и ведет под руку сбежавшую женщину. Дожидаемся нашей маршрутки и везем ее в УВД. На вахте при входе в этот раз дежурила женщина – сержант милиции. Просим ее провести досмотр в кабинете на втором этаже, где работаем я и Виктор Романов. Ждем в коридоре. Через некоторое время дверь в кабинет открывается и женщина-сержант просит нас войти. На столе в кабинете лежат куски мяса, завернутые в полиэтиленовую пленку. И – о, чудо! – задержанная нами полная женщина вдруг превратилась в стройную. Оказывается, кроме находившегося в ее сумке мяса остальное мясо было обмотано у нее вокруг пояса и бедер.

Составляем акт и другие необходимые для возбуждения уголовного дела документы. Женщину отпускаем домой, так как статья УК у нее не такая серьезная, чтобы ее задерживать. Благодарим водителя маршрутки за помощь и расходимся по домам.

На следующий день приходят представители Таллиннского мясокомбината, взвешивают мясо и составляют акт приемки (насколько я помню, мясо потом пошло на утилизацию). Один из представителей мясокомбината спрашивает нас:

- А вы знаете, что она нарушила Закон об охране труда?
- А при чем здесь охрана труда? – удивляемся мы.

Дело в том, что, согласно этому закону, женщинам запрещается переносить тяжести больше 16 кг, а общее количество изъятого у этой женщины мяса составило 35 кг. Вспомнились стихи поэта Некрасова (однофамильца нашего Валентина) про русских женщин: «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет», и захотелось добавить: и мясом обвесится так, что почти что свой вес унесет.

ИВАН РОМАНОВИЧ КАСТЮК

Год рождения: 1946

Место рождения: Гродненская область, Белоруссия

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции, Академия МВД СССР

Опыт работы: инспектор уголовного розыска по делам несовершеннолетних Калининского РОВД, заместитель начальника Калининского РОВД, заместитель начальника Морского РОВД, начальник Маардуского отделения милиции

Выход на пенсию: 1991

Звание: подполковник милиции

Случай в психбольнице

Лето 1975 года. В Калининский РОВД города Таллинна по «02» поступило сообщение о том, что на территории психоневрологической больницы обнаружен труп молодой девушки с признаками насильственной смерти.

Калининский РОВД в 1970-е годы был одним из лучших райотделов милиции Таллинна. Особенно сильным и стабильным был состав уголовного розыска, где были собраны молодые ребята, готовые работать сутками. С такими сотрудниками Калининский РОВД в одном из периодов 1970-х годов сумел достичь 100%-ной раскрываемости преступлений.

В раскрытии убийства в психбольнице принимали участие четверо оперативников.

Анатолий Ездаков, в милицейской среде получивший прозвище Рыжий, имел за плечами не одно раскрытое тяжкое преступление. В районе Копли у него имелась сеть осведомителей и активистов, поставлявших оперативную информацию.

Александр Мажаев по прозвищу Солома еще будучи курсантом Таллиннской школы милиции успел отличиться при задержании опасного преступника, совершившего разбойное нападение. Работая в Калининском РОВД, он раскрывал преступления не только в своем районе, но и в других районах Таллинна. Умел находить контакт с преступниками, склоняя их к даче правдивых показаний.

Юрий Капустин по прозвищу Седой пришел к нам из трудового коллектива без специального образования, но благодаря своему трудолюбию быстро освоился в уголовном розыске и приобрел необходимые навыки сыщика и юриста, стал опытным и грамотным оперативником. Молодые сотрудники все чаще и чаще стали обращаться к нему за советами в трудных ситуациях, а он умело и грамотно помогал им.

Я, Иван Кастюк, работал в основном с несовершеннолетними и молодыми правонарушителями. Хорошо знал молодежь в своем районе, знал, кто и на какие «подвиги» был способен.

Случалось всякое, так как молодежь чаще всего и совершает необдуманные, а порой и тяжкие преступления.

Итак, вчетвером мы выехали на место убийства в психоневрологическую больницу, где уже работала оперативная группа и присутствовали высокопоставленные сотрудники из УВД Таллинна.

Труп молодой девушки был обнаружен у стены одного из корпусов больницы. На затылке волосы в крови, кончик носа вздернут. Можно было предположить, что девушку волокли за ноги лицом по земле. Ни сумочки, ни документов при ней не было.

После проведенного осмотра места происшествия тело неизвестной девушки отправили в морг и все, кроме нас, разъехались. Нам предстояло раскрыть это убийство и как можно быстрее.

Рыжий и Солома уехали в райотдел составлять план первоначальных мероприятий по раскрытию преступления. Я и Седой еще раз внимательно осмотрели место происшествия. Обнаружили слабо видимые следы волочения тела девушки. Неожиданно на шершавой поверхности стены здания, у которой лежал труп, обнаружили частички ткани кожи. Тут же возникла версия, что это преступник повредил себе руку, содрав кожу.

Появилась маленькая зацепка, которая увеличивала наши шансы раскрыть преступление по горячим следам. Приняли решение обойти все корпуса, где содержались больные, и опросить персонал.

Вскоре нам повезло. Один из врачей рассказал, что к нему обращался больной с поврежденной кистью левой руки. Он обработал ему рану и наложил повязку. Врач назвал имя и фамилию больного. Назовем его Михаилом.

Услыхав имя и фамилию больного, мы переглянулись. Может быть, это ранее неоднократно судимый, давний подопечный Седого? Так и оказалось.

Нам предоставили возможность поговорить с Михаилом. Он рассказал, что его навещали друзья – Наташа с Генна-

дием, он назвал также их фамилии. Пообщавшись, они ушли, а Михаил решил прогуляться до пивного ларька у ипподрома. Там он встретил знакомых, ранее судимых. Возникла драка, во время которой он повредил кисть левой руки. Возвратившись в больницу, он обратился за помощью к врачу.

По окончании разговора мы сразу передали информацию в райотдел. Было ясно, что нужно срочно задерживать Геннадия.

Когда мы с Седым вернулись в отдел, Геннадия уже успели задержать. В ходе допроса он подробно рассказал, как и за что они вместе с Михаилом убили Наташу. Верхнюю одежду Наташи со следами крови и сумочку с документами они утопили в пожарном водоеме около ипподрома.

Группа сотрудников во главе с Рыжим срочно выехала к пожарному водоему. С резиновой лодки с трудом достали одежду и сумочку с документами Наташи из воды. Это дело было сделано.

На задержание Михаила выехали Седой, Солома, Рыжий и я. Сообщили врачу об имеющихся у нас фактах и о нашем решении задержать Михаила. Врач без колебаний дал добро.

Дальше все пошло не так, как хотелось бы. Виной тому – наша поспешность и обстановка, в которой проходило задержание. В палате находилось более десяти больных. Увидев ментов, Михаил быстро сообразил, что это пришли за ним, и выхватил из тумбочки нож. Он пригрозил, что как только мы подойдем, пустит его в ход.

Что было делать? Решили не усложнять ситуацию и приступить к переговорам. Сказали, что нужно пойти в кабинет врача и еще раз показать поврежденную руку, а также ответить на некоторые вопросы.

Неожиданно Михаил согласился, но выдвинул условие, что мы пойдем впереди, а он с ножом – сзади. Я шел последним в двух-трех метрах от Михаила, ощущение не из приятных.

В кабинете врача он разрешил осмотреть руку, но нож из правой руки не выпускал, держал нас на расстоянии. После этого мы сказали, что необходимо проехать в РОВД и посмотреть

якобы задержанных у пивного ларька, возможно, он с ними дрался. Последовали долгие уговоры, наконец он согласился и передал нож Соломе. При выходе из милицейской автомашины Михаила задержали.

Преступление было раскрыто за одни сутки благодаря опыту, оперативности, слаженности действий сотрудников, да и везению. Никто из руководства отдела и вышестоящих инстанций не пытался нами руководить и давать ценные указания, так как все были уверены в нашем профессионализме.

Но все же при проведении сложных и опасных мероприятий по задержанию преступников и раскрытию преступлений необходимо тщательно прорабатывать возможные и неожиданные действия преступников и всегда работать на опережение. Все это приходит с накапливаемым опытом и умением оперативника принимать быстрые и точные решения.

Нам как-то везло. И оружие практически не применяли, и не всегда его имели при себе. Больше надеялись на свой богатый опыт и знание преступного элемента.

В современном мире, где каждый день совершаются сотни преступлений с применением оружия и различных взрывных устройств, иметь при себе оружие и другие средства защиты сотрудникам полиции обязательно. Это поможет уберечь не только сотрудника, но и других граждан, которых он обязан защищать.

Милиционеры-пенсионеры

Сюда сегодня мы пришли,
Чтобы итоги подвести.
А собрались мы у льва,
Что установлен у пруда.

В этот раз мы книгу обсуждали,
Что «родом из милиции» пришла
И много интересного о нас сказала,
И память нашу напрягла.

И вспоминали мы и с гордостью, и с грустью,
Что нам пришлось прожить и повидать.
И сколько лиц и судеб в этой книге
Про милиционеров наших был охват.

И вот Капустин Юрий, главный критик,
Все про книгу рассуждал
И не очень-то ее критиковал,
Так как в трех местах себя узнал.

Мажаев Саша тоже не молчал,
Все Калининской РОВД вспоминал,
Где карьеру свою начинал
И хороших друзей повстречал.

Наш грозный Анатолий Ездаков
Все о Копли говорил,
Сколько сил он там вложил
И где в итоге орден получил.

Тут и Лев Алексеев вступил,
И он про Копли говорил,
Как на коплиских бомбил
Вещдоки быстро находил.

И Сергей Богданов не скучал,
Все же лучший РОВД возглавлял,
И с коллегами связь не терял,
И нас, молодых, поучал.

В итоге бурных обсуждений
Решили: новой книге быть
И собираться вновь у льва,
Что установлен у пруда.

Мы в милицию пошли

Выпускникам ТССШМ 1970 года

В детстве нас милицией пугали,
Но мы в милицию играли
И пример с милиционеров брали.
Повзрослев, друзьями стали.

С товарищами часто мы мечтали,
Что милиционерами мы стали
И честно долг свой выполняли,
И преступления раскрывали.

Потом экзамены мы сдали
И курсантами школы милиции стали.
Учеба, спорт и дисциплина
В рядах курсантов крепка была.

Педагоги-офицеры лекции читали
И знания по высшей школе нам давали.
Говорить и действовать учили,
Быть эрудитами и смелыми быть учили.

Два года быстро пролетели,
И мы немного повзрослели.
Звезды на погонах засверкали,
И курсанты лейтенантами стали.

Судьба-разнарядка нас позвала:
Больше всех Россия приняла,
Десять из нас в Таллинн отдала,
Остальных Эстония по районам развела.

Служба наша была и опасна, и сложна,
Но любовь к профессии осталась навсегда.
С неба звезд мы не хватали,
Но долг свой честно выполняли.

Проходят годы и служба прошла,
И наша милиция в прошлое ушла.
На смену нам полиция пришла
И новые законы и порядки принесла.

Пусть всем полицейским везет
В их трудной, суровой службе.
Поменьше тревог, волнений и забот,
Больше легких рабочих будней.

ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОНОВАЛОВ

Год рождения: 1935

Место рождения: город Речица, Белоруссия

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции, Высшая школа МВД СССР

Опыт работы: различные должности в органах МВД Таллинна, начальник отдела охраны Калининского РОВД Таллинна

Выход на пенсию: 1989

Звание: подполковник милиции

Вспоминая прошедшие годы

После окончания средней школы в 1955 году я был призван служить в Военно-морской флот на эскадренный миноносец, базировавшийся в Купеческой гавани Таллинна. На эсминце я служил в должности секретчика.

Четыре года промчались, как сейчас представляется, быстро. Повинуясь обстоятельствам, в сентябре 1959 года я стал курсантом Таллиннской специальной школы милиции, которую окончил с красным дипломом. В группе с эстонским языком обучения с отличием окончил один Паллусаар. Старшина курса был Калью Алаваля, а я был секретарем комсомольской организации курса. Диплом с отличием давал право выбора места службы в милиции.

Во время учебы курсанты проходили практику по линии уголовного розыска и ОБХСС. По линии уголовного розыска я проходил практику в нымеском отделении милиции у оперуполномоченного Сергея Богданова. Там мне удалось раскрыть кражу дачного инвентаря в частном домовладении и выполнить ряд поручений розыскного сыска. От наставника Богданова я за время практики многое усвоил, что мне пригодилось в дальнейшей службе в милиции, за что я ему благодарен до сего времени.

По линии ОБХСС Управления милиции города Таллинна я прошел практику у начальника отделения Федора Уварова, который научил составлять планы оперативно-розыскной деятельности по документированию преступной деятельности спекулянтов и расхитителей.

Отдельно хочу сказать добрые слова благодарности толковым преподавателям спецдисциплин Таллиннской школы милиции Юзефу Лившицу, Валентине Витюшовой, Азарию Гусину, Юрию Каську и другим, которые передали курсантам специальные юридические знания. Эти знания весьма пригодились мне не только во время службы в милиции, но и в дальнейшей жизни после ухода на пенсию.

Когда пришло время выбирать направление служебной деятельности, я дал согласие работать в ОБХСС города Тал-

linna в отделении, которым руководил Федор Уваров. И в первые годы работы в этом отделении мне приходилось изобличать спекулянтов, которые занимались спекулятивной деятельностью в Таллинне. Сферой их преступной деятельности была спекуляция коврами, различной парфюмерией, вязаными изделиями из шерсти и синтетики, а также другими промтоварами, которые в то время составляли дефицит.

Особый интерес для наживы представляла спекуляция шерстяными кофтами и джемперами. А действовали так: в промтоварном магазине «Детский мир», что на Пярну мнт, группа спекулянтков по сговору с продавцами этого магазина скупала оптом шерстяные кофточки и джемпера детских размеров. Дома они замачивали в воде эти изделия, а затем растягивали их, увеличивая до размеров взрослого человека. О качестве такой кофточки с большими ячейками вязи и говорить нечего. А затем эти «изделия» из шерсти спекулянтки в разы дороже продавали приезжим женщинам из Украины, России, Белоруссии, Молдавии в подъездах домов в районах промтоварных магазинов и на железнодорожном вокзале.

Собранные оперативным путем и с помощью спецотрядов дружинников во главе с Владимиром Сухаревым на конкретных фигуранток материалы передавались для возбуждения уголовного дела в отдел дознания, которым руководил Павел Анатольевич Бейлинсон.

Это я привел один из многочисленных эпизодов борьбы со спекулянтами. Были совместные дела с ОБХСС Украины и России.

Через два года меня перевели в отделение ОБХСС, которым руководил Э. Митт. Это было для меня новое направление работы. В этом отделении занимались борьбой с хищениями в пищевой промышленности. В другом кабинете на ул. Вакзали, 18 я познакомился с операми с большим опытом работы в ОБХСС: Ниуканеном, Тороповым, Тофанчуком, которые помогли разобраться в специфике борьбы с расхитителями в пищевой промышленности. Особенно я подружился по службе с Калью Сяде, которого тоже перевели в это отделение.

Значительную помощь в моей работе оказывали начальник отделения Митт и старший оперуполномоченный Ниуканен. А когда он ушел на пенсию, мне полностью передали в оперативное обслуживание постепенно Таллиннский молококомбинат в дополнение к кондитерской фабрике «Калев», а затем на определенное время – фабрику «Леек» и Таллиннский ликеро-водочный завод. Позже в мое оперативное обслуживание как основной объект перешел Таллиннский мясоконсервный комбинат, и в помощь мне назначили молодого сотрудника Ритера Хепнера, с которым мы успешно и плодотворно вели борьбу с хищениями продукции и сырья с фабрики «Калев» и мясокомбината.

О методах документирования хищений на объектах пищевой промышленности необходимо говорить отдельно и много, но главным в этой работе было выявить и задокументировать сбыт похищенной продукции, порой ограниченной сроком хранения и реализации, и в частности мясопродукции, а затем выходить на конкретного расхитителя. Использовался также второй вариант: выявить, определить конкретного расхитителя, а затем узнать место реализации продукции, тем самым создать доказательную базу преступной деятельности расхитителя для возбуждения уголовного дела. Сигналов и сведений о хищениях с мясокомбината и фабрики «Калев» поступало достаточное количество, и поэтому нам с Хепнером приходилось напрягаться в своей служебной деятельности.

Несомненно, с уважением вспоминаю начальника УВД города Таллинна Александра Александровича Снотинга, его заместителей Виталия Йёзсаара, Хуго Васька, начальника ОБХСС Марко Тибара и его заместителя Рейна Китса, начальника отделения Лепнева, оперативников Василия Грищенкова, Гену Вайниловича, Ивана Сушкевича, Юрия Шарика, Бениша, Линдмаа и других, с которыми общался по службе и в нерабочее время.

В апреле 1970 года начальник УВД города Таллинна А. А. Снотинг выдвинул меня на должность заместителя начальника райотдела милиции Центрального района Таллинна.

Для меня это стало сюрпризом, так как я переходил с должности оперуполномоченного сразу через две должностные ступени на должность замначальника большого как по территории, так и по количеству личного состава отдела. И только в конце 1973 года отдел милиции Центрального района разделили на два РОВД – Ленинский и вновь образованный Октябрьский отделы милиции. В разделении личного состава мне пришлось принять непосредственное участие, так как необходимо было передать в образовавшийся новый РОВД участковых инспекторов, милиционеров патрульно-постовой службы, которые были в моем подчинении.

Вернусь ко времени назначения меня на должность замначальника РОВД. Итак, явившись в новый для меня коллектив, будучи капитаном милиции, в конце апреля 1970 года я не знал четко, с него начать в первую очередь. И благодаря опытному начальнику РОВД Шполянскому и замполиту Виктору Коору я быстро вошел в сферу своей служебной деятельности. Придал мне уверенность стать руководителем подчиненных мне сотрудников начальник отделения уголовного розыска РОВД Олег Воробьев. А первым служебным документом, который мне пришлось подготовить, был приказ об усилении охраны общественного порядка в районе во время празднования первомайских праздников.

Постепенно я полностью вошел в курс своей служебной деятельности. В мою сферу ответственности кроме участковых инспекторов, дежурной части, патрульно-постовых милиционеров, паспортного стола добавился еще медицинский вытрезвитель, который был оборудован в полуподвале здания отдела в конце 1971 года. Он был создан с учетом того, что в нем должны были находиться до вытрезвления в основном рабочие финской национальности, которые строили гостиницу «Виру». Медвытрезвитель Центрального РОВД заметно отличался по оборудованию и качеству содержания пьяных от медвытрезвителя на улице Мичурина, который был в структуре УВД Таллинна.

После ухода Наума Шполянского на пенсию в РОВД на должность начальника был назначен на короткое время Лий-

вар и затем его сменил Нурклик, который руководил отделом по личному составу МВД. Примерно через пару лет Нурклика снова вернули на прежнюю должность в МВД Эстонии. А на должность начальника РОВД уже Ленинского района был назначен Эндель Раннус, который до назначения работал в следственном отделе МВД Эстонии. А это выразилось в том, что Раннус в своей работе уделял значительное внимание следственному отделению отдела, которым тогда руководил Пани.

Когда замполит отдела Виктор Коор ушел на пенсию, на эту должность был назначен Яако Окк.

В апреле 1975 года мне предложили перейти на должность начальника отдела охраны при Калининском РОВД Таллинна, на что я дал согласие. В этой должности я проработал до февраля 1985 года, то есть до ухода на пенсию.

Необходимо отметить, что отдел охраны при Калининском РОВД занимал лидирующие позиции по охране объектов народного хозяйства и личной собственности граждан. С руководством и сотрудниками Калининского РОВД я поддерживал дружеские теплые отношения как при выполнении служебных задач, так и в неслужебное время. К ним я отношу Сергея Богданова, Ивана Сушкевича, В. Кузнецова, Николая Свистака, Ивана Кастюка, Григория Кострому, Валерия Лынника, Николая Тартынских, Павленко и многих других, фамилии которых прошедшее время стирает из памяти. То, что я со многими сотрудниками отдела общался, подтверждается фактом моего секретарства партийной организации Калининского РОВД.

Конечно же, необходимо отметить, что патрульные экипажи отдела охраны играли заметную роль в борьбе и в предупреждении преступлений различного характера в Калининском районе, так как патрульные экипажи поддерживали контакт с дежурной службой РОВД, а это задержание лиц, совершивших кражи, хулиганов и лиц, находящихся в нетрезвом состоянии и нарушающих общественный порядок, в районе патрулирования экипажей.

А еще хочется сказать, что невозможно забыть годы 1963–1965 – время учебы в Ленинградской высшей школе МВД

СССР и тех товарищей, с которыми учился: Леонида Ходункова, Николая Миночкина, Ильмара Вахтра, Григория Костромю, Бруно Отса, Капитонова, Креека, Григорьева, Кыдара, Капанена, Паллусаара и других.

Заканчивая воспоминания о трудовой деятельности в органах МВД Эстонии, еще хочу отметить, что после ухода на пенсию благодаря рекомендации Сергея Богданова мне пришлось поработать два года арбитром в Министерстве плодоовощного хозяйства Эстонии. После ликвидации этого министерства я работал юристом в двух акционерных обществах, занимавшихся строительством объектов. В 1992 году я поступил на работу в должности юриста в Следственный изолятор МВД Эстонии. У СИЗО было и другое название – Батарейная тюрьма. Во время работы в СИЗО я общался с сотрудниками Речкиным, Василием Майбородой, Володи Мелещеня, Хаустовым, Гаранжой, Юрой Канышевым, а также с Велло Рикасом, который был начальником Управления мест лишения свободы МВД Эстонии.

В октябре 1997 года я уволился из СИЗО в связи с поступлением на работу в АО «Масеко» на должность юриста, и опять с благословения Сергея Богданова. В АО «Масеко» я ощущал дух милиции, так как кроме Богданова там работали Виктор Вислогубов, Лучкин, Ворошень и Виктор Пантелеев.

И в заключение воспоминаний о своей трудовой деятельности и листая трудовую книжку, я обнаружил в ней записи о 37 различных поощрениях и награждениях за время службы только в органах МВД Эстонской Республики.

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ ОСИПОВ

Год рождения: 1933

Место рождения: город Тбилиси, Грузия

Образование: военное училище, Тартуский университет

Опыт работы: преподаватель, начальник курса в ТССШМ,
инспектор Министерства образования Эстонии

Выход на пенсию: 1983

Звание: подполковник милиции

Вспоминая Таллиннскую школу милиции

В те годы я проходил службу в аппарате МВД Эстонии. А известность Таллиннской специальной средней школы милиции МВД СССР вышла уже тогда, в 1970-е годы, далеко за пределы Эстонии. Для этого были вполне серьезные основания. О них я узнал, уже оказавшись в стенах этого славного учебного заведения.

Мои неоднократные попытки поступить на службу туда увенчались, наконец, успехом в конце 1976 года, когда начальник школы Евгений Васильевич Назимов пригласил меня на беседу и предложил занять должность начальника курса. Это был второй, выпускной курс, поэтому мне было легче вписаться в коллектив школы, получить от своего предшественника Г. Войниловича необходимые сведения о курсе.

С тех пор прошло немало лет, а я с чувством глубокого удовлетворения и благодарности вспоминаю офицеров начальственно-преподавательского состава, чей вклад в дело подготовки работников уголовного розыска и участковых уполномоченных чрезвычайно велик и создал фундамент для высокого престижа Таллиннской школы милиции среди других аналогичных школ бывшего Союза. Это заместители начальника школы Л. Прикутов, А. Гусин, Н. Шкаперин, В. Геллер, начальники циклов и преподаватели В. Стуколкин, Л. Раттасепп, Н. Лугина, А. Квашнин, О. Розанов, Э. Сергеева, Р. Лайд, Ю. Шарик, Е. Гужов, В. Блинцов, Г. Звонов, Ю. Бондарь, С. Звонарев, В. Витюшова, М. Петров, В. Шлык, Н. Кузьменко, Г. Горбачев, Н. Романова, врач Л. Лишкус и многие другие.

Некоторых из них, к большому сожалению, уже нет в живых, как нет с нами начальника школы Евгения Васильевича Назимова, незаурядного руководителя, замечательного начальника и хозяйственника, сумевшего собрать и сплотить прекрасный коллектив. В школе при нем всегда было в меру разумной требовательности, но всегда находилось время для интеллектуального общения, тонкого остроумия и юмора. Непременными активными участниками в этом случае выступали Азарий Гусин

и Юрий Шарик, поощряемые Виктором Александровичем Геллером и самим Евгением Васильевичем Назимовым. Они же – авторы точных и необходимых шаржей на своих коллег.

В 1980-е годы под руководством Е. Назимова и при его непосредственном участии курсантами и офицерами школы был возведен спорткомплекс с классами, спортзалом и тиром. Благодаря этому в школе намного активизировалась спортивная работа, чаще стали проходить соревнования по стрельбе. В эти же годы завершилось строительство учебного корпуса с актовым залом, что способствовало повышению уровня обучения и качества образования курсантов. Свой актовый зал позволил чаще проводить в школе культурно-массовые мероприятия, собрания, встречи с интересными людьми.

Таллиннская школа милиции достойно справилась с ответственной задачей – обеспечением безопасности Олимпийской парусной регаты 1980 года в Таллинне, за что была отмечена в приказах МВД Союза и Эстонии, начальник школы Е. Назимов был удостоен правительственной награды, поощрены и другие участники этого исторического события.

Вспоминается один забавный эпизод из периода обеспечения безопасности Олимпийской регаты. Мои курсанты после отбоя, беспрепятственно слушая «вражеские голоса» через свои транзисторные приемники, однажды узнали о себе нечто, повысившее их самомнение: оказывается, курсанты Таллиннского полицейского колледжа, охраняя парусную регату, не нуждались в оружии, будучи обучены, в случае острой необходимости, убивать без такового.

Многие выпускники нашей школы впоследствии, получив высшее образование, занимали высокие должности в органах внутренних дел Эстонии, а также Псковской, Новгородской, Ярославской и Мурманской областей России.

Остается сожалеть о том, что школа милиции с прекрасной учебной базой была, по сути дела, в Таллинне ликвидирована вскоре после основания аналогичной в Пайкузе. Но память о той, Ныммеской (как ее до сих пор некоторые называют) школе милиции еще жива, и я надеюсь, угаснет нескоро.

ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ ПРИЮТОВ

Год рождения: 1926

Место рождения: деревня Нивки, Тверская область

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции, Высшая школа МВД СССР

Опыт работы: участковый уполномоченный Морского РОВД Таллинна, старший оперуполномоченный уголовного розыска, старший инспектор ОУР Центрального РОВД Таллинна, преподаватель цикла спецдисциплин, начальник этого цикла, заместитель начальника ТССШМ по учебной работе

Выход на пенсию: 1987

Звание: полковник милиции

Райотделы как прообраз территориальных органов милиции

До 1959 года в Морском районе Таллинна функционировали два самостоятельных отделения милиции – 1-е отделение на Тарту мнт и 2-е отделение на ул. Койдула. В 1954 году я был переведен по службе из милиции Ленинграда в Таллинн и назначен на должность участкового уполномоченного 1-го отделения милиции. За мной был закреплен участок № 11 в самом центре города (улицы Виру, Вене, Мере пст и т.д.).

В этом микрорайоне оперативную обстановку осложнял «Шанхай-городок», так его тогда называли. Это был целый ряд бараков на Мере пст, теперь там Центр русской культуры и далее все, что до башни Толстая Маргарита. Эти бараки были переполнены в основном ранее судимыми и лицами без определенного места жительства и занятий. Этот «Шанхай» был моей главной головной болью в выполнении всех служебных задач на участке. В течение девяти месяцев удалось в значительной степени улучшить там обстановку.

Затем я был назначен на должность старшего оперуполномоченного уголовного розыска, минуя должность оперуполномоченного. Хотя и не столь богатый, но годичный опыт работы в уголовном розыске Ленинграда плюс опыт работы участкового уполномоченного уже в Таллинне пригодились мне в организации оперативно-розыскной работы в одной из сложнейших зон города – Ласнамяэ. Здесь была одна из самых высоких, если не самая высокая, преступность не только в Таллинне, но и во всей республике. Оперативная обстановка осложнялась наличием общежитий, где и сосредотачивался преступный элемент из числа ранее судимых рецидивистов, за которыми устанавливался административный надзор, выявлялись и громились воровские притоны и места различных преступных сборищ. Скоплением различного рода преступных авторитетов, преступников-гастролеров отличалось большое общежитие таллиннских строителей на ул. Паэ, 25.

Наиболее распространенными преступлениями были воровство, разбойные нападения и грабежи, хулиганство, мошенничество и т.п. В те времена материально-техническая база была слабой, поэтому реагировать на совершенные преступления (выезд на место происшествия) приходилось в основном на городском транспорте или еще было «модно» на своих двоих (пешим ходом).

В 1957 году в Таллинне была произведена структурная реорганизация милиции, вместо раздробленных отделений милиции были созданы районные отделы, в том числе и Морской РОВД в Кадриорге на улице Койдула.

Первым начальником этого РОВД стал подполковник милиции Николай Леовер, его заместителем по оперативной работе – подполковник милиции Федор Морозов, замначальника по наружной службе – не помню, кто, начальником отделения уголовного розыска – майор милиции Рене Аальберг. В отделении уголовного розыска тогда было два старших оперуполномоченных и четыре-пять оперуполномоченных. Создано было отделение БХСС, несколько позднее – следственное отделение на базе группы дознавателей. Структурно райотделы в то время стали прообразом утвердившейся впоследствии структуры территориальных органов милиции до последних дней их существования.

Исходя из сложившейся оперативной обстановки в 1961 году в составе Морского РОВД было создано Ласнамяэское отделение милиции на ул. Сикупилли, первым начальником которого стал майор милиции Кругер. Из Кадриорга и я перешел сюда работать в качестве старшего оперуполномоченного ЦР. Здесь был еще один оперуполномоченный, группа участковых уполномоченных, детский инспектор милиции и паспортный стол.

Обстановка требовала сочетания служебной деятельности с повышением общеобразовательного и профессионального уровня сотрудников. В 1959 году, например, 6 сотрудников Морского РОВД окончили Таллиннскую 8-ю среднюю вечернюю общеобразовательную школу (учились там два года):

П. Миронов, Н. Митряев, Р. Лаксберг, Л. Михайлова и В. Бруданин. Затем двое из них (Р. Лаксберг и Л. Приютов) окончили Академию МВД СССР.

НИКОЛАЙ ДМИТРИЕВИЧ СВИСТАК

Год рождения: 1938

Место рождения: Хмельницкая область, Украина

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции

Опыт работы: участковый уполномоченный, дежурный инспектор Калининского РОВД Таллинна

Выход на пенсию: 1987

Звание: майор милиции

О работе и товарищах

Калининский РОВД располагался в двухэтажном деревянном здании с печным отоплением на ул. Нийне (теперь оно снесено). Напротив него находилось знаменитое кафе «Сальме» и не менее знаменитая баня «Каламая». Все сотрудники РОВД с удовольствием посещали эти заведения.

В начале моей службы Калининский РОВД возглавлял ветеран ВОВ А. Кузнецов, а через полтора месяца его сменил В. Вильде. В отделе функционировал ОБХСС (начальник – Е. Лепнев), в его составе служили ветераны ВОВ Стрибежев, Скорик, Таммико, Леэметс.

В ОУРе (начальник – А. Соболев) трудились В. Дехтерев, Е. Константинов, М. Коовит, Н. Миночкин. Курировал ОУР заместитель начальника РОВД по оперативной работе Николай Кутузов.

Отделением наружной службы, в которую входили участковые уполномоченные, рядовой и сержантский составы, руководил ветеран ВОВ Смородин Павел Иванович. В состав участковых входили кроме меня ветераны ВОВ Павел Баннов, Михаил Лебедев, Александр Пастухов, Владимир Пискун, а также Валентин Мастович.

Большинство участковых имели 7-классное и ниже образование, но энтузиазма им было не занимать. Их богатый опыт, умение работать с населением и трудолюбие компенсировали все остальное.

Позже нас в ряды участковых влился Иосиф Ильич Афанасьев, ставший легендой отдела. У него была настолько тесная связь с населением Калининского района, с предприятиями и учреждениями, что во время праздничных мероприятий при несении службы по охране общественного порядка его приветствовали проходившие мимо демонстранты. И. И. Афанасьева можно было застать на рабочем месте или на участке даже в выходные и праздничные дни. А ведь в то время зарплаты у сотрудников милиции были мизерными, несмотря на ответственность и трудности.

При РОВД функционировал паспортный стол (аттестованный начальник – Эха Одэ), паспортистки были вольнонаемными. Дежурная часть подчинялась непосредственно начальнику отдела. Хочется вспомнить дежурных Канди, Гольтса, Мадисоо, Мянни.

В упомянутое время расследование дел возлагалось на работников ОБХСС, ОУР и участковых. Нагрузка была колоссальная. Ведь помимо оперативной работы надо было заниматься и следствием.

В 1966 году меня и Григория Кострому, с которым мы пришли сюда вместе после окончания ТСШМ, перевели на новые должности: меня – дежурным инспектором, а Кострому – дознавателем. В дежурной части я проработал до мая 1987 года в должности инспектора, старшего инспектора и дежурного помощника начальника отдела.

За время работы в Калининском РОВД с 1962 по 1987 год мне посчастливилось служить с такими замечательными начальниками, как А. Кузнецов, Вильде, Калдас, Голиков. Под их руководством отдел три раза занимал в Таллинне первое место по раскрываемости преступлений и отделу вручался переходящий приз «Мухтар», судьба которого неизвестна. В отделе работал дружный работоспособный коллектив, из которого выросли руководящие сотрудники УВД И МВД: Вильде, Сушкевич, Мажаев, Селиванов, Кастюк, Полковников, Кузнецов и другие.

В 1979 году наш отдел перевели на ул. Вакзали, 18. В этом здании я и закончил свою службу в милиции.

Мне непременно хочется вспомнить и о младшем составе РОВД, внесшем огромный вклад в наше общее дело – охрану общественного порядка и борьбу с уголовной преступностью. Это милиционеры-водители Матвеев, Дырлов, Игнатенко, Саранчук, Белокуров.

Да, это были трудные, но славные 25 лет, которые никогда не сотрутся из памяти.

После ухода на пенсию с 1987 по 2000 год я работал в охране завода «Двигатель». Но это, как говорится, совсем другая история.

БОРИС НИКИФОРОВИЧ СМИРНОВ

Год рождения: 1927

Место рождения: деревня Бельско, Печорский район

Образование: Таллиннская специальная средняя школа милиции

Опыт работы: оперуполномоченный ОБХСС, ОУР и Управления исправительных трудовых учреждений МВД Эстонии

Выход на пенсию: 1982

Звание: майор милиции

32 года, 9 месяцев и 5 дней

В апреле 1951 года через отбор военного комиссариата меня как кандидата направили в Министерство внутренних дел, где предложили поступить в Таллиннскую школу милиции МГБ СССР. Летом я сдал вступительные экзамены по Конституции СССР, географии и русскому языку (диктант) и в сентябре стал студентом. Обязательным условием поступления было образование не ниже 7 классов. Диплом на руки не выдавали, а отправляли в личное дело.

Основными дисциплинами, которые преподавались в школе, были: история СССР, экономическая география, русский язык и литература, эстонский язык, советское государственное право, советское уголовное право, судостроительство в СССР и советский уголовный процесс, криминалистика, гражданское право, земельное и колхозное право, учет денежных средств и материальных ценностей, судебно-бухгалтерская экспертиза, спецдисциплины №№ 1, 2, 3 (оперативно-розыскная деятельность), военная подготовка.

Я окончил школу 1 сентября 1953 года, и приказом № 813 от 27 июля 1953 года мне было присвоено звание лейтенанта милиции.

В 1953 году название школы изменилось, и она перешла под управление Министерства внутренних дел СССР.

По окончании школы милиции, учитывая мое владение эстонским языком, я был направлен в Пайдеский РОВД оперуполномоченным ОБХСС. В 1954 году в связи с дефицитом специалистов меня направили в Раплаский РОВД на должность старшего оперуполномоченного ОБХСС, где я проработал до августа 1962 года. Работа была сложная, тяжелая, жилищные условия отсутствовали, и я был вынужден уволиться из органов внутренних дел и устроиться в Таллиннский морской торговый порт Эстонского морского пароходства. В 1966 году начальник отделения уголовного розыска Морского РОВД майор милиции П. Рыжанков предложил мне восстановиться в органах внутренних дел, что я и сделал.

В Морском РОВД я проработал до 1979 года, сначала – старшим оперуполномоченным ОУР, потом – командиром отдельного взвода по охране Мемориального ансамбля Певческого поля и затем – старшим инспектором профилактической службы и старшим инспектором Координационного центра охраны порядка «Олимпиада-80». В 1980–1982 годах я был старшим оперуполномоченным оперативно-режимного отдела Управления исправительных трудовых учреждений МВД ЭССР.

В 1982 году я вышел на пенсию, но еще восемь лет продолжал работать в службе безопасности Таллиннского городского суда.

Мой стаж работы в органах внутренних дел вместе со службой в армии составляет 32 года 9 месяцев и 5 дней.

ПУБЛИКАЦИИ В СМИ (1963–2009)

Одна страница

«Наградить нагрудным значком «Отличник милиции» Коновалова Вячеслава Александровича», — звучит с трибуны слета передовиков Министерства охраны общественного порядка.

К столу подходит подтянутый молодой человек.

— Служу Советскому Союзу! — слышит зал отчетливо сказанные слова.

Раздаются аплодисменты.

В. Коновалов, оперуполномоченный ОБХСС Управления полиции г. Таллинна, — один из награжденных.

Вспоминаю. Немногим более года назад мы вместе вступили кандидатами в члены партии. Мы тогда вместе ждали приема у секретаря Калининского райкома КПЭ. Значит, Коновалов — уже член КПСС.

В перерыве подхожу к награжденному:

— Вас можно поздравить!

— Ничего особенного.

Что значат эти слова? Неужели пренебрежение? А может быть, смущение?

После концерта мы случайно столкнулись с Вячеславом Коноваловым в гардеробе. Нам оказалось по пути. Каждый

человек, как непрочитанная книга. Поговорил — открывается страница жизни.

Завязывается разговор и переходит на интересную тему. Ведь В. Коновалов по роду своей службы занимается борьбой со спекулянтами. Мой собеседник рассказывает целую «эпопею» о спекулянтах, об их манерах, привычках...

«Вам не надо шерстяную кофточку?» — обычно так обращается дородная женщина в платке к приезжим. А те, приехавшие посмотреть Таллинн, как раз хотели купить шерстяную кофточку. Причем часто переплачивают. Нередко предприимчивые дельцы обманывают их, подсунув 42-й размер вместо 48-го.

Я задаю провоцирующий вопрос:

— А через вас нельзя достать кофточку?

Он смущен, но деликатно отвечает:

— Правда, мне многие заведующие такими магазинами знакомы. Но, знаете, так нельзя...

Я получаю отповедь в мягкой форме, и хорошо, что это так.

А потом он заговорил горячо и быстро:

— Я, право, не знаю, за что меня наградили. Работаю всего второй год после

школы... — И перебивая себя: — ...спекулянты, как ни странно, уже знают меня. Стоит появиться на Виру, как уже ни в одном магазине их не встретишь. У них связь действует. А вообще работать трудно. Поступает заявление. 10 дней на проверку. Надо уложиться в сроки. Но ничего, мы их, — имеются в виду спекулянты, — потихоньку прижимаем. Комсомольский патруль помогает очень много...

Мы уже у моего дома. Прощаемся.

Открылась одна страничка человеческой жизни, жизни в труде.

На этой неделе перед судом предстала одна из спекулянтков Н. Романова. Год исправительных работ — к этому привела ее коммерческая деятельность, разоблаченная благодаря усилиям В. Коновалова, инициатора этого дела.

В. Коновалов подвел еще один итог. Он подготовился зимой к поступлению в Высшую школу и сдал экзамены.

В. Метс.

Перед экзаменационным столом отвечает (справа) Г. Кострома, участковый уполномоченный Калининского районного отдела милиции, и берет билет В. Коновалов, оперуполномоченный ОБХСС Управления милиции Таллинна. Они в числе работников Министерства охраны общественного порядка ЭССР, сдавших вступительные экзамены в Высшую школу Министерства охраны общественного порядка РСФСР.

Друг мой Николай

Люди в синих шинелях

Надолго запомнился мне один из сентябрьских дней 1960 года, когда мы, без пяти минут курсанты Таллиннской школы милиции, горячо обсуждали подробности вступительных экзаменов. Именно тогда впервые я услышал странную фамилию: Свистак. Ее произнес выбежавший на крыльцо счастливчик, по-видимому, получивший на экзамене хорошую отметку. Хозяин редкой фамилии, стройный широкоплечий парень в матросской форме, стоял среди ребят и о чем-то оживленно спорил. Окликнувший его куда-то исчез, а Свистак неторопливо стал подниматься вверх, где проходили экзамены.

Быть может, я и забыл бы этого парня, его фамилию, если бы мы не попали в одну учебную группу. Уже в первый вечер после занятий мы познакомились поближе. Узнал, что его имя – Николай, что в школу прибыл прямо из воинской части, до службы работал трактористом на целине, здорово болеет за таллинское «Динамо». Через неделю мы вместе пошли на футбольный матч, затем – в театр. И в первое патрулирование.

Николай тогда дежурил в Кадри-орге. Проходя по аллее, за деревьями он заметил мужчину с каким-то предметом в руках. Тот подозрительно метнулся в сторону железнодорожного полотна.

– Стой! – крикнул Николай. Ни крик, ни свисток не помогли. Перебежав дорогу, Николай увидел, как человек что-то бросил в кусты.

Вскоре он был пойман и доставлен в дежурную часть. А в кустах нашли женскую сумку, которую хулиган вырвал из рук проходившей женщины. Начальник поблагодарил курсанта за находчивость. А я был рад за товарища, получившего первое боевое крещение!

Учился Николай неплохо. По юридическим дисциплинам получал только «четверки» и «пятерки». А когда наступала практика, его радости не было конца.

После учебы мы оба получили направление в Калининский отдел милиции, где Николай проходил стажировку в должности участкового уполномоченного.

На первых порах Николай не успевал вовремя разобраться с заявлениями граждан.

— Вроде и стараюсь, а времени все-таки не хватает, — признался он заместителю начальника подполковнику Павлу Ивановичу Смородину.

— А ты больше бывай на участке, в домоуправлении, на предприятиях. Больше бывай на людях. Старайся разобратся на месте.

Каждое утро к Николаю приходят люди со своими маленькими и большими заботами. Идут, уверенные в том, что у своего участкового получают толковый совет, что он обязательно поможет.

Много приходится заниматься Николаю подростками. Их образ жизни, их увлечения волнуют молодого участкового. Подростки, как никто, поддаются любому влиянию. И быть беде, если это влияние плохое. Надо срочно принять меры, чтобы оступившегося направить на правильный путь.

...Николай встретил на улице грязного развязного паренька.

— Кто ты такой?

— Виктор Кауп, — с гордостью произнес тот.

— Вот что, Виктор Кауп, сейчас пойдем к тебе домой.

— Домой? Ни за что! — стал упираться Виктор.

— Нет, пойдем! — требовательно повторил Николай и взял его за руку. Подошли к трехэтажному каменному

зданию. Поднялись наверх. Виктор своим ключом открыл дверь. В квартире чисто, просторно.

— Почему ты не в школе? — спросил лейтенант милиции.

— Работать надо, а не брюки протирать...

— Так почему ты тогда не работаешь?

— Возраст не позволяет.

— Ты, брат, не хитри. Завтра пойдешь в школу. Я проверю.

— Конечно, завтра я пойду в школу, — пообещал Витя.

Родителей застать дома Николаю не удалось. Ни в обещанный, ни на следующий день Виктор в школе не появлялся. Через два дня его задержали на улице дружинники. Привели к участковому уполномоченному.

Увидев знакомого лейтенанта, Витя опустил голову.

— Ну, рассказывай, что ты натворил, — обратился Николай к парню.

— Ничего, — буркнул тот в ответ.

— Что-то сегодня ты неразговорчивый.

— А что говорить? Заработал — наказывайте.

— Наказывать тебя не намерен, а поговорить следует.

— Знаю я милицию, — уныло протянул Витя. — К вам стоит только попасть...

— Вот что. Поедем-ка лучше к родителям. Давно собирался навестить их.

При появлении работника милиции, сопровождающего сына, отец Виктора

снял с гвоздя ремень. «Бьет часто», – подумал Николай.

Не раз, не два заходил Николай в семью Каупов, не одну беседу провел с Виктором, его матерью и отцом. Бывал частенько и в школе, где учится Кауп. Чувствуя себя под постоянным наблюдением, подросток менялся на глазах: стал аккуратно ходить в школу, в дневнике исчезли «двойки».

С разными людьми приходилось встречаться участковому уполномоченному. Помнит он и такой случай. В 1-й средней школе рабочей молодежи появились два парня – Вольдемар Сибуль и Антс Пронтсоо. Придут в школу, снуют без дела. Часто их видели нетрезвыми.

Николай пошел в общежитие, где живут Антс и Вольдемар. Пригласил коменданта. Ребятам предложили по-

казать свой шкаф. Уже по тому, с какой неохотой они открывали его, Николай почувствовал неладное. Наконец дверца распахнулась, и Николай увидел на вешалке серое драповое пальто. Чужое пальто. При расследовании удалось установить еще несколько краж, которые были делом рук Пронтсоо и Сибуля.

...Когда я думаю о Николае, я вспоминаю и других моих товарищей, которых не испугали трудности, которые смело встали на защиту прав людей, повели умную, тонкую борьбу за человека. Потому что участок – это не только дома, улицы, кинотеатры, магазины, кафе, это прежде всего люди, которые в ответе друг за друга.

*Г. Кострома,
лейтенант милиции*

Лучшая рекомендация

Навстречу Дню советской милиции

Я – молодой милиционер. На моем счету еще мало раскрытых преступлений и разоблаченных преступников. Однако своему современнику-комсомольцу в нашей молодежной газете я хочу рассказать не о том, как работники советской милиции борются с преступностью, а совсем о другом: почему я избрал эту беспокойную работу, рассказать о профессии, которую не всегда можно назвать мирной.

В школу милиции я пошел после службы на флоте. Помню, как рассказывал товарищам о своем намерении учиться в школе милиции. Многие удивились такому решению.

– Как, после флота в милицию? – недоумевали одни.

– Ведь ты можешь поступить в любой вуз, – советовали другие.

– Идет туда, где легче, – упрекали третьи.

Но все же я сдал вступительные экзамены в Таллиннскую школу милиции.

И вот потекли дни учебы. Кроме юридических дисциплин мы изучали политэкономию, историю КПСС, теорию

государства и права и другие науки. Свои теоретические знания мы подкрепляли практической работой в органах милиции города. Здесь мы, курсанты, по-настоящему узнали профессию милиционера, которому оружие дано для того, чтобы нести вахту на страже общественного порядка, зорко охранять покой граждан нашей Родины.

Нечего греха таить, по нашей земле бродит еще разнокалиберное отребье, путается под ногами, мешает строить счастливую жизнь. Воры, расхитители, хулиганы, тунеядцы, спекулянты и другие – «плеяда» отвратительных типов, стремящихся прожить за чужой счет, прожить вольготно.

Во время работы в органах милиции мне доводилось сталкиваться со всякого рода преступниками. Это были неприятные встречи, при которых проступали со всей очевидностью мелкая душонка вора и спекулянта, затушеванная напускная «храбрость» хулигана, падение тунеядца и пьяницы.

Я отчетливо помню лето 1952 года, когда был убит мой брат. Ему было 18

лет. Он любил жизнь и радовался, как все мы, грустил и смеялся, учился и работал. Уже тогда, идя в траурной колонне, я решил бороться с преступностью. Но раньше это мне казалось легким и простым, как в нехитрых детективных романах, которые я читал запоем. Только столкнувшись с действительностью, понял, что это не так просто. Кроме умения обезвредить и изобличить преступника надо быть идейно закаленным, честным, выдержанным, многое знать и критически оценивать. В нашей работе все важно. Даже простое, будничное. Порой «скучное» на первый взгляд дело часто оказывается очень важным.

Милиционер — не только представитель власти, но и слуга народа. В Таллинне есть много работников милиции, которых уважают и ценят. Я знаю участкового уполномоченного Морского отдела милиции капитана Эдуарда Карповича Лодья. Это простой и душевный человек. Его любят честные люди. Его как огня боятся людишки с нечистой совестью. А это — лучшая рекомендация для нас.

Вместе со мной окончили школу милиции и теперь успешно работают Борис Сущинский — бывший медик, Константин Новиков — железнодорожник, Николай Свистак — механизатор. Все они имеют хорошие специальности

и могут работать не хуже других. Но они всей душой полюбили трудную работу милиционера, наполненную нелегкими буднями, зачастую без праздников и выходных. Это нужная и почетная работа — бороться с преступностью и другими антиобщественными явлениями. И люди в синих шинелях не зря стоят на своем посту. Ведь они охраняют покой своих сограждан!

Бывают случаи, когда недалекие люди не уважают работников милиции. Хуже того, я знаю лейтенанта милиции С., у которого произошел разрыв с девушкой только из-за того, что он носил милицейскую форму.

Люди в синей форме... Это они в дождь и вьюгу стоят на посту, регулируют уличное движение, в машине с красной полосой торопятся на место происшествия, указывают путь заблудившимся людям, спешат на вызов телефона «02». У них много дел и забот. И «спасибо» людей радует их, согревает в сильный мороз.

Мы, когда наступит время (а оно непременно наступит!), с радостью снимем эту форму и наденем рабочую блузу, чтобы пойти в забой, стать за станок, сесть за руль комбайна.

*Г. Кострома,
лейтенант милиции*

По велению сердца

Я хочу рассказать о моих новых товарищах, которые, как и я, сразу после службы в Советской армии сменили солдатские погоны на погоны курсантов школы милиции. Мы не романтики, начитавшиеся детективных романов, а обыкновенные парни, прошедшие школу армейской закалки и хорошо знающие цену солдатской дружбе. И пришли в школу по велению сердца.

Лично для меня и многих моих товарищей из нашего взвода примером стал старший сержант Михаил Цветков. До поступления в школу он работал некоторое время в милиции. Случай, который произошел на одном из дежурств, надолго запомнился ему. До окончания дежурства оставалось меньше часа. За все время особых происшествий не было. Но вот резко зазвонил телефон. Срочный вызов — драка в одном из парков. Через минуту дежурная машина выехала на место происшествия. Не думал Михаил, что в тот вечер ему придется получить свое первое «крещение». У одного из дерущихся был нож. Нужно было срочно обезоружить преступника и предотвратить преступление.

— Думал ли ты о своей жизни в это время? — спрашиваем у Михаила.

— Как-то даже в голову не приходила мысль, что он может ранить или убить, — ответил Михаил. — Когда уже выбил нож и задержал хулиганов, тогда подумал, что в первый раз предотвратил преступление...

По вечерам, когда наш взвод собирается в комнате курсантского общежития, Валерий Козлов берет гитару, а Виктор Яковлев запекает песни. Эти парни никогда не унывают и как будто не устают, вроде и не было за плечами трудного дня. Но вот входит Михаил Цветков. Он только что из детской комнаты милиции Нымме. Как всегда, веселый, улыбающийся. Значит, все в порядке, значит, Миша свое задание выполнил. Он непременно поделится с нами впечатлениями, расскажет о мальчишках, с которыми он встретился.

Слушая рассказ Михаила о юнцах, которые не хотят учиться, убегают из дому, хулиганят на улицах, я вспоминаю себя — ушел из дому в 15 лет, не имея даже восьмилетнего образования. Снова и снова с благодарностью вспоминаю

вот таких же Цветковых, которые мне помогли в жизни. Снова слышу голос Михаила:

— Поговорил с парнем. Кажется, понял, собирается поступать на работу, дал слово учиться в вечерней школе. Но надо еще проверить.

Он обязательно проверит. И не потому, что это входит в его обязанности. Это, наверное, больше, чем долг службы. Здесь и любовь к детям, любовь к своему делу, которому он служит.

И через некоторое время Михаил возвращается к разговору о своем «крестнике».

— Все нормально, парень учится и работает. Очень благодарны родители. Да и сам я рад, что человек вышел на правильный путь.

Мы, его товарищи, тоже радуемся энтузиазму Цветкова, его энергии. Впрочем, что здесь удивительного? Ведь он

пришел в милицию не ради того, чтобы где-то работать. Это его призвание.

Рассказывая о Михаиле, я не могу не написать о других своих товарищах, которые также непримиримы ко злу.

Старший сержант А. Митецкий — отличник учебы и дисциплины, командир лучшего взвода. Курсант Н. Чигашков — спортсмен-разрядник по лыжам, Н. Лисецкий — бывший механик-водитель танка, в армии неоднократно поощрялся командованием, награжден юбилейной Ленинской медалью...

Я не могу написать обо всех. Но я знаю и верю, что среди курсантов случайных попутчиков нет. Каждый из нас знает, что работа в милиции требует от человека многого, и главное — веру в людей и любовь к людям.

*А. Мажаев,
курсант Таллиннской школы милиции*

Гордился бы сыном отец

...Случилось это в июне 1972 года, когда он, сотрудник Тартуского горотдела милиции, конвоировал из Вильянди в Тарту задержанного преступника. Отъехав от Вильянди несколько километров, Людвиг Эленберг почувствовал себя плохо: кружилась голова, перед глазами плыли желтые круги, тяжелым обручем сжало сердце. Собравшись с силами, он подошел к шоферу и тихо сказал: «На четвертом месте сидит гражданин, которого я должен доставить в Тарту. Мне плохо, но что бы ни случилось, из автобуса его выпускать нельзя».

Сказал и беззвучно опустил на пол автобуса. Когда к нему подошли, Людвиг Эленберг был уже мертв.

...Тяжело переживал смерть отца Геннадий. Часто вспоминал он его рассказы о нелегких милицеских буднях. И понял: занять отцовское место в строю — его долг.

Свое первое задание младший сержант Геннадий Эленберг запомнит на всю жизнь. Было это осенью 1973 года. Дежурному по отделу сообщили, что в одном из домов по улице Калеви скрывается разыскиваемый преступник. Вместе с оперативной группой выехал на задержание и Геннадий. Дверь никто не открывал. По пожарной лестнице проникли в квартиру милиционеры. Преступнику скрыться не удалось.

Августовской ночью этого года поступило новое сообщение: неизвестный мужчина через окно проник на кухню и совершил кражу. На месте происшествия выяснилось, что это «старый знакомый», вор-рецидивист, к тому же вооружен финским ножом. Запомнив приметы преступника, Геннадий задержал его на железнодорожной станции.

Несет свою службу младший сержант милиции Геннадий Эленберг. Был бы жив отец — по праву гордился бы сыном.

*А. Сельге
Тарту*

Чтобы не прозвучал сигнал тревоги...

Фоторепортаж

Репортаж этот совсем неслучайно о сотрудниках Калининского райотдела внутренних дел. В УВД города отдел называли в числе передовых. И еще добавили:

— Здесь большинство работников — комсомольцы.

...Выстроились ровной шеренгой милиционеры, сотрудники уголовного розыска, воины внутренних войск, дружинники. Майор С. А. Богданов, заместитель начальника РОВД, зачитывает телефонограммы, знакомит с оперативной обстановкой в районе и городе, нацеливает на выполнение главных, наиболее ответственных задач. Теперь — слово за начальником отделения службы капитаном Энном Тамметсом. Он детализирует задания и командует:

— Равняйся! Смирно! Приказываю выступить на боевое дежурство по охране общественного порядка...

Разрывая светом фиолетовых мигалок плотную пелену темноты и дождя, пропали в ночи мотоциклы, газики с поисковыми милицейскими группами, дежурные машины.

Лейтенант Алексей Фомин — командир ПМГ по сдвоенному маршруту — №№ 1—2. Время от времени мы становимся свидетелями следующего диалога по радиции:

— «Березка», «Березка», я — «Первый». Как меня поняли, прием. — Это Алексей вызывает дежурного ОВД. — Какие будут указания?

— ...Вас понял. Следуйте согласно своему маршруту.

Значит, все спокойно, ЧП нет, и А. Фомин вместе с водителем машины сержантом Владимиром Павловым, тоже комсомольцем, продолжает охранять порядок.

Летом 1970-го танкист, старший сержант Алексей Фомин уволился в запас из рядов Советской армии. Вернулся в Таллинн. И вскоре по комсомольской путевке пришел на работу в органы милиции. Теперь шутит: «По семейной традиции». А ведь это действительно так. В Комитете государственной безопасности работал отец, министром внутренних дел Осетии был его дядя, юристы — дед и мать.

Инспектор уголовного розыска по делам несовершеннолетних Николай Смольский.

Младший лейтенант Лариса Ершова и внештатный инспектор детской комнаты милиции Галина Кузьмина ведут прием своих подшефных.

Инспектор уголовного розыска Александр Мажаев со своими трофеями.

Командир поисковой группы Алексей Фомин и водитель милицйской машины Владимир Павлов прибыли к месту происшествия.

Фото: Д. Пранц

Алексей уже прошел несколько ступенек служебной лестницы. Начал милиционером, затем – помощник дежурного и наконец – участковый инспектор уголовного розыска по профилактике. Со временем хочет перейти на работу в уголовный розыск. В 1972 году он стал заочно учиться в Таллиннской специальной средней школе милиции.

Он успешно работает на участке, где два года назад начинал свою милицейскую деятельность комсомолец Александр Мажаев, который пришел в ОВД после окончания школы милиции. Сейчас он уже инспектор уголовного розыска, на его счету немало раскрытых преступлений.

Мы застали Александра в тот момент, когда он внимательно рассматривал автомобильную шину. В чем же дело? Из багажников некоторых автомобилей стали исчезать колеса и различные инструменты. В розыски преступника включилась группа работников, в которую входил Александр. Теперь беспокоиться водителям машин больше не придется: преступник обезврежен, а эти покрывки и

инструменты, которые сейчас изучает Александр, будут возвращены владельцам.

Комсомольцы Лариса Ершова и Николай Смольский – не просто коллеги по профессии. В своей работе им приходится очень тесно контактировать между собой, Николай – инспектор уголовного розыска по делам несовершеннолетних. Главная их задача – предупредить правонарушения среди подростков, не дать свернуть на опасную дорогу. А если уже кто-то оступился, помощи исправить ошибку. Вот и сейчас младший лейтенант милиции Лариса Ершова и ее помощница, внештатный инспектор Галина Кузьмина беседуют с одним из своих подопечных.

...Мы рассказали вам об одном дне работы молодых сотрудников некоторых служб отдела внутренних дел. Это – их обычный рабочий день. Рабочий день людей, которые охраняют наш покой и труд. Они в любую секунду готовы прийти к нам на помощь. Они всегда на своем боевом посту.

Э. Альперович

«Артист» из Макеевки

Кое-кто из несведущих утверждает, что, дескать, мастера ловких рук у нас перевелись и в нынешние времена их можно увидеть лишь в цирке или кино. Увы, дорогие друзья, такие заявления беспочвенны. Нет-нет, да и одарит жизнь таким ловкачом, от «номеров» которого не знаешь, что делать: то ли смеяться, то ли плакать.

Вот, скажем Мерешань Герасим Николаевич (он же Харкомич Никифор Иванович). Глянешь на движение его рук и сразу определишь: настоящий артист, истый талант! На вид заскорузлые и грязные, руки его в действительности способны проделывать такое, что не может присниться даже профессиональному магу.

Только вот одна неувязка: Мерешань (он же Харкомич) тяготеет к рискованному и наказуемому в уголовном порядке репертуару. Его коронный номер, именуемый мошенничеством, опасен серьезными последствиями как для самого исполнителя, так и для тех, кому он предназначается.

Ему 43 года. Место жительства — г. Макеевка Донецкой области. Обра-

зование — сомнительное. Род занятий — неопределенный. Начиная с 1953 года по апрель 1973 года содержался в местах, как говорится, не столь отдаленных. С июля 1973 года трудился заготовителем в макеевской конторе «Вторсырьё». Однако будучи в душе художником, он не мог примириться с участью старьевщика и уже в апреле следующего года стал вольным, как птица. Вот тогда-то и вспомнил он о своих способностях иллюзиониста. Из-за прирожденной стеснительности или по другим соображениям свою карьеру фокусника он решил начать не дома, а в Таллинне.

...Итак, 15 октября 1974 года наш герой появился в столицу Эстонии. Прибыл (по известным причинам) инкогнито. На следующий день для смелости выпил. И тут началось такое...

10 часов. Место действия — магазин «Детский мир», что на Пярнуском шоссе, 6. Мерешань (он же Харкомич) у контролера-кассира Е. Бородовицыной просит разменять две купюры по 50 рублей на более мелкие. Е. Бородовицына дает ему десять купюр по

10 рублей, которые Мерешань (он же Харкомич) несколько мгновений держит в своих руках, а затем раздумывает разменивать и возвращает контролеру-кассиру, а свои, 50-рублевые, забирает обратно. И за тот короткий миг артист посредством ловких незаметных движений прячет 40 казенных рублей. Кассир-контролер, взяв обратно от мошенника 10-рублевые купюры, не пересчитала их. Когда спохватилась, было уже поздно.

11 часов 15 минут. Комиссионный магазин на ул. Вяйке-Карья, 7. Почти та же самая картина. Но на сей раз попала впросак кассир А. Прозес. И денег Мерешань-Харкомич получает здесь на 40 рублей больше.

11 часов 45 минут. Мерешань (он же Харкомич) в Таллиннском Доме торговли перед кассой № 123. Тут он «зарабатывает» 120 рублей. Многовато для начинающего!

Окрыленный первыми успехами, в 19 часов в магазине на ул. Тёэстузе, 83 Мерешань-Харкомич умудряется заполучить 40 рублей, а полчаса спустя в магазине на ул. Тёэстузе, 53 таким же путем похищает 20 рублей.

Ночью Мерешань-Харкомич пытается опустить занавес и прервать «представление», но его просто-напросто хватают за руки и увозят в знакомое ему до мелочей учреждение...

На прощание мы взяли у Мерешань-Харкомича короткое интервью.

— Как вам все это удалось, Герасим Николаевич?

— Я кроме Герасима Николаевича еще и Никифор Иванович, — мягко поправляет Мерешань (он же Харкомич) и бойко объясняет: — А удалось потому, что есть на свете слишком доверчивые люди. А если добавить ловкость рук...

— Позвольте не согласиться, Никифор Иванович, — перебиваем мы его. — Ловкость ловкостью, но ведь мошенничество налицо!

— Опять вы забыли, граждане начальники, — хитро улыбаясь, говорит Мерешань-Харкомич. — Кроме Никифора Ивановича я еще и Герасим Николаевич. Что же касается этого самого мошенничества, то тут уже чисто исполнительский риск. Поймите меня правильно...

Мы-то понимаем. Но поняли ли те, кого он одурачил?

*Григорий Кострома,
следователь ОВД Калининского района*

Александр Мажаев, сотрудник угрозыска

Дорога начинается в юности

Не у каждого человека бывает так, чтобы сказки его детства стали реальностью во взрослой жизни. В юности человек ищет свою мечту и находит. Но не каждому дано ее исполнить. Ну, а если выпало счастье... Тогда мечта становится работой. Делом жизни и смыслом ее. Александр относится как раз к числу таких, счастливых.

В четырнадцать лет он стал юным деревенским детективом. Жил тогда в Малом Сурмете — так называлась деревня в Оренбургской области, ближе к Куйбышеву. И эта деревня, и запах степей, и многие другие детали детства, юности живут в Александре до сих пор.

Однажды на уборку урожая приехали шоферы из Москвы. Один из них, Александр Князев (было ему лет 35), остановился у Мажаевых, и маленький Саша подружился со своим тезкой и часто ездил с ним.

— Знаешь, Сашка, у меня украли фонарик из кабины, — сказал ему как-то Князев, когда Александр вернулся из школы. — Если найдешь вора, то работать тебе в сыске.

Князев знал, что Александр интересовался литературой о милиции и хотел идти туда работать. Книги он доставал с трудом, где только можно было: в сельской библиотеке, у соседей. Присылал их и старший брат Николай, который работал монтером на железной дороге в Ярославле.

Нити первого «розыска» привели в дом двух братьев — здоровых и сильных. За божницей он и нашел фонарь, который положил туда старший брат.

Почему сразу решил посмотреть именно за божницей, не знает. Видимо, работало в нем чувство, которое называется интуицией. А слова Князева оказались пророческими.

...Многое повидал он в жизни. Но упорно шел к осуществлению своей мечты. Среднюю школу окончил он в армии – служил в авиационных частях группы советских войск в Германии.

В Ярославском УВД ему дали направление в Таллиннскую специальную среднюю школу милиции. Вступительные экзамены сдал хорошо. Так и остался в Таллинне. Специализировался по уголовному розыску. Практику на втором курсе проходил в Калининском РОВД.

Эта практика во многом помогла его становлению. Прежде всего помогли ему люди – дружный сплоченный коллектив отдела. Это он так говорит. Говорит с уверенностью, без тени сомнения. В него поверили и Альберт Николаевич Капитонов, и Николай Алексеевич Цыватый, и многие другие. Ну, а В. Т. Цыганков сразу решил испытать Александра ответственностью. Не побоялся доверить практиканту серьезное дело.

Вместе со старшим инспектором П. Г. Сакалюком А. Мажаев выехал в Кишинев. Туда вели следы И. Морошана, совершившего в Таллинне несколько крупных краж. В небольшой молдавской деревне за Бельцами, километрах в ста от Кишинева, он нашел мать Мо-

рошана. Беседуя с ней, заметил, что на одной из фотографий сын запечатлен в украденных вещах. Эта фотография стала вещественным доказательством. Такому неожиданному повороту дела был удивлен и Петр Гаврилович. Морошана взяли с поличным в одном из общежитий нового микрорайона – Рышкановки.

Осенью 1972 года, после окончания школы милиции, А. Мажаев стал сотрудником Калининского РОВД. Вначале участковым инспектором, а несколько месяцев спустя его перевели в отделение уголовного розыска.

«Уверен, Александр из числа людей, талантливых от рождения, которым самой судьбой предназначено найти профессию по призванию. Он, если хотите, талант. В нем от природы заложены качества, необходимые сотруднику уголовного розыска: смекалка, воля, мужество, ум, спокойствие и терпение. У него богатый арсенал профессиональных приемов, которые помогают выиграть единоборство. Он всегда ищет индивидуальный подход, к каждому подходит дифференцировано.

И еще – выдержка и спокойствие. Он со всеми ровен, хладнокровен, ко всем уважительно относится. Этими качествами не все обладают в такой мере. Случается иногда, что некоторые и срываются. А он – никогда.

В его активе много трудных и опасных дел. И не только республиканского

значения. Случалось ему работать и по всесоюзному розыску. Например, этим летом задержал Александр в Таллинне «гастролера» из Азербайджана Г. Гаджиева, который оставил о себе память и в Ленинграде, и в Москве, и в Астрахани, и в Волгограде. В Куйбышеве, когда его взяли в первый раз, то не смогли заставить говорить — доказательств не хватило. А у Мажаева Гаджиев сознался. Осенью прошлого года он брал торговцев краденными колесами с машин. Пришлось тогда Саше применить и физическую силу.

Так вот — как резюме. Я говорю: побольше бы нам в розыск таких ребят — меньше было бы преступлений. И многие понимали бы тогда, что такое хорошо, что такое плохо».

(Из беседы с начальником ОУР Виктором Терентьевичем Цыганковым)

«Мажаев — отличный парень и отличный работник. Он умеет делать свое дело. Он может подойти к человеку, найти с ним контакт. Он располагает людей своей внешностью, своей речью, логикой поведения и мышления. Он всегда отлично ориентируется в оперативной обстановке, и это облегчает ему раскрытие преступления. Он скромный. Слов на ветер не бросает. Просто, как говорят шахтеры, выдает продукцию на-гора.

Его уважают. И за профессиональные качества, и за то, что он дружелюбен и прост в общении. Умеет подержать беседу. У него и голос хороший — иногда, когда собираемся все вместе, поет для своих товарищей что-нибудь. Словом, парень компанейский. Любит и художественную литературу, кино, с ним побеседовать приятно. Всегда аккуратен и подтянут — за собой следит. В жизни коллектива участвует активно: член редколлегии стенгазеты «Чекист», член бюро комсомольской организации. Так что парень он что надо».

(Из разговора с заместителем начальника РОВД Сергеем Афанасьевичем Богдановым)

Формально рабочий день уже кончился. В коридорах становилось тише. Сотрудники угрозыска заполняли протоколы и другие документы, обменивались новостями. Александр завел разговор о новой книге. Заканчивался еще один день.

А ровно в девять часов утра следующего дня он заступал дежурным. И вновь его ждала работа, которая стала делом его жизни.

Э. Альперович

Фото: Д. Праниц

Операция «Кассир»

Таллиннской милиции стало известно о готовящемся нападении на инкассатора рыбокомбината. Всего сорок минут оставалось у сотрудников Калининского РОВД на размышление.

Оперативную группу возглавил майор милиции И. Сушкевич.

...В назначенный час к воротам рыбокомбината прибыли сотрудники уголовного розыска. В это самое время заgrimированные бандиты согласно разработанному ими плану занимали позиции у рыбокомбината. Было время обеда. Среди спешащих людей шла и пожилая женщина-инкассатор. Шла с деньгами, вопреки всем правилам, без охраны. Бандиты на это и рассчитывали.

Все пути их отхода были перекрыты сотрудниками милиции. Когда женщина-инкассатор подошла к железнодорожным путям, с вагона прыгнул детина, сбил ее с ног, выхватил сумку с деньгами и кинулся наутек. Далеко уйти ему не дали. «Телохранитель» кинулся было на помощь главарю, но был остановлен старшим лейтенантом милиции А. Мажаевым. Сдаваться преступник не захотел. Он выхватил пистолет, но реакция у старшего лейтенанта была лучше — оружие выпало из руки бандита.

Схватка была жестокой, но короткой. Все шестеро соучастников ограбления были доставлены в милицию. Каково же было их удивление, когда они узнали, что в похищенной ими сумке... денег не было.

Нападавшие оказались опытными рецидивистами. Их главарь Ю. Шакалов приговорен судом к 10 годам, его «телохранитель» В. Туркин — к 6, остальные — к различным срокам заключения.

*Д. Братановский,
сотрудник МВД СССР*

Ровесница Октября

Советская милиция – ровесница Великого Октября. Она была создана декретом В. И. Ленина сразу после победы революции. В рабоче-крестьянской милиции объединились под руководством Коммунистической партии верные солдаты революции. Они вели тяжелую борьбу с разрухой, обезвреживали спекулянтов и других преступников, вместе с чекистами участвовали в ликвидации контрреволюционных заговоров.

С честью выполняла милиция свой долг и в годы предвоенных пятилеток, защищая созидательный труд рабочих, строивших социализм, а в деревнях разоблачая происки противников коллективизации – кулаков.

Славные страницы вписали в историю милиции ее работники в суровые годы Великой Отечественной войны, проявляя на фронтах мужество и героизм. Вместе с бойцами Красной Армии и Военно-морского флота они сражались под Москвой, Ленинградом, Севастополем, участвовали в защите других городов-героев. На освобожденных от врага территориях милиция вновь становилась на охрану порядка. За выполнение пра-

вительственных заданий и героизм московская и ленинградская милиция была в годы войны награждена орденом Красного Знамени. Многим работникам милиции, в том числе и бывшему работнику таллиннской милиции Якобу Кундесу, было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Сегодня, празднуя 60-летие советской милиции, наш народ выражает свою благодарность тем, кто всегда стоял и стоит на страже интересов народа и государства. [...] Ее ряды пополняются лучшими представителями трудовых коллективов, посланцами комсомольских и профсоюзных организаций. В системе органов внутренних дел создана широкая сеть высших и средних специальных учебных заведений. С каждым годом в милиции растет удельный вес специалистов высокой квалификации – юристов и педагогов, психологов и экономистов, социологов и инженеров. [...]

Таллиннские работники милиции делают все для того, чтобы предупредить преступления. Отлично трудятся старшие инспекторы Павел Ладошкин, Владимир Гусаров, Ханс Раудсик, Ассо Куули, на-

чальник отделения Александр Мажаев, инспектор Лайне Паэвяли, участковые инспекторы Иосиф Афанасьев, Энн Раудсепп и многие другие. Передают свой многолетний опыт молодым работникам милиции полковник Лембит Тинт, майор Рене Аалберг, капитаны Симанис Юресс и Александр Корнев, старшины Эльмар Вайн и Иоханнес Пуумезс.

В последнее время в городском управлении внутренних дел шире стали применяться средства криминалистики. Усовершенствовалась информационная служба, оперативнее стало дежурство. На помощь милиции пришли ЭВМ, современные средства связи и т.д.

[...]

*Марко Тибар,
начальник Таллиннского управления
внутренних дел, полковник милиции*

Инспектор Хенн Марксон и заместитель начальника дежурной службы Юло Райдал спешат по вызову на место происшествия.

Начальник отдела управления внутренних дел Харри Лийвамяги со старшим инспектором Александром Косиной и инспектором Станиславом Ельчаниновым уточняют задание.

Заместитель начальника дежурной службы Юхан Круус и помощник дежурного Фальмунд Круус принимают сообщения жителей.

Фото: Мати Хийс

У знамени

4 ноября 1977 года у знамени Эстонской Советской Социалистической Республики, боевого знамени 1905 года рабочих машиностроительного завода Франца Крулля, знамени газеты «Кийр» таллиннской организации Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков) 1917 года, знамени Эстляндской Трудовой Коммуны, знамени 41-го Гвардейского Эстонского стрелкового Таллиннского корпуса, Памятного знамени ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета министров СССР и ВЦСПС, которым республика была награждена в связи с 50-летием Великой Октябрьской социалистической революции, сфотографировались передовые работники милиции республики. С ними сфотографировались первый секретарь ЦК Компартии Эстонии И. Кэбин, второй секретарь ЦК Компартии Эстонии К. Лебедев, ветераны партии И. Ломбак, Г. Sommer и другие.

Фото: Эрих Норман (ЭТА)

Моя милиция: Но — девчонка, девчонка...

След оборвался в нескольких метрах от стены...

— По воздуху, что ли, этот ангел пролетел? — воскликнул Беляев, оглядывая набухший островок черного апрельского снега. Там явственно рисовались отпечатки.

— А прыгал в носках, — заметил, склонясь, Капустин.

И словно рефреном — в распахнутом окне второго этажа возник участковый:

— Ботиночки-то вот они, товарищ старший лейтенант! Босым, думаю, далеко не уйдет...

— Гениальный вывод, — вздохнул Беляев. И даже выругался от досады.

Еще бы. Вторые сутки сколько людей на ногах! Сколько опрошено соседей, собутельников и просто знакомых испарившегося фигуранта. Сколько выявлено возможных адресов укрытия. Ясно же, самому угрозыску везде не поспеть... И эту комнату в общежитии они засекли среди прочих, дали «ЦэУ» участковому: проверь остороженько. И вот — проверил. Протопал, небось, по коридору, как маршевая рота, стукнул в дверь: «Откройте, милиция!» Ага, только и ждали.

Подняться с койки, на подоконник и — вниз. Десять секунд. Да тут вламываться надо было. Еще лучше — сразу радировать в опергруппу. А участковый вокруг дома помчался. Коридор, лестница, выход, два раза обежать, подвал, чердак — это, если прикинуть, минут пятнадцать. Только потом вызвал подкрепление. Приехали, а птичка — ку-ку, улетела...

Беляев подхватил комочек снега, провел по лбу, по векам. 48 часов на ногах. И еще сколько — неизвестно. Теперь — неизвестно.

— Ему-то что? — пробормотал он, косясь на участкового. — А нам с тобою, Юра, как пить дать, волюют. Надо же — из-под носа ушел...

— Ты полегче, Сергей, — тихо сказал Капустин. — Парень и так переживает.

— Вот и славно, — отмахнулся Беляев. — Другой раз будет умнее.

Не приведи бог, подумал Капустин, другого такого раза. Ни тебе, ни мне, ни участковому. Никому на свете, даже врагу.

В угрозыске без азарта делать, конечно, нечего. И сам Капустин сутками, случилось, не спал. Ожидая в засаде,

размечая версии, опрашивая свидетелей, заполняя бесчисленные протоколы и рапорты, гоняясь по адресам за иным матерым бандитом. За четыре года оперативной работы всякого он посмотрелся. И в принципе занятие это ему нравится. Может, потому еще, что с самого начала, как появился здесь с направлением райкома партии, везло. Элемент везения не сбросишь. Попасть под крыло к таким мастерам розыска, как Мажаев Александр Павлович, Полковников Александр Александрович – это ли не удача? Ребята в отделе подобрались один к одному: Сергей Беляев, Лева Алексеев – тоже удача. Начальство хоть и строгое, что понятно, однако же – тоже удача – с чувствам юмора. Кто бы знал, как важно это в часы и дни наивысшего напряжения сил. Или как важно иногда вместо официального «Доложите обстановку!» услышать дружеское: «Садись, Юра, рассказывай, как дела». Дела... Вот она, самая большая удача, – раскрутить интересное дело.

Подошел третий розыскник из их группы, Алексеев:

– Юра, дом начисто проверен. До последнего уголка. Пусто.

– Может, сараи посмотрим? – предложил Беляев.

– Дело, – кивнул Капустин. Он тоже устал смертельно, но какой сейчас сон.

Из нашего диалога. «Интересное дело – это что?» – «Это когда с той стороны хитроумная личность. И прямо не

доберешься, не вычислишь. Ну и, конечно, масштаб...» – «Велосипед угнали – интересно?» – «Должен признаться, не очень». – «А склад обчистили?» – «О, тут бывает над чем поломать голову. Вот в прошлом году. Цеховой склад Таллиннского парфюмерно-жирового комбината. Взломали забор, потом дверь. И в один прием вынесли семь ящиков фасованного масла и маргарина. И в другой – мы по первой краже как раз расследование вели – еще столько же. Даже приятно было искать». – «Расскажите». – «Что ж... Построили рабочие версии. Тут их две появилось. Во-первых, кто-то из своих действовал – или сам, или через знакомых. Надо же знать, есть ли на складе продукция, где она, когда уходит персонал. А во-вторых, могла быть инсценировка. То есть на самом деле ничего не исчезло через этот пролом. А просто сквозь проходную ушло. Тем более что у нас имелись сигналы: то десять банок майонеза, то пять пачек масла или маргарина пронесли. Все это, конечно, мелочи. Я имею в виду для уголовного розыска. Тут компетенция скорее общественности, товарищеского суда, в конце концов ОБХСС. Но – взлом!!! Вот почему мы включаемся. Как нашли? А вы как искали бы на нашем месте? Правильно: с помощью отдела кадров. Проверили списки работающих и уволенных за последний год. Особенно уволенных за пьянство. Почему? Давайте соображать: кто мог польститься? Матерый взломщик? Из-за трех сотен рублей?

Да ни за что. А тот, кто в данный момент трудится, конечно, видел, что еще по первому взлому милиция ходит, ищет, опрашивает. И на тебе — вторичный аналогичный шаг. Значит, не очень свой. Вот вам общая схема рассуждений. Выявили человек десять потенциальных кандидатов. Но заподозрить — не доказать. А как доказывать? Обыски на квартирах? Да прокурор на это санкцию даст в самом крайнем случае. Когда уже все улики сойдутся. И то — единожды, ну, дважды. Да и людей как не понять. Нарушитель трудовой дисциплины, прогульщик — это хоть и не передовой член общества, да все же далеко еще не преступник. А к нему с обыском... Нельзя». — «Право, непонятно, Юрий Иванович. Что же тут можно предпринять? Беседы по душам?» — «Элементарная логика. Сам похититель или группа его в данной продукции, ясно, не нуждается. Не проглотить. Вот если бы алкоголь... Значит, через кого-то реализуют. Через кого? По домам носить опасно. Предположили — через магазины. И вот, зная номера картонных ящиков, в которые упакованы были краденые продукты, двинулись мы с Мажаевым по магазинам. Каким? Сначала по тем, что расположены вблизи местожительства этих граждан. А тары там — тысячи коробок. Пришлось знакомиться с правилами ее приемки, хранения, сдачи. И — искать. День за днем. Мне эти тысячи сплюснутых коробок — одна на одной под потолок восходят — снились. Честное сло-

во!» — «Иголка в стогу сена?» — «Если не хуже. Иголка ведь точно есть, ее только найти. А здесь — зыбкий туман. Но мы и сквозь него пробились. В магазине «Вабрику», это на улице Рабчинского. Три коробочки там обнаружили. А продукт на прилавке. Интересуемся: откуда левый товар? Заведующая нам: левого товара не держим и не держали. Пришлось назначать ревизию. Явные излишки. Ну и тут, как говорится, сквозь слезы продащица покаялась: подружка ее упростила реализовать. От этой подружки след привел прямо к гражданину Аксенову Юрию Романовичу, 1953 года рождения. В недалеком прошлом труженик знакомого нам цеха был уволен с крайне отрицательной характеристикой. Мы ему, правда, денек дали еще погулять. Пока проверяли другие магазины в радиусе его жилой площади. И в одном — это напротив ипподрома — тоже нашли коробочки. И там женские слезы и заверения, что в первый и последний раз». — «И?...» — «Пошла под суд компания. Человек пятнадцать». — «Жалко их?» — «А что вы думаете? Конечно, жалко. У кого-то — семья. У кого-то — любовь. И все к чертовой матери ради денег». — «Может быть, ради красивой жизни?» — «Красивой? Такая жизнь красивой не может быть». — «А если бы не поймали?» — «Исключено. Не от магазина, так от списка мы бы все равно на Аксенова вышли. Неделей позже, в крайнем случае — двумя. Всегда найдем».

Он сказал это жестко, без привычной доброй улыбки, и ясно стало, что в душе его, в сознании был уже не Аксенов, не маргарин, а другой день, другие люди. И другие слезы.

...Был апрельский день 1978 года. Дежурный по Калининскому райотделу УВД привычно поднял трубку и... Уже через несколько минут машина с оперативной группой неслась к месту происшествия. «Термин, конечно, неудачный, — усмехнется позднее начальник райотдела майор Сушкевич Иван Иосифович. — Банку с вареньем, извините, стибрят из подвала — тоже «место происшествия». Но им в тот момент (как, впрочем, и позднее) было не до лексикологических изысканий. Вот что они увидели. Труп пятнадцатилетней девочки. Голова пробита каким-то массивным предметом (который спустя малое время и обнаружился — ударили ее утюгом). Но еще тяжелее (тут вступала в действие какая-то своя градация) было увидеть странгуляционные борозды на шее — значит, не «просто» ударили — еще и душили. Именно в такой последовательности, что вскоре подтвердила и судебно-медицинская экспертиза. Рядом валялась окровавленная майка, принадлежащая отчиму девочки. Человек этот давно уже, надо сказать, опустился, то и дело запивая, меняя места работы. Дома — тиран. Но — известное дело — четыре стены, без особого приглашения посторонним не войти. Теперь же как было его не за-

подозреть в первую очередь? Тем более что он не появлялся дома уже несколько дней. И тем более что из шкафа похищены были семейные деньги, о которых посторонние люди знать не могли.

Короче, следователь районной прокуратуры Олег Тынурист именно эту версию обозначил как главное направление поисков, к которым подключен был не только угрозыск — весь состав Калининского райотдела. И соображая, куда сейчас мог укрыться фигурант, раздумывая, какой схрон подсказало ему страшное ощущение безысходности, где-то вторым планом мыслил Капустин, что все-таки молодец этот участковый, все-таки он — не кто иной, как он, — обнаружил! И сам факт поспешного бегства не является ли косвенной уликой? И потому — постановил себе секретарь парторганизации райотдела Капустин — переговорить с майором. Чтобы непременно и всячески похвалили участкового, ободрили, поздравили. Как-никак — нашел!

Все эти мысли неслись у Капустина, понятно, вторым планом, покамест с Беляевым и Алексеевым осматривали они сараи — там сплошь висели запертые (убедились) замки. Значит, не здесь...

И все-таки он здесь, думал Капустин. Где-то рядом. Возможно, даже наблюдает за нами. Мы обложили его, как волка. Охотники... Нет, совсем не то. Охотник любит зверя. В принципе, зверь ему не враг. И мы, случается, обкладывая какого-то бандита, не испытываем к нему

ненависти. Случается... Азарт охотника. Радость завершённого поиска. И сейчас бы радоваться. Но — девчонка, девчонка, девчонка... И потому — не наломать бы дров. Не сорваться бы при встрече...

И тут Капустин увидел его. Он стоял в малом простенке меж сараями. И действительно смотрел на них загнанными, как у волка, глазами. Известно было уже, что накануне пил он в застольном кругу. Не считая денег переводил коньяк. И обмолвился вроде бы насчет пули, которая непременно его найдет.

— Вылезай! — крикнул Капустин, назвав его по имени. — Вылезай, теперь не уйдешь!

— Еще посмотрим! — прохрипел тот, выставляя нож.

К нему и верно нелегко было подобраться. Узкий длинный простенок закрыт с трех сторон. С четвертой — мелькающим ножом. Оттуда не было выхода.

Но туда практически не было и входа. Вдвоем не протиснуться. Разве что кому-то одному...

— Берите, ну! — неслось из простенка.

— Минуточку, — сказал Беляев, вытаскивая пистолет. — Бросай-ка нож!

И тогда, завывая от ненависти и смертной тоски, фигурант срочного розыска полоснул себя ножом по горлу. Сперва тихонько, потом сильнее.

— Ну уж нет! — сказал Капустин. — Тебе мы тебя не отдадим. — И кинулся вперед, под лезвие. Но тут хлопнул выстрел.

Беляев угодил точно — в кисть. Туда и метил. («Впервые в жизни — по человеку», — скажет он позднее.)

Стоял стандартный апрельский день 1978 года.

— Вот и все, — сказал Капустин. — И, закуривая, все смотрел, как тот медленно, медленно выдвигается из схрона, волоча окровавленную руку.

М. Рогинский

Поет труба... в милиции

Трудны и напряженны будни работников милиции. Поэтому они особенно ценят короткие часы отдыха, когда можно поговорить о любимых увлечениях, поспорить.

...Оригинально началась традиционная «музыкальная пятница» в ленинской комнате Калининского районного отделения внутренних дел города Таллина. По звуку трубы, на которой сыграл позывные старшина райотдела младший сержант Иван Чалюк, стали собираться свободные от службы сотрудники милиции. Как обычно, «пятницу» открыла председатель совета ленинской комнаты участковый инспектор Людмила Попова. А затем в исполнении Ивана Чалюка

прозвучали произведения Чайковского, Баха, Гулак-Артемовского.

В милиции И. Чалюк сравнительно недавно. До службы плавал на рыбопромысловых судах матросом I класса. А трубой увлекается с детства — окончил музыкальную школу в Кировограде.

Начальник отдела уголовного розыска капитан милиции Александр Мажаев хорошо поет. Отличным декламатором оказался инспектор ОУР младший лейтенант милиции Владимир Попов. Поет он тоже неплохо.

«Музыкальные пятницы» пришлись по душе сотрудникам милиции. Участники этих вечеров знакомятся с произ-

Играет Иван Чалюк.

ведениями живописи, обмениваются впечатлениями, рассказывают о мире своих увлечений. Вот и в тот вечер все с интересом слушали заместителя начальника ОУР капитана милиции Анатолия Петровича Ездакова. Он — нумизмат. Монеты стал собирать около двадцати лет назад. Сейчас его коллекция насчитывает более двух тысяч монет. Немало среди них редких экземпляров. Значки и марки собирает капитан милиции Виктор Белов. У него уникальная коллекция эстон-

ских значков. А вот младший лейтенант Юрий Капустин увлекается разведением декоративных рыбок.

Главный организатор «музыкальных пятниц» — заместитель начальника по политико-воспитательной работе Калининского РОВД майор милиции Сергей Афанасьевич Богданов.

...Поет труба в милиции. Проводится еще один интересный вечер отдыха.

Э. Паянский

Капитан милиции А. Ездаков (справа) знакомит сослуживцев со своей коллекцией монет.

Фото: Г. Костромин

Мир его увлечений

В милицию он пришел двадцать один год назад, прошел путь от рядового до капитана милиции. Человек, о котором пойдет речь, – заместитель начальника отделения уголовного розыска Калининского районного отдела внутренних дел коммунист Анатолий Ездаков. В милицию он пришел по комсомольской путевке с завода «Двигатель», где работал токарем.

За эти долгие годы службы многое случалось в нелегкой и суровой судьбе стража порядка. Были схватки с опасными преступниками, приходилось часами в непогоду находиться в засаде. За плечами капитана милиции – Таллиннская специальная школа милиции, заочно окончена и Академия МВД СССР. И все же о делах, связанных со службой в милиции, Анатолий Ездаков говорит очень скупое, как о вещах обычных, само собой разумеющихся. Да и многое из того, с чем ему пришлось столкнуться, не всегда подлежит огласке.

Зато о своем увлечении нумизматикой он рассказывает с жаром.

– В детстве увлекался марками, одно время собирал их. А однажды, лет двад-

цать тому назад, когда я был в отпуске на родной Псковщине, тесть показал мне старинную немецкую монету – талер. Она хорошо сохранилась, хотя и была датирована 1763 годом.

А. Ездаков на минуту замолкает, с любовью разглядывая разные монеты, аккуратно уложенные в специальные полиэтиленовые карманчики в массивном альбоме.

– С этого талера все и началось... А сейчас в моей коллекции около трех тысяч монет. Например, вот эти крошечные – прародители нашей копейки. Видите: на одной из ее сторон отчеканен всадник с копьем. Вот здесь – динарии (Западная Европа, IX–XI века). Этой византийской монетой я очень дорожу – редкая...

В многообразной коллекции Анатолия Ездакова я видел английские и французские, немецкие и американские монеты. Систематизированы у него по годам российские и советские монеты.

– Мне представляется, – продолжает наш разговор Анатолий Ездаков, – что у каждого человека в жизни должно быть какое-либо полезное увлечение, расширяющее его кругозор. А для нас, работ-

ников милиции, это служит своего рода разрядкой.

Он задумался на миг и с улыбкой продолжил:

— Старший сын, семиклассник Славик, — тоже коллекционер. Увлекается также яхтами, занимается в яхт-клубе. И собирает марки. Их у него уже около восьмисот. Все они посвящены различным видам транспорта. И, кроме того, он увлечен автомобилями. У него уже немало миниатюрных моделей машин различных марок.

— А младший сын? — спрашиваю я.

— Феде скоро два года будет. Трудно сказать, что его привлечет по-настоящему. Но моя нумизматическая коллекция нравится ему не меньше, чем Славины автомобили.

Таков этот интересный человек, избравший нелегкую, но такую нужную профессию стража законности. Человек, не чуждый самых разнообразных человеческих интересов.

Эдуард Паянский

Фото: Геннадий Костромин

Такая служба

Недавно ему исполнилось тридцать. А в волосах уже проглядывает седина — работа сказывается, хлопотливая, напряженная, но такая, без которой он и жизни своей не мыслит. Он — это начальник отделения уголовного розыска Калининского РОВД Таллинна, коммунист, капитан милиции Александр Мажаев.

Встречи с Мажаевым мне пришлось ждать несколько дней. Я знал, что он действительно занят, и не роптал. Что поделаешь — служба. Рабочий день порой растягивается на сутки, а сутки не умещаются в положенные 24 часа. Но вот на очередной мой телефонный звонок в трубке послышалось короткое:

— Приезжайте. Как-нибудь выкроим обещанные десять минут.

И вот мы сидим в маленьком кабинете, куда то и дело заглядывают сотрудники, чтобы что-то доложить, получить задание, выслушать краткую инструкцию, где царит атмосфера деловитости, четкости и полного взаимопонимания. То и дело звонит телефон. И все-таки беседа наша течет своим чередом.

— Говорят, самая крепкая память — это память сердца. Может, это громко

звучит, но так оно в жизни и есть, — говорит мой собеседник. — Так, сердцем помню я старинный русский город Ярославль, куда подростком приехал из далекого оренбургского села к старшему брату. Помню восторг от впервые увиденного ярославского Кремля. Подобное я пережил потом уже много лет спустя, когда первый раз поднялся на Вышгород, бродил по улочкам старого Таллинна.

В Таллинн Александр Мажаев попал после демобилизации из рядов Советской армии, когда приехал учиться в Таллиннскую специальную среднюю школу милиции. Успешно окончил ее семь лет назад. Назначили старшим инспектором отделения уголовного розыска в ОВД Калининского района, позже выдвинули на должность начальника. В конце прошлого года ему было присвоено звание капитана милиции.

Выбор профессии не случаен. С военной дисциплиной Александр Мажаев познакомился в 16 лет, когда надел форму бойца 11-й военизированной пожарной части города Ярославля.

Первую в жизни благодарность от командира — за отвагу на пожаре — он

получил после схватки с огнем, охватившим одну из построек Ярославской ткацкой фабрики в районе Перекопа (есть такое местечко в Ярославле).

— А знаете, — улыбнулся вдруг Александр, — ярославское прошлое сослужило мне хорошую службу уже в бытность мою работником милиции. Задержали на вокзале «гастролера», специалиста по автоматическим камерам хранения. Долго не признавался, уводил следствие в сторону, а один раз процедил сквозь зубы: «Встретились бы мы с тобой, начальничек, на Перекопе». Другому бы мало что сказала эта фраза, а меня, чья юность прошла в Ярославле, осенила: «Хватит, — говорю, — сказки рассказывать о Тамбове и Ростове. Лучше расска-

жи о своих «подвигах» в Ярославле, на Перекопе.

Тут Александр так заразительно засмеялся, что невозможно было удержаться от улыбки.

— Надо было видеть физиономию этого рецидивиста! Мог ли он ожидать, что в Таллинне, да еще при таких обстоятельствах, нарвется на земляка!

Да, всякое бывало в буднях уголовного розыска — и погоня, и поиск, и нудная бумажная канитель, и кропотливая профилактическая работа. И все — во имя охраны покоя и созидательного труда советских людей.

Эдуард Паянский

Фото: Геннадий Костромин

Начальник отделения уголовного розыска Калининского РОВД Таллинна капитан милиции Александр Мажеев.

Работа у нас такая

Фоторепортаж

Сюда, в дежурную часть УВД Таллинна, круглые сутки поступают сигналы от граждан. «02» слушает! Сегодня у пульта — инспектор-дежурный старший лейтенант Игорь Петров (1). Предельно внимателен, собран. Ведь от его быстрых действий зависит многое. Случись что, всегда в готовности оперативная группа в составе эксперта-криминалиста, следователя, инспектора уголовного розыска, дежурного кинолога.

Тревожный сигнал принят. К выезду на место происшествия готовится капитан милиции Валентин Мاستович из экспертно-криминалистического отдела УВД (2). Из 28 лет работы в органах МВД последние десять В. Мастович занимается криминалистикой. В течение нынешнего года у него лучшие показатели по производству экспертиз и исследований.

Высокие профессиональные знания, деловитость, интуиция отличают майора милиции, начальника отделения розыска ОУР Александра Мажаева (3, на переднем плане). На его счету немало раскрытых преступлений.

Обеспечивать безопасность движения — такова задача работников ГАИ. Младший лейтенант, старший инспектор эскортного взвода при МВД ЭССР Пеэтер Сойту молод, но это не помеха для авторитета (4). Комсомольцы подразделения недавно избрали его своим вожаком.

Немаловажный фактор успешной деятельности сотрудников милиции – их физическая подготовка. В Таллиннской специальной средней школе милиции этому уделяется большое внимание. Под руководством старшего лейтенанта милиции Виктора Кобякова в борцовском зале отрабатывают необходимые приемы самбо курсанты Евгений Уманцев (внизу) и Мати Вялиметс (5).

Вот так каждый день происходит развод батальона, где проверяется готовность личного состава к несению службы (6). Командир капитан милиции Леонард Гиль (справа) отдает приказ: «Заступить на вахту по охране общественного порядка в столице советской Эстонии – городе Таллинне!»

Владимир Трофимов, Галина Меликова

Huvitav harrastus

Miilitsasse tuli ta tööle 21 aastat tagasi. Selle aja jooksul on ta käinud läbi tee reamehest kapteniks. Jutt on Kalinini rajooni siseasjade osakonna kriminaaljälitusjaoskonna ülema asetäitjast kommunist Anatoli Jezdakovist. Miilitsatööle suunati ta komso-molilähetusega tehasest "Dvigatel", kus ta töötas treialina.

Algul lõpetas ta Tallinna Miilitsaerikesk-kooli, hiljem kaugõppe teel ka NSV Liidu Siseministeeriumi Akadeemia. Teenistusega seotust räägib miilitsakapten väga napsõnaliselt ning nagu täiesti tavalistest ja ise-eneestmõistetavatest asjadest.

Nende pikkade aastate jooksul on korralvuri sugugi mitte kerges elus nii mõndagi juhtunud. On tulnud koerailmagagi tundide kaupa varitsuses passida, on tulnud ohtlike kurjategijatega kähmelda.

Oma lemmikharrastusest numismaatikast pajatab Anatoli Jezdakov see-eest meeleldi ning innukalt:

"Lapsepõlves kogusin mõnda aega marke. Ent paarkümmend aastat tagasi puhkuse ajal Pihkvamaal näitas äi mulle vana Saksa taalrit. See oli münditud 1763. aastal, kuid hästi säilinud. Sellest taalrist

kõik alguse saigi. Täna-seks on mu kogus ümmarguselt 3000 münti. Need tillukesed näiteks on meie kopikalise eellased. Näete: ühele küljele on vermitud ratsanik odaga. Siin jälle on Lääne-Euroopas IX–XI sajandi ni käibinud teenarid. Eriti aga hindan seda Bütsantsi münti, mis on suur haruldus."

Mündid on korralikult asetatud koguka albumi erilistesse polüetüleenaskukestesse. Nägin seal Inglise ja Prantsuse, Saksa ja Ameerika mün-te. Aastate järgi on tal süstematiseeritud Vene ning Nõukogude mündid.

“Minu arvates peaks igal inimesel olema mingi silmaringi laiendav harrastus,” jätkas Anatoli Jezdakov. “Mu vanem poeg, kes õpib VII klassis, on samuti kollektsionäär. Tema kogub postmarke. Neid on tal juba 800 ringis, kõik transporditeemalised.

Peale selle on ta huvitatud purjetamisest ning autodest. Noorem poeg saab varsti kaheseks. Raske öelda, millesse ta tõsiselt kiindub. Praegu igatahes ei meeldi talle minu mündid sugugi vähem kui venna automudelid.”

Eduard Pajanskij
Gennadi Kostromini foto

Miilitsa all üksusest

Fotoreportaaz

Avaliku korra järele tänavail, parkides ja teedel valvab üks Tallinna miilitsa suuremaid allüksusi. Valvsus, leidlikkus ja operatiivsus aitavad neil ära hoida ja avastada korrarikumisi, ühispatrullimised rahvamalevlastega pidada võitlust huligaanide, joodikute ja teiste meie elurütmiga häirijate vastu..

Valveruum (pilt 1). Siit peetakse operatiivsidet autopatrullidega ning avaliku korra järele valvavate miilitsatöötajatega. Parajasti olid seal miilitsavanemad Semjon Ivkin ja Mihhail Kurilik. Viimane edutati hiljuti jaokomandörist rühmakomandöriks: tema jagu oli alati paremate seas. Oma kutseteadmisi ja -oskusi täiendab ta Tallinna Miilitsa Erikeskkoolis.

“Ülesanne on selge. Nüüd tuleb kiirustada, et parajat aega mitte käest lasta,” otsustab jaokomandör, miilitsavanem kommunist Ivan Petrenko (pilt 2, paremal). Autopatrull, roolis miilitsionäär kommunistlik noor Gennadi Kologriv, suundub sündmuspaigale.

Allüksuses on viimaste aastatega kujunenud ühtne kolektiiv. Palju on juurde tulnud noort täiendust. Mõned neist näeme 3. pildil koos komandöri poliitkala asetäitja miilitsakapteni Jevgeni Nemtšiniga. Nooremleitnant Uno Paason 24-aastane. Miilitsatööle tuli ta isa eeskujul. Teenistust alustas reamehena, nüüd aga on edutatud roodukomandöriks. Nagu

paljud teisedki teenistuskaaslased, täiendab ta oma teadmisi, on Tartu Riikliku Ülikooli kaugõppeüliõpilane. J. Nemtšin instrueerib enne teenistusülesannete täitmisele asumist U. Paasot, vanemseersant kommunist Vitali Plõtat, vanemseersant kommunistlik noor Nikolai Duhnovi ja vanem Valeri Tartõnskihhi.

Neli aastat on miilitsaorganeis töötanud seersant Kalev Mail. See pole kuigi pikk aeg, kuid küllaldane selleks, et oma võimeid näidata. Teenistuskaaslased hindavad tema kohusetruudust, korrektsust ja seltsivust. Ta on valitud allüksuse komsomolisekretäri asetäitjaks. Täna sel kutsepidupäeval sai talle osaks au esindada koos Vitali Plõtaga üksuse kommunistlike noori ja noori vastuvõtul ELKNÜ keskkomitees.

Head sideseadmed ja muud modernsed tehnikavahendid ning regulaarne patrullimine koos üldsuse esindajatega on tunduvalt suurendanud miilitsatöö operatiivsust. Sellest räägivad tulemused. Näiteks on autopatrulli valvemeeskond, millesse kuuluvad jaokomandör miilitsavanem Viktor Nazarov, vanemseersant Mihhail Lebedev ja autojuht miilitsavanem Fjodor Manik, ainuüksi viimasel ajal vältinud mitu autoärandamist ja pida-

nud kinni tagaotsitavaid (pilt 4). Kurjategijate kiire tabamise eest on meeskonnale kiitust avaldatud.

Jah, meie miilitsal on kasutada rohkesti tehnikavahendeid, mis muudavad töö tõhusamaks. Kuid oma tähtsust pole minetanud kauaaegne truu ja kindel abiline teenistuskoer. Nooremseersant Gennadi Kisseljovil on selleks neljajalgne sõber Nord (pilt 5).

Siinkohal oli juttu vaid allüksuse üksikuist tublidest noortest. Neid aga, kes kannavad eeskujulikult hoolt hea avaliku korra eest, on hoopis rohkem.

Vladimir Trofimov ja Marika Toomingas.

«213» спешит на помощь

Вечер опустился на город тихими сумерками и теперь неслышно бродил по нему, зажигая фонари, словно в насмешку уличным часам, на которых было всего шесть. Прошелся по площади, подхватил с земли охапку желтых листьев и закружил их в снопе яркого света. Сержант милиции Юрий Рингмэз задумчиво смотрел на осенний Таллинн из окна патрульной машины. Правда, сейчас его занимала совсем не красота старинных улиц. Командир отделения Рингмэз был на службе....

— Приказываю заступить на охрану общественного порядка в столице Эстонии городе Таллинне...

Эти слова ежедневно раздаются в подразделениях патрульно-постовой службы. И спустя минуту милиционеры разбегаются по машинам. Всю ночь они, выполняя приказ, будут нести вахту — охранять наш покой. Они первыми придут на помощь, если случится беда. Первыми примчатся на место происшествия, кинутся по горячим следам преступника.

В тот осенний вечер экипаж машины, на борту которой желтели цифры «213», нес службу по охране порядка в

Морском районе. Собственно, группа Юрия Рингмэз состояла всего из двух человек: шофера Валерия Тартынских и его самого. Автомобиль медленно катил по улице, высвечивая фарами подъезды, подворотни, темные закоулки. Не самые интересные места в городе? Но у милиции ведь свои маршруты...

У входа в кафе «Нарва» Юрий заметил троих подвыпивших юнцов и пожилого мужчину.

— Ну-ка притормози! — скомандовал быстрее, чем, как потом признался, успел взвесить: нужно ли. Видно, интуиция сработала, подсказала: эти ребята — не обычные прохожие.

К машине метнулся пожилой: «Помогите, грабят!» А Юрий и Валерий уже и так спешили на выручку. От неожиданности преступники оторопели, а когда от замешательства очнулись, было поздно. С такого вот происшествия начался рейд.

После, когда все было позади, я обратилась к Юрию:

— Их же все-таки было трое!

— Силы и в самом деле не равны, — согласился Рингмэз. И добавил: — Двое милиционеров сильнее группы уличных

Инструктаж в таллиннском подразделении патрульно-постовой службы.

«Ваши документы?» – говорит сержант Юрий Рингмяэ.

На связи лейтенант милиции Уно Паасс.

Милиция всегда на посту.

хулиганов. Ведь к нам в подразделение, не считите за нескромность, не каждого возьмут. Ребята у нас как на подбор: все, как правило, после армии, прошли специальные курсы. Прибавьте сюда ежедневную самоподготовку – занятия спортом, самбо... Кстати, я и в армии борьбой увлекался.

– А я в армии поваром был, – вступил в разговор Валерий Тартынских. – Так что наклонности у меня, не в пример Юриным, самые тихие. Можно похвастаться? Не каждая хозяйка сварит такой борщ, какой сумею я, только делаю это редко – чтобы не конкурировать с женой. Ну, а если без шуток, то в критических ситуациях силы не взвешиваешь, кого, мол, больше – их или нас. Впрочем, количественный перевес почти всегда на стороне правонарушителей. Дерутся-то и хулиганят группами, в одиночку боятся. В этой их трусости – тоже наша сила.

Короткие позывные прервали наш разговор:

– «213!» – раздалось по рации. – В гостинице «Виру» совершена кража.

До места происшествия мы домчались за несколько минут. Воображение рисовало картины захватывающей погоны, отчаянной схватки, но на этот раз все обошлось мирно: воришек уже успели задержать. До приезда милиции они еще пытались храбриться, но при виде людей в форме бравада улетучилась вмиг.

– Часто, конечно, задерживаем преступников именно мы, работники патрульной службы, – прокомментировал позднее это происшествие Ю. Рингмяэ. – Вот, например, недавно проезжали по Ласнамяэ часа в два-три ночи. Смотрим, в освещенном подъезде стоят какие-то люди с тяжелыми сумками. Решили проверить, что это за полуночники такие. Оказалось, грабители. После попойки «обчистили» квартиру уснувшего хозяи-

на (своего же приятеля, между прочим) – вынесли хрусталь, ценности. Задержали их с поличным! Еще случай был...

– Валера, притормози, – прервал Юрий. – Чего это у «Котка» народ собрался?

У магазина и впрямь было чересчур оживленно. У дверей толпились изрядно подпившие субъекты. Пришлось патрульным довести их до машины и передать в вырезвитель.

...Машина с бортовым номером «213» медленно ехала по вечернему

городу, охраняя покой его жителей. Он переливался рекламными огнями, и кружились в неоновом свете осенние листья. Юрий задумчиво смотрел в окно.

– Как здорово все-таки! – вздохнул он и прибавил: – Валера, притормози на секунду, посмотри, как красиво!

Стрелки часов приближались к десяти. До окончания дежурства оставалось пять часов.

В. Космачев.

Фото: Д. Пранц

Vaatamata hilissügisesele ilmale teevad lilled ja tänane pidupäev kõik miilitsvormi kandjad rõõmsaks. Seda kinnitab ka Tallinna Linna Siseajade Valitsuse kriminaaljälituse nooremispektori miilitsavanem Luule Koppeli näolime.

“Meie eesmärk on teha inimestele head, hajutada tusatuju. Kui mõni paha tegu tegemata jääb või kuritegu avastatud, on rõõm kahepoolne,” arwab miilitsavanem, kel aastaid eeskujulikku teenistust seljataga.

*Tiiu Põllu tekst
Harald Leppiksoni foto*

Смотр самодеятельности

В конце минувшей недели в Клубе строителей собрались лучшие участники художественной самодеятельности Министерства внутренних дел Эстонской ССР, чтобы подвести в своей системе первые серьезные итоги смотра самодеятельного художественного творчества, посвященного 40-летию Победы в Великой Отечественной войне. Концертом была отмечена 60-я годовщина присвоения Всесоюзному Коммунистическому Союзу молодежи имени Владимира Ильича Ленина.

Выступающих было много, концерт состоял из двух отделений. Мастерство работников Министерства внутренних дел оценивало авторитетное жюри, в состав которого входил и композитор Борис Кырвер.

Капитан милиции Владимир Прокофьев читает свои стихи.

Борис Кырвер тепло отозвался о руководстве министерства, которое уделяет большое внимание эстетическому воспитанию своих работников. Уровень исполнительского мастерства значительно возрос. Хорошо выступил вокально-инструментальный ансамбль, приятное впечатление произвели декламаторы. Восторг публики вызвали исполнители бальных танцев из 21-й средней школы (их папы и мамы тоже работают в Министерстве внутренних дел) и стихи капитана милиции Владимира Прокофьева в авторском исполнении.

Лучшими на смотре признаны Морской районный отдел внутренних дел и управление внутренних дел города.

Малле Линд

Фото: Владимир Трофимов

Выступает вокально-инструментальный ансамбль под управлением Уно Пааса.

Ametitruudus

Miilitsapäeva eel palusime Eesti Transpordi Siseasjade Osakonna uurija miilitsamajor Väino Karmi tavatusse ossa. Uurijakabinetis esitatud küsimustele vastas uurija ise.

Kuidas te miilitsatööle sattusite?

“Olen Kivimäe poiss. Ühel päeval juhtusin minu kodupeatuses toimunud õnnetuse tunnistajaks: elektrirongist väljunud mees kukkus rongi ja perrooni vahele, sealt vagunirataste alla... Kui miilitsad sündmuspai-gale jõudsid, polnud ühest vormikandjast enam abi – mehe süda hakkas kannatanut nähes läikima. Nii viisid teine korralvur ja tollal 15-aastane koolipoiss rongi rataste alla sattunu linna surnukuuri. Hiljem kutsuti mind uurija juurde tunnistusi andma. Sattus tore mees olema, rääkisime temaga Kivimäel juhtunust ja muustki. Siis kutsus ta mind miilitsatööd lähemalt kaema. Rahva-malevaid tollal veel polnud, olid aktivistid. Olin alaealine ja ametlikult end kirja panna ei saanud, küll aga hakkasin õhtuti Balti jaamas käima, kus sain tuttavaks vanemate poistega, miilitsa abimeestega.

Teenistust alustasin Balti jaamas posti-miilitsana 1963. aastal.”

Olete läbi käinud kõik miilitsatee etapid. Mida andis töö liinipunktis?

“Keila jaama miilitsa liinipunktis ametis oleku aastad õpetasid rahvaga suhtlema. Olin omainimene kõikides jaamades Tallinnast Vasalemma ja Paldiskini, enamiku vedurijuhtide ja abidega sina peal. Tänu sellele oli mul liinil toimuvast pidev ülevaade. Täna sed liinimehed kipuvad rahva usalduse võitmist teinekord alahindama, infopuudus pole aga meile töös kunagi kasuks olnud.”

Kas uurijatöö transpordimiilitsas on teistsugune kui piirkonnamiilitsas?

“Muidugi on. Linna- või rajoonimiilits tegeleb enamasti paikse kontingentiga, meie “klientuur” on liikuv, kannatanud, tunnistajad ja kurjategijad sageli mööda Liitu laiali. Nii et pikkadeks komandeeringuteks kulub tihtipeale soliidne summa, prokuröril tuleb aga nii mõnigi kord eeluurimise tähtaega pikendada.”

Millest algab ja millega lõpeb kriminaalasja uurimine?

“Uurija jaoks algab see ühe või mitme isiku seadusega pahuksisseminekust, lõpeb aga süüdistuskokkuvõtte koostamise ja materjalide üleandmisega prokuratuurile.

Minu süda on siis rahul, kui õiglane kohtuotsus on välja kuulutatud. Ise ma kohtus ei käi, sest seda võidakse tõlgitseda vääriti – pani kinni ja nüüd tuleb veel parastama ka! Eilse uurimisluse saatusest saan teada kohtuotsuse kaudu.”

Milline osa uurijatoos on üldsuse abil?

“Suur, kuid õnnetuseks on inimeste suhtumine uurijasse ja tema töösse sootuks erinev. Ühe viimase kriminaalasja pärast tuli mul “Õhtulehe” abiga otsida 20 kannatanut. Teatele võtsid vaevaks vastata kaks inimest. 18 vaikiva kannatanu taha jäid aga 18 karistamata kuritegu. . .

Rahva seas on laialt levinud arvamus: kui lased end tunnistajana kirja panna, kuulutad hiljem uurija vahet käies paari kingi. Käia tuleb, aga asi pole kaugeltki nii hull. Just need inimesed peaksid püüdma endale ette kujutada ühteainsat päeva, mil kurjategijad karistust kartmata kõike teha võiksid.

Ent eks ole ka suisa vastupidiseid rea-geeringuid. Näitena juhtum Haapsalust.

Taebla raudteejaamast viis kiirabi rajoonihaiglasse eluohtlike vigastustega purjus mehe. Kui meie operatiivgrupp Haapsallu jõudis, oli kannatanu veel meelemärkuseta, arstid andsid vähe elulootust. Samal ajal toimetati linna miilitsaosakonda peatäit välja magama keegi joobnu.

Kuulasime üle Taeblassse sõitnud kiirabi-töötajad. Saime teada, et meedikute saabumisel oli korteris teisigi mehi. Meditsiiniõe tähelepanelik pilk märkas kohapeal mõnda-gi tavatut. Tekkis versioon, kuid tunnistajaid

polnud, pussitatu vaakus aga elu ja surma vahel. . . Seadus nõudis, et esitaksime kinni peetud kahtlusale ametliku süüdistuse kolme ööpäeva jooksul. Lõpuks leidsime ka tunnistaja – kannatanu palatikaaslase, kes kuulnud, kuidas pussitatu pärast meelemärkusele tulekut oma joomakaaslast siunas.

Hiljem selgus juba kogu tõde ning tapmiskatse sooritanu võeti kriminaalvastutusele. Meditsiiniõe ja kannatanu palatikaaslase abita oleksime suutnud päeavalgele tuua võib-olla ainult pool tõde.”

Kas ka uurija võib vahel eksida? Mis siis saab?

“Uurija kannab vastutust seaduse ja inimeste ees, aga temagi võib eksida. Selle avastab kriminaalasja läbi vaatav prokurör.

Tean juhtumit, kus kannatanu ja tunnistajate eeluurimisel antud valetunnistuse põhjal sattus kohtu alla süütu inimene. Endastmõistetavalt pandi kohtuliku arutluse käigus õiglus maksma ja süüdlasi karistati. Eeluurimisele kutsutud tunnistajatel peaks sellest olema aga mõndagi kõrva taha panna.

Uurija muutub valvsaks, kui juhtub tegelema ootamatult lihtsa kriminaalasjaga. Miks kõik nii libedalt läheb? Miks püüavad kurjategijad ise võimalikult kähku suu puh-taks rääkida?

Kaks noormeest varastasid päise päeva ajal kümnete kaaskodanike silme all Balti jaamas nailonjopi. Uurimise käigus rääkisid noormehed ise veel oma kahest süüteost. Aga me ei lõpetanud juurdlust. Õigesti tegime. Hiljem tuli päeavalgele terve grupp ja 35 kuritegu.”

Missugustest kodudest on pärit noored kurjategijad?

“Ebanormaalsest. Ei ole oluline, kas perekonnas on üks või mitu lapsevanemat, tähtis on, et lapse ja vanema vahel valitseks usaldus. Väärtushinnangud ja ellusuhtumise võtab laps kodust kaasa, kooli osa jääb siin tagaplaanile. Samas tuleb aga tõdeda, et nii koolides kui ka ettevõtetes on noorte õiguskasvatus pahatihti kehvalt järel. Seda tööd tehakse kas lünklikult või kuivas ja ebapopulaarses vormis.

Aasta tagasi, mil uurisime Risti raudteajaamas kohalikust kultuurimajast naasnud diskoliste korrarikkumist, käisin mitmes keskkoolis, kus mürgeldajad õppisid. Selgus, enamiku õpilaste õiguskasvatus piirdus vaid kahe põhitõega: ei tohi varastada, ei tohi tappa... Ei teatud, millises vanusest alates võetakse kriminaalvastutusele, mida tähendab huligaansus jne.

On ettevõtteid, kus tootmisjuht pilgutab uurijale vandeseltslaslikult silma ja küsib: “Palju me siis loengu kuulajaid kirja paneme?” Seadusega pahuksisse läinud inimese saatuse vastu tunneb huvi vaid viis-kuus töökaaslast. Ja siis tunnedki, et sinu käik sellesse ettevõttesse ei tohi jääda viimaseks.”

**Aastate vältel olete oma töö tõt-
tu sekkinud kümnetesse, sadadesse
inimsaatustesse. Kas olete endale hil-**

jem etteheiteid pidanud tegema? Kas on ka rõõmu olnud?

“Usun, et oma tööd vaevad tagantjärele kõik inimesed. Miks peaks uurija erand olema? Otseleid etteheiteid ma endale teinud ei ole. Sellest säästab oskus näha nii kurjategijas, kannatanus kui ka tunnistajas eelkõige INIMEST.

Rõõmu tunnen siis, kui kinnipidamiskohast vabanenu mind vaatama tuleb. Muide, olen pannud tähele, et uurijaid käiakse tänamas vahekorras 5 süüdimõistetut ja 1 kannatanu. Imelik, kas pole?”

Kuidas sobivad omavahel uurijaa- met ja perekonnaelu?

“Mitte kuidagi. Ikka kipub esimene teist segama. Uurija on ka kodus pinge all; käsiloleva juurdluse mõtted miilitsamajast kaasas, ootad alateadlikult väljakutset. Sellest vabanemiseks läheb vaja mõne väga südamelähedase harrastusega tegelemist. Mul on selleks filateelia ja filokartia. Poisipõlves alustatud margikogumisest on saanud ajapikku tõsine harrastus. Olen osalenud paljudel näitustel.

Kui postmarkidel paelub mind Eesti teema tervikuna, siis postkaartidest huvitavad mind ainult Tallinna motiivid. Minu kogus on neid motiive alles pisut üle 10 000.”

*Küsitles Heino Lootus
Harald Leppiksoni foto*

Miilitsa erikeskkoolist

Fotoreportaaz

Veel käisid Suure isamaasõja lahingud, kui 29. novembril 1944 loodi NSV Liidu Siseministeeriumi Tallinna Miilitsa Erikeskkool. Tõsi küll, nimetused muutusid, kuid ikka on siin ette valmistatud põhilist miilitsakaadrit algul Eesti NSV-le, 1951. aastast alates ka mõnele vene NFSV oblastile.

Niisiis, õppeasutus on 40-aastane. Selle aja jooksul on välja lastud tuhandeid spetsialiste, kes töötavad edukalt paljudes meie maa paikades. Mis puutub meie vabariigi Siseministeeriumi süsteemi, siis võib liialdamata öelda, et enamik kriminaaljälituse töötajast ja piirkonnainspektoreist on

saanud tuule tiibadesse just sellest koolist. Toogem mõni nimi: siseministri asetäitja Alfred Möttus, ministeeriumi kriminaaljälituse valitsuse ülem Vello Riikas ja tema asetäitja Leonid Hodunkov, Eesti Transpordi Siseasjade Osakonna ülem Aldur Ninep jpt.

Käisime koolis tavalisel õppepäeval. Klassides oli õppetöö, maadlussaalis harjutasid kursandid sambovõtteid, aktusesaalis valmistusid aastapäevapeoks taidlejad. Lühidalt, kulges rangelt kavandatud kursandielu, kus aeg äratusest öörahuni tundide ja minutite kaupa täpselt ära jaotatud ning allub sõjaväelisele distsipliinile.

Administratiivõigust loeb miilitsa alampolkovnik Juhan Soini.

Villu Teder ja Sulev Puumeister.

Sellise töökorra kirjutab ette eelkõige õppetöö pingelisus. Kursandid peavad omandama 23 eri ainet. Peale õiguslaste eriainet õpitakse auto- ja fotoasjandust ning tehakse läbi hea sõjaline ja kehaline ettevalmistus. Seepärast astuvad miilitsakooli lõpetanud eriliste raskusteta kõrgkoolidesse.

Kes siis tulevasi miilitsamehi õpetavad? Enamik õppejõududest on suure staaži ja rikkalike kogemustega nagu tsükliülem Leonard Ratasepp, kes muide lõpetas selle kooli 23 aastat tagasi, või näiteks kriminaaltsükli ja kriminalistikaala ülem Vsevolod Stukolink, kes õpetab koolis juba veerand sajandit. Neile on vääriliseks toeks nooremad

Kriminalistikaõppus. Keskel on õpetaja miilitsamajor Gennadi Zvonkov.

Fotoasjandust peab tundma iga kursant. Seda õpetab miilitsamajor Lev Põlkin.

Relvatundmist õpetab miilitsa alampolkovnik Sergei Fissunov.

Maadlussaalis.

Vokaal-instrumentaalansamblit juhatab kursant Mark Astahhov (vasakult teine).

õppejõud, näiteks kriminaalõiguse õpetaja Rein Laid. II kursuse kursantidel Sulev Puumeistril ja Villu Tederil on kõik alles ees. Mõlemad valisid tulevase elutee südame sunnil. S. Puumeister on lõpetanud Ehitus- ja Mehaanikatehnikumi ning teeninud armees. Enne kooli astumist oli ta mõni aeg Harju rajooni miilitsaosakonnas töötanud. V. Teder on erialalt traktorist ning ta on Paide rajooni ühes majandis seda tööd ka teinud.

Miilitsatööle suunati ta komsomolilähetusega. Mõlemad kinnitavad, et õppetöö koolis on neile meelt mööda.

Iga aastaga täiustuvad kooli tehnilised õppevahendid. Rohkesti tegeldakse spordiga, eriti rakenduslike spordialadega. Kõik on allutatud sellele, et pärast kaht õppeaastat väljuksid koolist igakülgselt arenenud, oma ala hästi valdavad, juriidilise keskkharidusega spetsialistid.

Marika Toomingas ja Vladimir Trofimov

Криминальный талант Герберта Штерна

В производстве почти каждого следователя имелось хоть одно дело, которое запомнилось ему на всю жизнь. Для меня таким стало уголовное дело по обвинению Штерна Герберта Федоровича в совершении множества преступлений.

Герберт Штерн проживал в Риге вместе с матерью — учительницей музыки в детском садике. Сам Герберт окончил среднюю школу: природа наделила его пытливым умом, музыкальным слухом, многими способностями. Он мог стать скорняком, отличным портным, парикмахером и даже организатором массовых мероприятий.

Мог, но не стал. Все его положительные качества и умения перечеркивали склонность к авантюрам и поиски легкой жизни. В конце концов он встал на преступный путь. Объектами своих посягательств он выбрал школы, дома отдыха, госучреждения, откуда похищал одежду и ценные вещи, которые затем продавал на рынках и в других местах.

За семь лет Г. Штерн сумел совершить более тысячи краж, преимущественно из школ. Разгар его преступной деятельности пришелся на семидесятые-восьми-

десятые годы. Географическими точками этой деятельности были Москва и Подмосковье, Латвия и Эстония, но больше всего он орудовал в Белокаменной.

Для расследования этой массы преступлений при Главном следственном управлении МВД СССР была создана следственная группа под руководством старшего следователя по особо важным делам указанного управления полковника милиции Михаила Дайнеко. В состав группы входили 10 следователей: 8 — от следственных органов Москвы и по одному — от Риги (Янис Апелис) и от Таллинна (автор этих строк). Московские эпизоды расследовал весь состав группы, а латвийские и эстонские — Янис Апелис, я и один из представителей Москвы В. Вечирко. Нам помогали несколько оперативных уполномоченных уголовного розыска и эксперт-криминалист.

Штерна задержали случайно в одной из московских школ преподаватель и несколько учеников, когда он срезал приглянувшийся воротник от пальто учительницы. Следует отметить, что доказательства доводилось собирать по крупицам, так как к тому времени мно-

гие потерпевшие уже не работали там, где были совершены кражи, а некоторые проживали в других местах. А многое стерлось из их памяти.

Охрану Г. Штерна осуществлял конвой внутренних войск во главе с офицером. В качестве понятых привлекались местные граждане.

Следователи группы проводили допросы потерпевших, свидетелей, следственные эксперименты и выполняли массу других следственных действий. Работали в напряженном ритме, поскольку дело находилось на контроле в Генеральной прокуратуре СССР. Следствие длилось три года, его сроки продлевались Президиумом Верховного Совета СССР. Герберт Штерн охотно рассказывал об обстоятельствах совершенных преступлений, это была его тактика затягивания следствия, позволяющая ему отбывать предстоящий срок наказания вне стен колонии.

Судебный процесс по делу Штерна длился три года, так как каждый эпизод краж разбирался тщательно и подробно. Кстати, и само расследование проводилось полно и всесторонне. Обладая отличной памятью, Штерн зачастую называл фамилии владельцев похищенных им пальто или курток, обозначенные на вешалках в гардеробах. На вопрос, каким образом ему удалось совершить так много краж, он пояснил, что в то время в школах и учреждениях практически отсутствовала охрана, там не было ника-

ких запоров и решеток, вход свободный. Если его кто-либо и останавливал, то он представлялся работником горно или проверяющим, мог показать и соответствующий документ, мастерски изготовленный им самим.

То, что он столь длительное время безнаказанно занимался совершением преступлений, объясняется не только криминальным талантом проходимца, но и тем, что многие потерпевшие не обращались в милицию с заявлениями о кражах, а правоохранные органы иногда скрывали от учета факты преступлений. В связи с этим в вышестоящие инстанции были внесены соответствующие представления о наказании виновных.

Краденное Г. Штерн не только продавал, но и дарил любовницам, часть денег расходовал на времяпрепровождение в ресторанах и кафе, куда приглашал своих избранниц, а также высокопоставленных знакомых и друзей, которых угощал за чужие деньги. Как правило, при знакомствах Штерн представлялся физиком-атомщиком и для убедительности демонстрировал следы повреждений, якобы полученных при испытаниях. Это особенно подкупало его поклонниц. Из-за отсутствия достаточных доказательств около сотни названных Г. Штерном эпизодов краж не вменялись ему в вину.

При расследовании на нашем пути встречалось немало трудностей и испытаний, связанных с постоянными разъездами и отсутствием должного отдыха.

Особенно тяжело переживалась жара летом 1972 года. Следственные действия пришлось проводить в то время, когда горели болота в Подмоскowie, а дым и гарь проникали в Москву.

Судебный процесс над Гербертом Штерном длился три года, он был приговорен к 13 годам лишения свободы. Реально в колонии он отбывал наказание только пять лет, так как в зачет срока лишения свободы зачлось пять лет нахож-

дения в следственном изоляторе, когда шло следствие и судебное разбирательство.

После отбытия наказания следы Герберта Штерна потерялись. Имелись сведения, что он убыл за пределы СССР.

*Григорий Кострома,
старший следователь по особо важным
делам Следственного управления МВД
ЭССР, подполковник милиции*

Следственные действия с участием Герберта Штерна в Таллиннской спортшколе.

Täna on Nõukogude miilitsa päev

Kaitstes riigi huve ning kodanike au ja väärikust

MARKO TIBAR
Eesti NSV siseminister,
siseteenistuse kindralmajor

Täna on Nõukogude miilitsa päev. Rahva mälestustes on see kuupäev seotud maailma esimese tööliste ja talupoegade riigi loomisega. Revolutsioonitules sündinud Nõukogude miilits on juba kuuskümmend neli aastat kindlalt kaitsnud Suure Oktoobri saavutusi. Miilitsatöötaja töö on raske, ent samal ajal ka austav. Austav sellepärast, et õiguskorra kindlusest on inimeste edukas töö, puhkeaja kasutamine ja meeleolu. Need on aga tähtsad tegurid ühiskonna elus. Astudes miilitsateenistusse, seob inimene oma saatuse keeruka kutsealaga. See tähendab tõe, headuse ja õigluse teenimist ning inimkonna iidse pahe – kuritegevuse väljajuurimist.

Siseasjade organid, miilits, on lahutamalt seotud rahvaga. Partei on neile teinud ülesandeks võidelda kõige selle vastu, mis takistab meie ühiskonna arengut, ja nad kuuluvad ühiskonna nende ideoloogiliste ja kultuuriinstitutsioonide suurde süsteemi, kes lahendavad kommunistliku

moraali, kõlbluse ja õigusteadvuse normide ja põhimõtete kinnistamisega seotud ülesandeid. Õiguskaitsealane tegevus rajaneb vankumatul leninlikul põhimõttel – kõige rangemal kinnipidamisel sotsialistlikust seaduslikkusest. Nõukogude miilitsatöötajad näevad oma ülesannet selles, et õigeaegselt ennetada kuritegu, hoida inimesi õnnetuste eest ja aidata väärtanud inimesel taas saada kasulikuks ühiskonnaliikmeks. Nad võtsid suure entusiasmi ja kohusetundega vastu partei ja rahva nõudmise, mis on väljendatud seltsimees. L. I. Brežnevi ettekandes NLKP XXVI kongressil: “Sotsialistliku seaduslikkuse ja õiguskorra tugevdamisel kannavad suurt vastutust justitsiorganid, kohus, prokuratuur ja Nõukogude miilits. Nende organite töötajate kutsealased teadmised peavad olema ühitatud kodanikumeheisuse, äraostmatuse ja õiglusega. Ainult nii sugused inimesed võivad vääriliselt täita nende pandud tõsisid kohustusi.

Kommunistliku Partei ja Nõukogude valitsuse pidev hoolitsus aitab kaasa õiguskaitsealasel tegevusel esinevate probleemide edukale lahendamisele. Kommunistliku kasvatusel üldiste ülesannete ja väga tähtsa sotsiaalse ülesande – ühiskonnastastest ilmingutest jagusaamise lahutamatu seos on täheldatav ka NLKP Keskkomitee otsuses “Õiguskorra kaitse alase töö parandamisest ja õigusrikkumiste vastu peetava võitluse intensiivistamisest”. Selles rõhutati, et võitlus sotsialistliku õiguskorra tugevdamise eest on partei kogu organiseerimis- ja ideoloogilise tegevuse koostisosa. Otsuses juhiti õigusega tähelepanu sellele, et siseasjade organite töö efektiivsus pole veel küllaldane võitluses selliste inetute nähtustega meie elus nagu joomarlus, huliganitsemine, parasiitlus, ahnitsemine, püüe rikastuda riigi või kaaskodanike arvel.

Edu selles töös tagab miilits üksnes siis, kui ta kindlalt tugineb töötajate abile ja toetusele. Inimest iga päev ümbritseva kollektiivi arvamus ja mõju võivad tihti rohkem ära teha kui mis tahes ametlikud otsused. Ettevõtete profülaktikanõukogude, vabatahtlike rahvamalevate, korrakaitsepunktide ja komsomoli operatiivrühmade üks tähtsamaid funktsioone on aidata kaasa sellele, et igas ettevõttes ja igas mikrorajoonis ning asulas tekiks sallimatu suhtumine õigusrikkumistesse ning nende sooritajale saaks osaks üldine hukkamõist.

Raske on ülehinnata miilitsa ja töötajate ühiskondlike formeeringute ühise tegevuse tähtsust nii tänavatel ja olmesfääris toimu-

vate õigusrikkumiste kui ka pisiriisumiste ja ebamajanduslike ilmingute profülaktikas ning ärahoidmisel.

Olulist mõju kuritegevusele avaldab joomarlus, sest see on enamiku kuritegude põhjus. Teatavasti ei muutu inimene otsekohe alkohoolikuks, ta libiseb kuristikku aegamööda. Tähtis on seda õigel ajal märgata ja õnnetus ära hoida. Joomarlus nagu teisedki ühiskonnastastad ilmingud on tingitud eelkõige kasvatusel puudujääkidest kodus, koolis ja töökollektiivis. Probleem on keeruline ja meile jõukohane ainult juhul, kui selle lahendamisele lülituvad aktiivselt kõik riiklikud ja ühiskondlikud organisatsioonid ning kodanikud. Selleks on vaja süstemaatilist, pidevat ja visa tööd, eriti noorte hulgas. Tuleb ka parandada individuaalset tööd alaealistega ja kasvatada nendest vanema põlvkonna kuulsusrikkade traditsioonide väärilised jätkajad.

Meil on vaja ühiselt võidelda rahva vara laialitassimise vastu. Suureks paheks rahvamajanduses on riisumised, ebamajanduslikkus, pillamine ja juurdekirjutused, mis tekitavad suurt kahju riigile. Püstitatud ülesannete lahendamiseks on meil kõik vajalik olemas. Miilitsaorganitel on kõige moodsamad teaduslik-tehnilised, samuti transpordivahendid, mis aitavad edukalt organiseerida võitlust kuritegevusega. Nüüd on miilits varustatud suurepäraste ametiautodega, spetsiaalselt sisustatud kriminalistika välilaboratuuride ning efektiivsete side, kuriteojälgede fikseerimise ja kurjategijate otsimise vahenditega.

Miilitsatöötajate hulgas on suur kommunistide ja kommunistlike noorte tuumik. Nead on miilitsa võitlusavangard võitluses kuritegevusega. NLKP XXVI kongressi nõudmiste realiseerimise käigus on siseasjade organite kaader rikastunud uute kogemustega ning saanud hea poliitilise, tööalase ja kõlbelise karastuse kooli. Ta on täienenud võimekate noorte töötajatega.

Uute saavutuste ja kõrgete näitajatega teenistuses tähistavad ajaloolist tähist meie maa elus ka Eesti NSV miilitsatöötajad. Hästi töötavad Tööpunalipu ordeni kavalerid E. Palusaar ja R. Kits, ordeni “Austuse märk” kavaler V. Grigorjev, NSV Liidu Siseministeeriumi teenelised töötajad J. Tõniste, N. Timofejev ja R. Lüüs. Kõrgete näitajatega operatiivteenistusalases töös võtavad oma pidupäeva vastu miilitsa eesrindlased H. Salm, A. Rande, U. Aak, H. Urvaste, V. Kamõnin ja paljud teised.

Hinnates objektiivselt õiguskorra olukorda meie vabariigis, tuleb märkida, et miilitsa töös on ka mitmeid lahendamata probleeme. Partei, valitsus ja nõukogude rahvas tahavad miilitsatöötajaid näha aktiivsete võitlejatena kommunistlike ideaalide eest, keda iseloomustavad avar mõtlemisvõime, kõrge kultuuritase, kindel resoluutne iseloom ja erakordne inimlikkus. Meil tuleb palju ära teha selleks, et parteiline leppimatus puuduste suhtes, sotsialistlike seaduste, nõukogude inimese isiksuse ja tema huvide sügav austamine muutuksid iga inimese elu- ja tegevusnormiks.

Miilitsa jõud seisneb parteilise juhtimise pidevas tunnetamises, tihedas suhtlemises rahvaga. Seda meeles pidades täidavad miilitsatöötajad ka edaspidi ustavalt ja kohusetruult oma ametikohust, kaitstes kindlalt Nõukogude riigi huve ning tema kodanike au ja väärikust.

POSTKAST 106
Nõukogude miilits 70

Üks paljudest

Erinevalt ülejäänuid asub Oktoobri rajooni siseasjade osakond elava linnaliiklusega paigas, Luise, Endla ja Komsomoli tänava hargmikul. Igal hommikul astub osakonna uksest sisse rühikas mees, miilitsaalampolkovnik Riiter Hepner. Teda tuntakse hästi mitte üksnes kolleegide, vaid ka linlaste seas. Juba neljandat aastat on ta siseasjade osakonna ülema asetäitja teenistusosalal.

Iga inimene otsib oma kohta elus. Paljusi sõltub see õigest kutsevalikust. Ühtedel õnnestub see kohe, teised peavad aga läbi käima pika tee. Riiter Hepner leidis kohe õige ameti. Juba 1963. aastal, mil ta pärast ajateenistust Nõukogude armees läks komsomoli rajoonikomitee lähetuskirjaga õppima Tallinna Miilitsa Erikeskkooli.

Hiljem lõpetas ta NSV Liidu Siseministeeriumi Akadeemia. Teenistusaastatega on ta läbi teinud tee SORVVO operatiivvolinikust rajooni siseasjade osakonna ülema asetäitjani, miilitsaleitnandist miilitsaalampolkovnikuni. Kogu oma jõu, teadmised ja rikkalikud kogemused on R. Hepner

pühendanud inimeste kaitsele kuritegevuse eest.

Meeldejääv oli 1985. aasta, mil Oktoobri rajooni siseasjade osakond tuli ülelinnalise sotsialistliku võistluse võitaks ning talle anti vabariigi Siseministeeriumi rändpunalipp. R. Hepneri juhitud piirkonnainspektorite teenistus pälvis aga vabariikliku esikoha. 1986. aastast on Riiter Hepner Eesti NSV Siseministeeriumi teeneline töötaja.

Edu ei tule tööta. Kergelt ei jõudnud selleni ka Riiter Hepner. “Algul oli väga raske,” nentis ta, “sest uustulnukad polnud mitte üksnes osakonna juhtivtöötajad, vaid kõigi teenistuste ülemad. Esijoones tuli luua ühtne tugev kollektiiv, jagu saada vägijookide tarvitamisest (ainuüksi 1984. aastal vallandati sel põhjusel viis piirkonnainspektorit), lahendada kaadriküsimus jne. Mõned kaastöötajad ei teadnud oma põhikohustusi, ei tundnud tööd koordineerivaid käskkirju ja dokumente.”

Osakonna töö paranes oluliselt pärast seda, kui juhtkond ja parteiorganisatsioon

koostasid ühise kompleksprogrammi ja hakkasid selle järgi tegutsema. Nii hakati kord kuus piirkonnainspektoritele korraldama õppusi prokuratuuri, Siseministeeriumi ja Siseasjade Valituse töötajate osavõtul. Kaks korda aastas tullakse kokku partei Oktoobri rajooni komitees, kus arutatakse päevaprobleeme koos partei- ja nõukogude organite esindajatega.

Piirkonnainspektorite tegevusväli on ulatuslik. Üks tähtsamaid tööloike on side rahvamalevaga. Üldsuse aktiivse osavõtu-

ta ei saa tulemuslikust tööst juttugi olla. Seda rõhutab ka Riiter Hepner oma alluvatele. Praegu on tähtsamateks ülesanneteks võitlus mittetöiste tulude, joomarluse, narkomaania, prostitutsiooni ja teiste pahedega. Nende ülesannete lahendamiseks ei piisa üksnes valvepostil seismisest. R. Hepneri eestvõttel jagati teenistuspiirkond seitsmeks tsooniks, need omakorda 29 administratiivlõiguks. Tänu sellele hoogustus võitlus joomarlusega. Kiiresti selgitati välja napsivennad, kes purjutasid avalikus kohas,

ning peeti kinni alkohoolsete jookidega spekulierijad. Korduva vahelejäämise järel karistati nelja ebaseaduslikku kaubitsejat.

Miilitsatöötajate ja rahvmalevlaste ühisjõpingutuste tulemusena on kuritegude arv võrreldes mullusega tänavu tublisti vähenenud. See on eriti oluline praegu, mil kogu meie maal käivad suured ümberkorraldused. Õiguskorra kindlustamine on vajalik selleks, et sillutada teed kõigele uuele ja eesrinlikule.

Tänavune aasta on eriline. See on Suure Oktoobri 70. ja Nõukogude miilitsa loomise 70. aastapäeva aasta. Oktoobri rajooni sisesasjade osakonna piirikonnainspektorite teenistus Riiter Hepneri käe all võtab neid tähtpäevi vastu tubli igapäevatööga.

*Linna Siseasjade Valitsuse
poliitosakonna instruktor*

*Dmitri Gerassimenko
Vladimir Trofimovi foto*

Участковый инспектор

Идея была замечательная – встретиться с жителями поселка и обсудить проблемы, которые тревожат. Что-то типа собрания-беседы: что затрудняет работу, в чем недоработки одних и что беспокоит, что зависит от другой стороны. Назвали мероприятие суховато: «Отчет маардуского отделения милиции перед населением за истекшие 9 месяцев». Но откровенный разговор вышел-таки, получился!

Участковый инспектор Киселев не выступал. Вообще он не мастак говорить принародно. Скромно себе сидел, не обнаруживая присутствия. И однако умудрился стать центром внимания...

– Я выражу не только свое мнение, – закруглила речь одна из выступавших. – Пусть все участковые будут такие участливые, как Леонид Александрович. Я попросила помощи – Киселев не отнекивался, не начал меня убеждать, что я не по адресу к нему обратилась, хотя мы, как оказалось, вовсе не с его участка. Это даже хорошо, что не знаешь своего участкового: значит, с порядком – в порядке. Но если что случилось, куда обращаться, как не к вам, дорогие товарищи? Что значит «разберемся – приходите завтра»? Да

неужели человек в ночь побежит, если может спокойно пожаловать утром? Значит, обстоятельства не терпят...

Обстоятельства действительно были нетерпимыми. Молодая женщина долго пролежала в больнице, а когда вернулась, в ее доме... хозяйничала другая. Можно полюбить-разлюбить – неисповедимы пути наших порывов. Но чтоб так эгоистично, беспардонно, не считаясь ни с ситуацией, ни с чувствами другого человека, строить свое счастье? Объявили свое право и на квартиру, и на трехлетнего ребенка, которого, дескать, и без нее вырастят...

Фамилии выступавшей он не знал, но не запомнить заявительницу было невозможно. Заявила с порога:

– Я никто! Не родственница. Просто представитель жильцов. Но, поймите, если мы не поможем (она ведь и так тяжело больна), человек в таком состоянии бог знает что может с собой сделать.

Да уж, история...

Новоявленная жена, должно быть, в семейных битвах закалилась:

– Не ваше дело! – встретила поздних визитеров. – Это наша личная жизнь.

Вы бы лучше вмешивались (у меня их тоже вон двое детей), когда меня мой муж-пьяница с ножом гонял!

— А вы ко мне обращались? — обезоружил ее Киселев.

— К вам... нет.

— Тогда и поговорим спокойно. Если я перед вами не провинился, чего же кричать?

Только за этот год Киселев отправил на лечение шесть алкоголиков. Хотя ой как непросто последней этой мерой пытаться спасти самих пьяниц и спасти от них, деградировавших и ожесточенных, страдающие семьи.

...Участок у капитана Л. Киселева не мал: от реки Пирита до «Эстонфосфорита» и каллавереского «АВС». Включает улицы Кеэмикуте Старди, Лангу, Оруметса, Калласмаа. На закрепленной за ним территории проживают 2300 человек, 12 предприятий. И те и другие доставляют немало хлопот. Если к этому приплюсовать четыре подопечных общежития, где прописан самый разный контингент, да учесть, что в полублагоустроенных и неуютных домах задерживается надолго и бесперспективно, как правило, отнюдь не передовая часть трудового люда (ценного работника легче всего привязать квартирой), ясно: засиживаться Киселеву не приходится. Но даже когда обстоятельства позволяют расслабленно отсидеться с полным как бы правом — на дежурстве, в часы приема ли, — он не может не «встрять», отсрочить на потом,

передвинуть ответственность на чьи-то плечи. Отложить дело можно всегда — причина найдется. Он ищет выход.

Философское начало такого отношения к миру досталось ему от детства, из семьи пришло: мама-учительница болела за каждую ребячью судьбу. В нем и самом многое от учителя: не по-мужски эмоционально жалеет «кукушат», брошенных матерями-кукушками. Оттого уже несколько лет опекает братьев Ермаловых, помогает их бабушке, которая одна после смерти сына растит и воспитывает мальчишек при живой матери. И потому он частый, хоть и нежеланный гость в другой семье, если ее так можно назвать. Когда начинает пить мать — это беда. Не работает, все обещает устроиться в сад-ясли, а тянет. Сожителя недавно посадили, остались ребятишки двух и четырех лет. Хлопотать о лишении материнства? Будет ли ребятишкам лучше? Видел он эти детские глаза, спрашивающие каждого пришедшего в детдом чужого человека: ты не за мной, не мой папа, не моя мама?

Детский инспектор его научила:

— Будешь к ним заходить, обязательно проверь, есть ли молоко в холодильнике (для ребятишек).

И проверяет — что делать? Есть молоко. Может, бабушка беспокоится, хоть и живет отдельно? Да и дом не совсем уж запущен. Осталось же в ней, этой матери, что-то человеческое, женское? Проклятущая водка: пока трезвая, понимает и

соглашается — нельзя так дальше, некуда дальше. Потом опять срыв.

Маарду — вообще район специфический: трудное вредное производство, вбивавшее в себя некогда все, что ни предлагалось как «рабочие руки». И «химиков», посылаемых судом на стройки народного хозяйства, и досрочно освобожденных из мест заключения, и отбывших свой срок, и залетевших бог знает откуда по оргнабору, и тех, кого пригоняла сюда неблагополучная статья в трудовой книжке с благополучного столичного предприятия. Со всеми вытекающими отсюда социальными, правовыми и нравственными последствиями. И трудностями работы для милиции. И, в частности, для участкового инспектора Киселева, главная забота которого — профилактика правонарушений, предупреждение преступлений.

Леонид Александрович считает, что работу свою выбрал случайно, но... правильно. После мореходки ходил за рыбой, мотористом; там сошелся близко с Колей Исаенко, рефрижераторщиком, тот и сагитировал поступить в школу милиции. Исаенко стал сейчас хорошим оперативником. А Киселев и хотел в участковые — полагает, что для оперативной работы ему характера бы не хватило.

По натуре он — типичный воспитатель. Поначалу в отделении удивлялись: что ты, дескать, с каждым преступником антимонии разводишь? Нужны, мол, им твои «душещипательные» беседы? И во-

обще такое тщательное проникновение в судьбу ведет к панибратству, а надо держать дистанцию: блюститель закона как-никак.

Ни панибратства, ни фамильярности Леонид Александрович не позволяет. Но корректность корректностью, а доброе слово, уверен, никого не делало хуже. Он и теперь, через шесть лет работы, утверждает:

— Каждый — все равно личность. Проворовавшийся подросток, пьяница, рецидивист. В человеке всего понамешано: и хорошего, и плохого вдоволь — как жизнь выйдет. А если в нарушителе не видеть ничего путного, на что ему самому-то в себе опираться? Вот вернулся человек к нам из мест удавленных. Стал к нам на учет-надзор. Начальником по привычке тебя величает. Разве ему просто ходить к нам отмечаться?..

Давали эти «антимонии» положительный результат? Давали! Недавно вот за одного такого ходатайствовал — раньше надзор сняли. Влюбился, отпрашивался под честное слово несколько раз. Женился теперь, работу нашел по душе, счастлив. Все переживал, вдруг мать невесты узнает о его прошлом... Стыдится прошлого. Взаимопонимание их и родилось из искренности: один хотел выговориться, другой умел слушать и слышать.

Не с каждым, конечно, эти «долгие разговоры» выходят. Для некоторых эта помощь опоздала на мно-о-го лет! И подводили-обманывали Киселева подо-

печные – тоже бывало. Придет отпрашиваться и такого порасскажет! А сам завалялся в ресторан, да еще дебош учинит, да доказывает, что не в «самоволке», а Киселев разрешил. И влетало Киселеву за его веру. А как иначе их возвращать в нормальную жизнь, если не доверием?

Да и что, солидные люди его не подводили? Еще как! Сколько он представлений отправлял в разные инстанции по сохранности соцсобственности? Отпишутся (а то и не ответят даже) – и забыли. Он уже напоминать устал и про сетчатые заборы как элемент декора предприятия, и про вовсе открытые площадки. С базы «Сельхозкомплект» похитили моторы «ГАЗ-24». Все вокруг ничейное – все вокруг мое? Ответило за бесхозность начальство? Ответило! Заверением... что все отныне будет под бдительным хозяйским оком. И тут же бросили без присмотра насосы. Правда, в заявлении слукавили, что воры взломали склад. Из «Эстэлектроснаба» украли автомобильных лампочек на 20 тысяч. С «Эстонфосфорита» тянут полиэтиленовые мешки и при живых сторожах умудрились пронести даже пропановые баллоны.

Будь его воля, он бы платить заставлял за хищения при таком головотяпском отношении к госимуществу самих головотяпов. Любой бы хозяин давно разорился, а мы просто раскладываем вину конкретных начальников на общенародные плечи – все выдержат.

В экстремальных ситуациях Киселеву хватает и оперативности, и профессионального чутья, и уж, конечно, характера.

К примеру, в его дежурство приходит в отделение человек. Так, мол, и так: он из Ленинграда, здесь в командировке, поселился в общежитии на Калласмаа, 9. Решил посмотреть фильм по телевизору, а вернулся – все подчистую: исчезли документы, деньги – рублей 300, электробритва, куртка, брюки, часы... Все абсолютно забрали.

Полночь. Что обычно можно услышать в ответ на такое заявление при всем сочувствии к потерпевшему? «Садитесь, пишите подробное заявление. Утром придут оперативники – это их сфера».

Киселев не посадил и не предложил любезно бумагу и ручку. Не увещевал: как же, дескать, так, первый этаж, а окно оставили открытым? Вместе с помощником дежурного и потерпевшим немедленно помчались на машине к общежитию. Вахтер ничего подозрительного не видел и не слышал. Никто посторонний не заходил, ничего не выносил. Значит, все-таки через окно? Никакой зацепки: кто тоже кино смотрел, кого дома не было, кто уже спал. И вдруг вахтер вспоминает: машина военная возле общежития стояла. Вернувшись в отдел, обзвонили военных. В одном месте ответили: «Да, наши там были».

Нашли шофера-прапорщика, разбудили. Подтвердил: какой-то парень пры-

Участковый инспектор Леонид Киселев.

гал из окна, выглядел так-то. Не придал этому значения — общежитие же! Может, его заперли, пока спал, ему и не выйти...

Характерная внешность. Киселев, знающий многих в Маарду и в лицо, и по-фамильно, заподозрил парня, который часто крутился в этом районе. Попадался он уже на кражах, суд, однако, недавно дал ему отсрочку. Но как это все хлипко — предположение...

По дороге остановились возле компании мальчишек — у костра на пустыре устроили праздник. Хоть и белые ночи, в 13–14 лет болтаться поздновато. А на «Яве» знакомый номер, в угоне заявлен

мотоцикл. Закатали в машину. Ну и ночь! Снова к общежитию: вспомнилось — на днях разбирался там в конфликте. Старая женщина жаловалась, что сосед пьет и буянит и она не спит по ночам. Вдруг что-то заметила?

Видела! Бежал. Высокий. Худой. Красное лицо. Брюки, туфли, сумка, куртка... Куртка не подходила. Он ходил всегда в другой. А какая была куртка у заявителя?

Похититель с глубокого похмелья даже поначалу не мог понять, что от него хотят. На тумбочке лежали часы с лопнувшим (точно по примете) стеклом, в тумбочке — счетная машинка команди-

рованного, на вешалке — его куртка. Где остальные вещи? Продал за бутылку водки. По какому-то предчувствию решили проехать мимо знаменитого «пяточка» на конечной остановке.

Стоит, ждет, видимо, такси, одинокий прохожий. А баул у него на плече... Ну и совпадение!

— Извините, пожалуйста, ваши документы!

— Документов нет.

— Сумка у вас чья?

— Моя.

— Вы не перечислите, что в ней лежит?

Не может вспомнить. И вообще... это не совсем его сумка. Пили, и друг ему оставил. Собственно, подарил.

В «подарке» обнаружались все документы командированного, в том числе водительские права, а в правах — все деньги.

Перед отъездом пострадавший нашел Киселева, адрес оставил:

— Вздумаете в Ленинград к нам приехать, считать будем не просто гостем — другом!

С семьей приглашал. Хорошо бы... Да скоро в университете сессия. А контрольные все еще не отосланы. И по работе — завал дел и забот. Разве они кончатся, если каждый раз искать выход, а не причину?

З. Старовойтова

Фото: А. Баранов

Борется с преступностью с помощью микроскопа

Старшему лейтенанту Олегу Владимировичу Петроушеву стать милиционером было определено самой судьбой — половина родственников работают в этой системе. Первым же в нее пришел дед, в первые годы советской власти, следуя партийному призыву. Так что направление в Волгоградскую высшую следственную школу Петроушев воспринял как само собой разумеющееся. Поступил туда и вполне успешно окончил школу несколько лет назад.

Ныне он — баллистик экспертно-криминалистического отдела МВД ЭССР. В его ведении оружие, которым пользуются преступники. Изымать его, говоря языком протокола, Петроушеву не приходится. Но вот определять, что оно собою представляет, в каком состоянии, применялось ли в момент преступления и если да, каким именно образом, — его обязанность. Воюет он с преступностью с помощью микроскопа, химических анализов. Можно, конечно, его работу назвать бумажной. Но это уж как посмотреть. Имея точные данные баллистика, фактические доказательства, следователь чувствует себя более уверенно, картину преступления представляет более четко. А значит, и быстрее находит конкретные пути раскрытия преступления.

Наш фотокорреспондент Ф. Ключик побывал в отделе экспертной криминалистики. Олега Петроушева он застал за работой — требовалась срочная экспертиза доставленного в лабораторию самодельного огнестрельного оружия.

*Старший лейтенант
баллистик экспертно-
криминалистического
отдела МВД ЭССР
Олег Петроушев
за работой.*

Фото: Файви Ключик

Нулевой вариант, или Восемь дней по следам убийцы

«18 июля в Тарту сотрудниками милиции задержан О., обвиняемый в убийстве, совершенном в общежитии Таллиннского политехнического института» (из оперативной сводки МВД ЭССР). Всего пара бесстрастных строчек...

Догадываемся ли мы, какой колоссальный труд, какое напряжение ума профессионалов уголовного розыска стоит за ними?

10 июля в половине седьмого утра Левченко был поднят телефонным звонком. Звонил начальник отдела уголовного розыска УВД города Таллинна Олег Петрович Попко: «Гриша, три минуты на сборы. Кажется, убийство...»

Убийства — по его, Левченко, части: Григорий Николаевич возглавляет недавно созданное в УВД отделение по борьбе с преступлениями против личности. Точнее, воссозданное: прежде подобные подразделения существовали, но затем были упразднены. И только теперь, когда количество убийств и других тяжких преступлений безудержно пошло вверх, соответствующие отделения сформированы вновь.

...Собравшись за три минуты, Левченко прибыл на место происшествия по указанному адресу — улица Академия, 9, комната № 341, — когда здесь уже находились оперативные работники Октябрьского РОВД, судебно-медицинские эксперты, представители прокуратуры.

На кровати — труп девушки. Эксперты уже определили, что девушка изнасилована и задушена. Комната, как полагается, была опылена специальным веществом с целью обнаружения отпечатков пальцев насильника-убийцы. Отпечатки, естественно, имелись; но что из этого следовало?

Григорий Николаевич молчал. Да и что он мог сказать? С момента смерти, как утверждают эксперты, прошло уже несколько суток. Личность девушки не установлена, можно только предполагать, что коли в Таллинне ее никто не разыскивает, это приезжая, никому не известная абитуриентка. Свидетелей — ни одного. Никто ничего не слышал и — тут же провели маленький эксперимент — не мог слышать: стены толстые... Улик как будто тоже нет...

– Нулевой вариант, – вот и все, что мог сказать Левченко, осмотрев место происшествия.

Тотчас же была сформирована оперативно-следственная бригада по расследованию преступления, в которую вошли специалисты из МВД, УВД г. Таллинна, Октябрьского РОВД. Всего – 15 человек во главе с Левченко. Следствие возложено на представителя городской прокуратуры.

Тем же утром бригада собралась, чтобы обсудить план действий. Собираться ей предстояло еще много раз – утром и вечером, ежедневно. С каждым разом задачи перед розыскниками ставились все конкретнее, кольцо вокруг преступника становилось все уже. Но это было потом, а тем утром 10 июля они начинали с нуля.

– Предлагаю для отработки следующие версии, – объявил Левченко. – Их пять... Первая: убита кем-то из абитуриентов, живущим в этом общежитии. Или – подверсия – теми, кто с ними связан. Вторая: преступник – среди ранее судимых, находящихся на учете в отделах милиции. Третья: убийцей является несовершеннолетний, ранее посещавший общежитие. Четвертая: искать среди командированных в ТПИ. И, наконец, пятая: преступление совершил исключенный из института бывший студент, продолжающий жить в общежитии...

Образовано соответствующее количество групп, каждой поручено обраба-

тывать определенную версию (со всеми подверсиями).

Итак, невод был заброшен. Ну, а начали поиск с... поликлиник, травмпунктов и химчисток. Дело в том, что, как определили опять-таки эксперты, девушка оказывала сопротивление насильнику. В частности, в комнате была найдена разбитая бутылка из-под лимонада со следами пальцев преступника. Не обращался ли кто за эти дни с порезами, ранами, которые преступник мог получить в этой короткой и неравной схватке? Не возникло ли у него необходимости вычистить одежду от следов, например, крови?

Безрезультатно.

И теперь сыщики погрузились каждый в свою версию. Отработка первой – «абитуриенты и их связи» – была поручена группе во главе со старшим оперуполномоченным по особо важным делам управления уголовного розыска МВД ЭССР Лембитом Алингу. Версия эта – самая рыхлая, предполагающая наибольший объем черновой работы. Фигурально выражаясь, ячейки в этом неводе наиболее широкие. Однако в результате отработки именно этой версии в конечном счете станет возможной та самая строчка в сводке МВД...

Вначале же все пять групп имели примерно одинаковые шансы выйти на след преступника и все работали одинаково неистово. Лембит Алингу, оперуполномоченные уголовного розыска УВД Таллинна Константин Скрынников,

Виктор Булатов, Евгений Хорошев, старший оперуполномоченный ОУР Октябрьского РОВД Е. Шитиков, участковый инспектор Михаил Намясенко и другие работали чуть ли не круглосуточно. И вовсе не потому, что дело находилось на контроле у руководства министерства. Просто иначе нельзя: совершенно редкое по дерзости и жестокости преступление, и любое промедление увеличивало шансы убийцы уйти от ответственности.

Естественно, оперативные бригады привлекли на помощь коллег. Скажем, те, кто отрабатывал версию «несовершеннолетние», естественно, просеивали свой контингент с помощью сотрудников инспекции по делам несовершеннолетних. Просеивали тщательно, кругами; вначале проверяли тех, кто живет в непосредственной близости к общежитию, затем постепенно расширяя границы зоны.

Столь же скрупулезно просматривали ранее судимых, командированных, бывших студентов. Это тяжелый труд, но необходимый. Заметим, забегая вперед, что проверено на предмет причастности к преступлению 500 человек, всего же опрошено более 3 тысяч...

Личность жертвы удалось выяснить в первый же день. Она действительно оказалась абитуриенткой Л. Приехала из райцентра. Естественно, к работе мгновенно была подключена милиция того района. Немало пришлось потрудиться сотрудникам РОВД и только для того,

чтобы бригада могла сделать заключение: там, в районе, все чисто.

В первый день работы прояснились и события, происшедшие в общежитии накануне.

...Абитуриентка, соседка Л. по комнате, ездившая на несколько дней домой, вернулась 9 июля поздно вечером, открыла дверь и... Увидела то, что и работники милиции ранним утром. Перепуганная девушка метнулась в соседнюю комнату. «Там труп...» — только и смогла вымолвить она. В той комнате находились абитуриенты, а также трое их таллиннских гостей. Они были пьяны, и реакция их на сообщение была более чем странной. Те трое поднялись, проследовали в комнату, где находилась убитая, хладнокровно забрали принадлежавшие ей ценные вещи и удалились из общежития.

Полученная информация еще не позволяла делать каких-либо серьезных выводов, но она наталкивала на определенные размышления. Да и не только она. С каждым днем работы становилось все яснее, что общежитию неведом какой-либо порядок. Это проходной двор, где кто угодно и когда угодно может заниматься всем, чем заблагорассудится.

— Не думаю, что преступники — эти трое, — высказал свои соображения на очередном сборе группы Григорий Николаевич. — Хотя всякое может быть... Но это говорит о том, что им мог быть чужой и пьяный...

Предположение Левченко окажется верным, и я не могу не вспомнить свой материал «Вандалы» под мухой», напечатанный в «МЭ» почти ровно за год до трагедии. Речь в нем шла о пьянстве в общежитиях тогдашнего ТПИ, бой которому объявили два молодых участковых инспектора. Речь шла о том, что причин пьянства много и главная — у общежитий нет хозяев. Тогда мы говорили о вандализме пьяных жильцов общежитий, о том, что вуз вынужден тратить на их ремонт и восстановление больше денег, чем на обустройство учебных корпусов, лабораторий... А чем измерить загубленную человеческую жизнь?

...Между тем группа приступила к поиску тех троих.

Конечно, в нашем повествовании мы пропускаем отдельные подробности, хотя, очевидно, небезынтересно было бы рассказать о том, например, как разыскивали таксиста, в машину которого сели у ресторана «Сольнок» те трое и поехали пьянствовать дальше... Дальше, правда, их следы все же затерялись. Был объявлен республиканский розыск — это тоже тема для отдельного разговора. Сообщим лишь, что в результате тонко разыгранной комбинации сотрудники Валгаского РОВД задержали искомых молодых людей...

Нет, не они убивали Л., у них — алиби. И все же нести ответственность им придется — за кражу. Не только за ту, в общежитии, но и за совершенную ранее...

Ну, а группе не оставалось ничего другого, как продолжать поиск. Необходимо было опросить всех без исключения абитуриентов, проживающих в общежитии на Академия, 9. Заметим, в середине лета, когда в общежитии сплошная круговерть: одни приезжают, другие уезжают... Пришлось дежурить в общежитии почти круглосуточно.

Наконец, в ходе бескончаемых опросов всплыла деталь, заинтересовавшая сыщиков. Накануне предполагаемого убийства (эксперты определили этот момент с точностью до двух-трех часов) по коридору общежития ходили два парня и девушка, спрашивали каких-то кишиневцев. Подробности: один из парней был с гитарой.

Может быть, здесь есть зацепка? А может... Не зная этих людей, нелегко отбросить то, что первым делом приходит в голову: два парня, одна девушка, с одним из них, допустим, она ушла...

Ясно одно: необходимо в кратчайший срок разыскать этих троих. Прежде всего: что за кишиневцы? Выяснилось, что действительно они в этом общежитии жили — проходили стажировку в ТПИ, работая на каком-то предприятии. Как показали жильцы, у них были знакомые из Таллинна. Но кишиневцы уже уехали домой. Тут же был сделан запрос в Кишинев, но и по своим каналам удалось узнать, на каком заводе они работали. Вероятно, на этом же предприятии трудятся и их друзья.

Два полных дня провели розыскники на предприятии – одном из крупнейших в Таллинне. Среди многотысячного коллектива искали одного-единственного человека, того самого парня с гитарой. И нашли-таки.

И он, и те двое его друзей оказались ребятами исключительно положительными. Так что те умозрительные домыслы о возможной причастности одного из них к убийству Левченко отбросил и забыл. Григорию Николаевичу и его коллегам теперь надо было проверять самую важную информацию, которую дал парень с гитарой.

...Не застав друзей-кишиневцев, ребята вышли из общежития и направились к троллейбусной остановке. Здесь к ним подошел один молодой человек, сильно пьяный. Заговорил по-эстонски, потом перешел на русский. Болтал какую-то чушь и, не обнаружив интереса к себе со стороны этих троих, направился в сторону общежития – того, что на Академия, 9. И еще деталь, одна из решающих: к остановке этого пьяного привезли на «восьмерке».

– Да, стучался к нам в тот вечер один пьяный парень, – показали абитуриенты, проживавшие в одной из комнат. – Да, говорил, что познакомился на остановке с каким-то русскими. И еще твердил, что хочет девчонку, не можем ли мы ему помочь... Как выглядел?

Оказалось, приметы полностью совпали с теми, что называли ребята, виде-

вшие его на остановке... Что было дальше? Абитуриенты пьяного выдворили, и тот остался в коридоре один, кажется, стучался в соседнюю комнату...

И снова опросы, опросы... Новая задача: выяснить, есть ли в общежитии у молодого человека с такими-то приметами знакомые, друзья? Оказалось, есть, и среди них – студент, владелец автомашины «ВАЗ-2108». Он и назвал фамилию... Нет, не убийцы – пока только человека, всего лишь попавшего под подозрение.

Студент рассказал, что в день накануне предполагаемого убийства он действительно встречался с подозреваемым, ездили на пляж в Пирита, выпивали там. Вечером пили в «Олимпии», после – в загородном баре. Взяли там двоих девушек, но, поскольку подозреваемый в машине к ним приставал, они вышли. Студент довез приятеля до общежития, высадил его и укатил...

Это, как говорится, уже горячо. Все совпадает – и приметы, и время событий.

Итак, все силы брошены на поиски подозреваемого по фамилии О. Кстати, подозрение усилилось, когда выяснили, что он уже имел дело с милицией: несколько лет назад, поссорившись с девушкой, поднял на нее руку.

Его было еще искать и искать, но облик подозреваемого постепенно вырисовывался. Вот и работники колхоза имени Кирова значительно дополнили

представления сотрудников милиции о нем. Правда, в колхозе О. уже не работает, уехал будто бы в Тарту.

...Не прошло и двух часов после прибытия спецгруппы в этот город, как О. был задержан. Тут же он и признался в содеянном, хотя принципиального значения это уже не имело.

О. рассказал все, как было. Ничего нового для Левченко и его друзей в рассказе не было. Ход событий они выстроили безошибочно. И уже знали, кто перед ними. В тот трагический вечер это был не человек — человекообразное существо, пропитанное алкоголем и движимое

звериным инстинктом. Детали лишь подчеркивают его сущность... Ввалился в комнату, насильственно овладел девушкой, одновременно сдавливая ей горло... И — заснул. Утром запер комнату и бросился уносить ноги...

Пройдет немного времени, и суд определит меру его ответственности.

А пока О. находится в следственном изоляторе. Он туда был помещен через восемь дней после того телефонного звонка, что раздался ранним утром в квартире Левченко.

Андрей Бабин

Тени в ночи *Операция «Банкет»*

К полуночи мороз заметно усилился, но в кафе «Кадриорг», где в это время веселье было в полном разгаре, туда-сюда сновали разгоряченные спиртным молодые люди. Ситуация могла в любую минуту обостриться, и появление здесь сотрудников милиции в какой-то степени разрядило обстановку. А о том, что она была напряженной, говорит хотя бы такой факт. За один из столиков, где праздновалась свадьба, уселись незваные гости: двое здоровых молодых парней. На замечание тамады они отреагировали угрозой расправиться с ним потом на улице. Оба молодца были препровождены в милицейскую машину для дальнейшего разбирательства в Морском отделе милиции. Явную тревогу при виде синих мундиров испытывал один из посетителей кафе. Его и еще нескольких пьяных людей тоже доставили в райотдел для выяснения личностей.

Уже глубокой ночью милицейские автомашины прибыли к шхуне, где недавно открыто кафе кооператива «Клифф». По условию договора, здесь не разрешена продажа спиртного. Когда мы с трудом протиснулись внутрь этого

заведения, там буквально яблоку негде было упасть, немало молодых людей, многие находились в сильном подпитии. Уже на одном из первых же столиков над бутылками «Пепси-колы» возвышалась «Пшеничная», а на соседнем — аж две. Кстати, видимо, эти пол-литровки и привлекли внимание одного молодого посетителя этого заведения, который вел себя вызывающе. Когда работники милиции вывели его на свежий воздух, один из посетителей, сидевших за этим столиком, удовлетворенно заметил: все, мол, правильно, он им только мешал.

На улице один подвыпивший молодец признался, что он не знает, есть или нет разрешение на продажу спиртного на шхуне, но только здесь выпить можно всегда. И как бы в подтверждение его слов участники операции обнаружили в багажнике частных «жигулей», стоявших около шхуны, целый ящик с водкой. Словом, нетрудно догадаться: раз есть спрос, то есть и предложение. А на вопрос, почему на шхуне так много пьяных молодых людей, председатель кооператива удивленно ответил, что он не заметил таковых, да, мол, еще и рано. Подумалось,

в каком же состоянии уходят отсюда посетители после закрытия этого заведения в три часа утра?

Акцию «Банкет» на этот раз проводили сотрудники Управления внутренних дел Таллинна во главе с заместителем начальника УВД Валерием Серовым. К операции были привлечены работники Морского отдела милиции (начальник Леонхард Гиль), а также группа из отдела МВД ЭССР по борьбе с организованной преступностью (заместитель начальника Александр Мажаев) и представители подразделения патрульно-постовой службы (старший лейтенант милиции Михаил Курилин). Во время этой комплексной операции удалось задержать и таких лиц, которые были в розыске или подозревались в совершении преступлений.

— Активное участие в подобных акциях сотрудников созданного сравнительно недавно отдела по борьбе с организованной преступностью не случайно, — пояснил мне заместитель начальника этой службы А. Мажаев. — Это позволяет нам глубже проникать, так сказать, в теневую жизнь ночного города, нащупывать нужные нити и связи, отрабатывать элементы многоходовых задач.

Из разговора выяснилось, что новый отдел за семь месяцев своей деятельности накопил довольно солидный банк данных о преступниках, взяв на учет более 200 человек. 30 из них уже привлечены к уголовной ответственности

и около 15 находятся под следствием. Они арестованы не только за совершение организованной преступности, но и за вымогательство, квартирные кражи, разбойное нападение. В частности, на той же шхуне не так давно два заезжих «гастролера» выключили свет, избили и раздели одного молодого человека. На их след уже напали работники милиции.

Александр Мажаев привел и такие цифры: у преступных элементов только с мая изъято более 20 единиц огнестрельного оружия, не говоря уже о таком холодном оружии, как финки, кастеты, стилеты, цепи, нунчаки (две короткие утяжеленные палки, соединенные цепью), дубинки специального изготовления. Кстати, ношение, изготовление и сбыт без соответствующего разрешения холодного оружия наказывается лишением свободы до двух лет или исправительными работами на тот же срок, или штрафом в 300 рублей. Что же касается огнестрельного оружия, то наказание еще более строгое.

Изымались у преступных элементов также психотропные вещества, анаболики, слезоточивый газ, сдано в доход государства немало валюты (доллары, кроны, марки), возвращено 14 угнанных автомашин. Совместно с сотрудниками Калининского райотдела милиции раскрыто крупное хищение государственного имущества (импортная вычислительная техника). Только в результате этой операции в казну возвращено аппарату-

ры на 150 тысяч рублей. В поле зрения отдела по борьбе с организованной преступностью попали такие сообщества с центрами в Москве, Ленинграде, Риге, Минске, Новосибирске, Кемерово, Перми, Свердловске.

Но пока, считает Александр Мажаев, ими закрыт лишь верхний слой преступ-

ных напластований, которые накапливались у нас годами. Поэтому потребуется немало усилий, чтобы достичь желаемых результатов. С этой целью такие очистительные операции, как «Банкет», будут продолжаться и впредь.

С. Тризно

Начальник 6-го отдела по борьбе с организованной преступностью МВД ЭССР полковник милиции О. Лаанъярв (слева) и его заместитель полковник милиции А. Мажаев во время проведения операции «Банкет».

Операция «Карусель»

Такую операцию провели вчера сотрудники Госавтоинспекции, уголовного розыска, УБХСС и VI отдела Министерства внутренних дел ЭССР по борьбе с организованной преступностью.

Такие совместные мероприятия работниками правоохранительных органов проводятся не впервые. Вчера объектом повышенного внимания стал Октябрьский район столицы республики, где ровно в 13 часов на дорогах, ведущих в Нымме и Мустамяэ, начали работу восемь постов и четыре подвижные группы. В их задачу входил осмотр машин, выявление правонарушителей, обработка оперативной информации. И первый сигнал в штаб операции поступил уже через восемь минут. В машине, которую вел Олег Макаренко, была обнаружена самодельная резиновая дубинка.

— Достал я ее несколько лет назад, — сказал он после изъятия. — А нужна она мне для защиты от рэкетигов. В дороге ведь всякое может случиться.

И такие объяснения в ходе вчерашнего рейда приходилось слышать неоднократно. Некоторые автолюбители самой надежной защитой считают

холодное оружие. А вот в «восьмерке» временно не работающего Яака Кинка под сиденьем был обнаружен искусно сделанный «пугач», который и специалисты-то не сразу отличили от огнестрельного оружия. Приобрел его Кинк, судя по объяснительной, на Центральном рынке всего за 10 рублей. И тоже «для защиты».

У меня же сложилось впечатление, что на нашем рынке везет исключительно деловым людям. Так, в минувшее воскресенье работник объединения «Эстрыбпром» Леонид Матросов приобрел там по дешевке 17 кнопочных телефонных аппаратов. Австрийских. И всего-то по двадцать рублей за штуку. Правда, что с ними делать дальше, он так толком объяснить до конца не мог.

— Подобные операции, — подчеркнул заместитель начальника VI отдела МВД Эстонской ССР по борьбе с организованной преступностью А. Мажаев, — позволяют нам порой раскрыть ряд сложных противозаконных действий. А «пугачи» — далеко не безобидные игрушки, как это пытаются представить некоторые. Так, минувшей ночью в Калининском районе

были задержаны преступники, использовавшие такие «игрушки» против водителей частных такси. По этому делу сейчас ведется следствие.

Всего за время вчерашнего рейда было осмотрено свыше тысячи автомашин, изъято несколько единиц холод-

ного оружия, задержаны 74 нарушителя правил дорожного движения, вновь обнаружались случаи спекуляции водкой. По ряду фактов началась проверка работниками УБХСС.

Г. Медведев.

Во время проведения операции «Карусель» начальник 6-го отдела по борьбе с организованной преступностью МВД ЭССР О. Лаанъярв (на первом плане слева) и его заместитель полковник милиции А. Мажаев (на первом плане справа) и изъятые во время рейда вещдоки.

Четыре месяца террора

Вот и все. Щелкнули наручники — преступник взят. Произошло это вечером 16 марта в центре Таллинна, возле кинотеатра «Сыпрус». Обезврежен редкий по жестокости и лицемерию человек, профессией которого было — дарить радость детям...

3 ноября на работе у Х., начальника цеха одного из таллиннских предприятий, раздался звонок. «Мы знаем тебя и твою семью, — услышал он мужской голос. — Знаем твой адрес, знаем, что у тебя трое детей... Известно нам также, что у тебя есть деньги. Нам нужно десять тысяч».

— Кому, за что, почему?

Ответа не последовало, но с этого дня Х. звонить стали регулярно. На работу и домой, днем и ночью. Мужчины и женщины, говорили по-эстонски и по-русски... Требовали 10 тысяч. И угрожали. С изуверской настойчивостью — уничтожить или искалечить детей.

Надо ли объяснять состояние Х. и его жены — родителей двух школьников и годовалого мальчика. Террор продолжался в течение четырех с половиной месяцев.

В ночь на 9 ноября была разгромлена их дача. Все, что можно было разбить — телевизор, мебель, — было разбито. А в стену вонзили топор. На этой даче, как выяснилось потом, один из преступников не так давно был среди приглашенных на 40-летие хозяина.

На следующий день потерпевший обнаружил над дверью своей квартиры подвешенную куклу. И записку: «Не будет денег, сделаем с тобой и твоими детьми то же самое». Кукла была взята на даче.

Вымогатели грозили карами и в том случае, если Х. надумает обратиться в милицию. Но он обратился.

— Тяжело было смотреть на них, — говорит заместитель начальника 6-го отдела (по борьбе с организованной преступностью) МВД ЭССР А. П. Мажаев. — А жена, я боялся, просто может не выдержат напряжения. А ведь у нее малыш...

Конечно, сотрудники отдела прежде всего сделали все возможное для безопасности этой семьи. Дежурили возле дома, а порой и прямо в квартире, не упускали из виду детей. И искали, искали... Проверяли все связи Х., всех его коллег и знакомых. Конечно, очень осто-

можно. В первую очередь – его недоброжелателей. У Х., человека исключительно порядочного и честного, требовательного и принципиального начальника, их оказалось достаточно.

А вымогатели звонками и записками с угрозами продолжали терроризировать семью. Бесконечно так продолжаться не могло.

16 марта – очередной звонок. «Сегодня деньги будут, – ответил Х. – Вот только в сберкассе схожу...»

Далее он делал так, как велели вымогатели. В 18.20 явился к зданию Эстонского драмтеатра. Здесь к нему подошли двое подростков, передали записку – следуй, мол, к «Сыпрусу». Здесь получил билет в кино и еще одну записку: надо пройти в туалет и выбросить пакет через форточку. Не растерялся начальник цеха, сообразил, что надо незаметно ее обронить. Это позволило участникам операции сориентироваться, переставить посты наблюдения.

Заместитель директора Государственного кукольного театра ЭССР Пеэтер Беннога и понять ничего не успел, как

оказался в наручниках. В этот момент из-под его куртки выпал пакет с деньгами, точнее, с «куклой» – две тысячи рублей (больше в милиции не нашли), переложенные листками настольного календаря. Вскоре был задержан и второй вымогатель – мастер-диспетчер того предприятия, где работает Х., Виктор Вайнло.

– Почему эту операцию нельзя было провести сразу после заявления потерпевшего? – спрашиваю у Мажаева.

– Преступники оказались сколь жестоки, столь и осторожны. Они все время оттягивали под разными предлогами получение денег. Видимо, сами боялись.

– По какой статье могут быть осуждены задержанные?

– Очевидно, по 142-й УК ЭССР – за вымогательство. Кстати, варианты наказаний по этой статье сейчас серьезно ужесточены. Пользуясь случаем, хочу обратиться ко всем – не надо бояться. В случаях вымогательства обращайтесь к нам незамедлительно. Только так, сообща, можем мы бороться с преступностью.

А. Бабин

И снова «ночные ангелы»

Если вы достаточно внимательны и любите смотреть по сторонам, то во второй половине марта вы не могли не заметить кое-где на столбах и заборах, автобусных остановках и стенах домов небольшую листовку, которая, не успев намозолить глаза, очень быстро исчезала, кем-то сорванная, но вскоре появилась вновь. Впрочем, нельзя сказать, что авторы ее были уж очень назойливы, поскольку ни яркостью, ни броскостью оформления, ни каким-либо вызовом общественному вкусу, содержащемся в тексте, она не отличалась.

Под крупной надписью «Dinamo Tallinn» прямо на вас указывал перст, а ниже, совсем мелко, явно для молодых глаз:

«Мотоциклисты г. Таллинна и его окрестностей! Группировка «Динамо» приглашает всех желающих на праздник открытия летнего мотосезона, который состоится 31 марта 1990 года в 20 часов. Группировка «Динамо» ждет новых «ночных ангелов»! Мотоциклист, не будь отщепенцем! Это не солидно для рокера! Папаша»

Как видите, ничего крамольного, как раз напротив. Не в пример взрослым, которые уже с ног сбились, придумывая, по какому бы признаку еще разделить, их «неблагополучные» дети поступают как раз наоборот – объединяются...

В назначенное время на стадионе «Динамо» собрались около 180 парней и девчонок: завсегдатаев и новичков, школьников и учащихся ПТУ, эстонцев и русскоязычных, совершенно- и несовершеннолетних, с мотоциклами и на своих двоих. Для последних, чтобы не оставлять их одних на стадионе, скинувшись по рублю, арендовали автобус. Каково?

Еще за месяц до назначенного дня Юра Преображенский, признанный авторитет и лидер динамовцев, тот самый «Папаша», обратился в таллинскую госавтоинспекцию к командиру роты дорожно-патрульной службы майору Н. М. Мартынуку. Рокеры – давние знакомые Николая Михайловича. Всякое бывало за время службы: и штрафовать приходилось, и догонять, и говорить по душам, и ругаться. Открытие нового сезона – это значит опять аварии, опять ночные

С майором Н. М. Мартынюком можно договориться.

рейды, опять погони за немаркированными мотоциклами. Но как отказать им в просьбе? Николай Михайлович не только разрешил ребятам собраться, но и позаботился о том, чтобы патрульные машины для большей безопасности сопровождали их по городу. На одной из них приехал лично.

Когда обсуждали маршрут, в горячих мальчишеских головах не замедлила возникнуть бредовая идея — ослативить своим присутствием Ратушную площадь. Но Николаю Михайловичу удалось убедить парней, что шестидесяти мотоциклам будет трудно развернуться в узких улочках и что вообще не стоит тревожить покой Старого города. Выбрали другой маршрут. Значит, можем договориться?..

Наконец, все готово. Мотоциклисты выстраиваются в ряд. Первым срывается с места «Папаша». За ним, на полкорпуса отстав, — два-три парня. Остальные —

следом. И вот уже в направлении микрорайона Ыйсмяэ несетя орда мотоциклистов, сопровождаемая сверкающей милицейской «тойотой» и патрульными «жигулями». Обе машины — при всем параде: с включенными мигающими огнями и сиреной. «Тойота» возглавляет колонну, а «жигуленок» то и дело высывается вперед, перекрывая движение на очередном перекрестке, чтобы пропустить группу, и спешит к следующему.

Итак, сезон открыт. Не обошлось, к сожалению, без омрачающих его казусов. Некоторые зрители явились навеселе, устроили бучу в автобусе. «Испортили праздник», — возмущались потом ребята.

А впереди — снова будничные проблемы. Решится ли наконец вопрос с помещением для клуба рокеров? Николай Михайлович Мартынюк предложил парням комнату в здании поста ГАИ в Маарду, в 10–13 километрах от Таллина. Далековато. Но для группы ласнамя-

эских рокеров, думаю, в самый раз. А ыйсмяэские сами давно нашли в районе Кейла старые заброшенные бункеры, пустующие еще со времен войны. Мечтают оборудовать там ремонтные мастерские.

Долгие годы камнем преткновения являлась и проблема получения водительских прав. Теперь экзамены можно сдать экстерном. Тот, кто уверен в своих силах, знает ПДД, достаточно подна-торел в разгадывании тестов, шутя исполняет на своем (экзамен сдается на

личном транспорте) мотоцикле «восьмерку», может позвонить в регистрационно-экзаменационное отделение ГАИ ЭССР, что на Меривялья, 24 и записаться в очередь. Ждать месяца три. За этот срок вы успеете приготовить медицинскую справку, две фотографии 3,5 на 4,5, заплатить в сберкассау 55 рублей (не потеряйте чек!). И – в добрый путь.

В. Маанди

Фото: А. Труувярт

Sisekaitse operatiivrügemendis...

...oli märtsikuus katlatoidul (Tallinnas ja Narvas kokku) 263 kaitsevæelast ja 73 staabiõ-tajat. Ent mitte ainult toidul. Rügemendi asukohas, Tallinnas Rahumäe teel, jätkub ruumi nii elamiseks kui ka harjutamiseks. Ainult remondiks ei jätku raha. SOR-i ülema Peet Kalli hinnangul oleks hoonete korrastamiseks vaja kuni 5 miljonit krooni. Seda aga pole.

Abi on saadud Soomest. Matti Järviharju eestvõttel on Kauhaajoki (Vaasa) Soome-Eesti sõprusühing aidanud operatiivrügementi juba selle loomisest saadik – on kingitud pakiauto ja sõiduauto ning muudki tehnikat. Plaanis on kinkida veel üks väikebuss ja köögivarustust. Matti Järviharju kinnitas, et seda tehakse SOR-i eelmise ülema Georg Ambachi mahhinat-sioonidele vaatamata.

Enn Uue tekst,

Erich Suve ja Albert Truuväärti fotod

SOR-i ülem Peet Kall ja Matti Järviharju

Ajateenija Margus Galstjan.

Jutuajamine eksministriga

Marko Tibar:

“See, mida rahvas nimetab maaffiaks, ei ole muud, kui karistamatusest jultunuks muutunud kuritegelik element.”

Intervjuust Marko Tibar keeldus. Ja teda võib mõista. Asi pole ju ainult meie ajakirjanike kombes noppida vestluskaaslase tekstist välja ainult neile sobivaid fraase, vaid ka selles vaenuseemnes, mida uued võimu juurde pürgijad nii laias kaares eestlaste sekka külvata püüdsid. “Kas minuga on mõistlik rääkida?” küsis eksminister. “Rahvast on ju niimoodi häälestatud, et Tibar oli kaabakas, ja kõik, mis ta tegi, oli halb, hea on ainult see, mis praegu sünnib.” Kuid samas kinnitas eksminister: “Oma pika karjääri jooksul ei ole ma öelnud ega kirjutanud midagi sellist, millele ma täna ei julgeks alla kirjutada.” Teatanud, et tal ei ole mingeid võimuambitsioone, soostus Tibar juttu ajama vaid kui tavaline reakodanik. “Ma ei pretendeeri enamale. Mul ei ole mingit soovi tegeleda poliitikaga.” Nii saigi teoks vaba jutuajamine, millest allpool avaldame üksikuid katkeid. Loodame, et need pakuvad huvi ka laiemalt.

Tibar jätkas:

“Ausalt öeldes ei ole mul julgust kinnitada, et see, kuidas praegu kuritegevuse vastu võideldakse, on halb ja rahvale vastuvõtmatu. Eesti rahvas ei ilmuta toimuva suhtes ju erilisi ärrituse märke. Ma ei tohi hukka mõsta seda, mis on rahvale vastuvõetav ja millega rahvas rahul on. Ma pigem püüan mõelda, kuidas selles situatsioonis kaitsta Eesti Panka, oma perekonda ja iseennast. Rohkemaks pole mul õigust ega ka võimalust.”

“Teil on relvakandmise luba?”

“Loomulikult. Mis minusse puutub, siis vajaduse korral püüan end kaitsta kõige resolutootsemalt. Eesti Panga kohta aga võin veendunudult öelda – kurjategijad siia majja ei pääse!”

“Ta ei usalda Eesti riiki?”

“Ütleksin veidi teisiti. Raske on loota riigile, kes on kurjategijatele sisuliselt garanteerinud karistamatuse. Kuidas saabki teisiti öelda, kui kuritegusid avastatakse 20–30 protsenti! Igapäevaseks on saanud tuleva-

hetused ja pommiplahvatused tänavatel, pangaröövid ja tapmised, röövimistest ja vargustest pole mõtet enam rääkida. Ja toimub see ju karistamatult! Politsei on muutunud täiesti impotentseks. Ometi on politsei materiaalne olukord märgatavalt parem kui see oli minu ajal miilitsas. Näiteks on transpordivahendite arv kahekordistunud, järelikult peaks politsei olema palju mobiilsem. Kui ma olin linna miilitsaülem, oli meil ainult 5 autot. See oli 79. aastal. Palju on politseil praegu Tallinna prefektuuris autosid? No mitte vähem kui 30. Ka on politsei arvuline koosseis palju suurem. Minu ajal – kui olin minister – oli miilitsas umbkaudu kokku 2700 meest, praegu on politseis kuuldavasti üle 6000 mehe. Häda on aga selles, et nii toona kui ka praegu ei peeta korrakaitsete tegevust – olgu nad miilitsad või politseinikud – professionaalseid oskusi nõudvaks alaks. Ma olin esimene professionaalne siseminister ja tean, mida see töö tähendab. Poliitilise juhtimise maneeere ma tunnen, sain neid oma nahal tunda küll ja küll. Olen andnud lugematuid kordi poliitikutele aru nii Tallinnas kui ka Moskvast. Ükskõik, mis ka ei juhtunud, peaaegu alati oli süüdi siseminister.

Nõukogude Liidu siseministeerium oli välja töötanud mõningail andmeil kuni 12 tuhat normdokumenti, mida kõiki tuli silmas pidada ja täita. Aastas käis kohal paar-kümmend kontrollbrigaadi, 1988. aastal koguni 28! Täitmise kontroll oli absoluutne! Kui mulle heidetakse nüüd ette, et miks ma ei teinud nii või naa, siis võin öelda vaid

üht – teisiti lihtsalt ei saanud! Tohtu oli pretsedendi jõud. Kui näiteks Tomski oblasti mingis rajoonis põles maha lennujaama palkehitis, siis tuli Moskvast korraldus kontrollida tuleohutust ka Eesti lennujaamades ja võtta tarvitusele vajalikud meetmed. Selline oli tookordne loogika: kui kusagil midagi juhtus, juhtub see tingimata kõikjal!”

**“Kui ma praegust siseministrit intervjuerima asudes küsisin, kuidas ta ennast selles kabinetis tunneb, siis teatas ta, et on viibinud selles kabinettis veel teie ajal. Ja sugugi mitte kinni-
peetuna.”**

“Jaa, niisugune kohtumine toimus. Ma võtsin ta vastu tema enda palvel, tal oli mingi probleem. Ta oli tol hetkel üsna kurasikas, tema üritus läks ülesmäge, võimude saamatus oli aga ilmselge. Sellegipoolest püüdsin talle mõista anda, et tunnen selle kolme vaala jõudu, millel riik püsib. Ütlesin, et kardan sündmusi võtmas sellist pööret, kus neid enam tagasi hoida ei ole võimalik. Tol hetkel uskusin siiralt, et see asi ei pruugi üldse mitte hästi lõppeda.”

“Ometi lõppes see asi Eesti jaoks hästi?”

“Eesti oli tõepoolest ainus endine liiduvabariik, kus ei valatud verd ega kasutatud vägivalda. Miks? Kõigepealt peab ütlema, et dissidentlik liikumine ei väljunud neist raamidest, mida peetakse üldiselt demokraatlikeks. Märkimisväärne ei olnud ka huligaansete elementide osalus avalikes üritustes. Võrus näiteks ei pildunud sõjakomissariaadi aknaid sisse dissidendid, vaid huligaanid. Ka

Tartus ei loopinud 2. veebruaril miilitsaautosid kivide ja pudelitega mitte dissidendid, vaid umbes 100–150-pealine noorukite jõuk, keda kamandas raviastutusest ära jooksnud 16-aastane vaimuhaige. Õnneks ei väljunud nende tegevus kontrolli alt. Teiseks peab tunnistama, et partei keskkomitee poolt ei olnud press kuigi tugev, pigem oli tegemist veidi närvilise dialoogiga – ühel pool Vaino, teisel pool mina. Vaino püüdis küll tõestada, kuidas tema arvates tuleks meil toimida, mina aga tõestasin kui professionaal, et nii ei saa, see viiks vältimatult suurte kokkupõrgeteni. Olin situatsioonis, kus sai apelleerida vaid võimatusle. Büroo liikmete enamik ju vaikis, mind julgesid toetada vaid Toome ja Sillari. Ei mäleta, et näiteks Rüütel oleks mõne sõna poetanud. Vaino oli muidugi ärritatud, tema isiklik positsioon ja heaolu olid kõikuma löönud.

Aga peab ütlema ka seda, et meil oli väga hea kontakt Bakatiniga, kuigi ta mind mõnikord ka “seltsimehelikult” sõimas.

Küllaltki normaalne oli mul vahekord julgeolekukomitee esimehe Karl Kortelaisega. Elukutselise sõjaväelasena – ta oli lõpetanud kindralstaabi akadeemia – tunnistas ta minu professionaalset üleolekut ja ei muutunud oma nõuannetega pealetükkivaks.

Minu arvates Kortelainen mõistis üsna demokraatiseerimisprotsessi alguses, et mäng on kaotatud ja jõuvõtted asjade käiku ei muuda.

Samuti on mul põhjust arvata, et Karl Vaino lahkumisel Eestist ja vabariigi juht-

konna asendamisel uutismeeletsete inimestega oli Kortelaisel kaalukas sõna öelda.

Ma ei taha täna keldida, et hoidsin juba siis isamaa peale mõeldes rusikat taskus, ma pigem tegutsesin professionaalina.”

“Ometi Savisaar Teie teeneid ei vajanud?”

“Kui ausalt öelda, siis olin ma siseministri kohale juba niigi liialt kauaks jäänud. Seitse aastat sellel kohal on piir, ei tohiks olla oluliselt kauem, kuigi mitte ka palju vähem. Siseminister peab teatud aja töötama, teda ei või iga aasta tagant või paar korda aastas vahetada. Tegemist on ju valdkonnaga, kus kõige vahetumalt puututakse kokku väga raskesti juhitavate sotsiaalsete protsessidega, mis pealegi kulgevad väga pikaldaselt. Seda, mida Parek täna teeb, saab õiglaselt hinnata alles kahe või kolme aasta pärast. Kui ta tahab luua uut politseid, tuleb talle selleks ka aega ja võimalusi anda. Pealgi on ta üksi – tema kahjuks räägivad sotsiaalsed faktorid, majandus järele ei tule, politsei meetmed kuritegevuse ohjeldamisel jäävad enam kui tagasihoidlikeks. Üldse kardan, et oleme õige hetke maha maganud, politsei on juba jäänud kaotaja rolli. Rahvas räägib, et igal pool on maffia. Aga ma ütlen – see, mida rahvas nimetab maffiaks, ei ole muud, kui karistamatusest jultunuks muutunud kuritegelik element. Pole tähtis, on nad Permist, Novosibirskist, Lagedilt või mujalt. Enamuses on nad tavakurjategijad ja keegi neid ei sega.

Tegelikku maffiat tuleks otsida mujalt, rohkem majanduspolitsei töömailt. Kardan,

et praegu toimub maffia aktiivne legaliseerumine musta raha pesemise, erastamise ja valgustkartva bisnesi kaudu. Usun, et maffia tee poliitikasse osutub tunduvalt lühemaks, kui me eeldame, pole ju sellel teel praktiliselt mingeid takistusi. Vahepeal lammutatud majanduspolitsei vaevleb veel taassünnivaludes ja vajab enda kogumiseks aastaid.

Olen kindel, et sel määral, mil maffia positsioon võimukoridorides tugevneb, tugevneb võitlus tavakuritegevusega. Tugevast käest ja riigist on legaliseerunud maffia eluliselt huvitatud. Siis hakatakse riigis ka korda looma.

Teate, ma ei suuda mõista, miks seda praegu ei tehta. Pole seadusi? Miks siis näiteks Parek ei võta kokku kahtkümmet head professionaali erinevatest politsei tööloikudest ega küsi: kallid härrad, milliste seadusandlike aktide järele te tunnete kõige suuremat vajadust, milliseid meetmeid peaks valitsus ja parlament võtma? Miks ta ei küsi nende käest, miks on olemasolevad seadused nende arvates defektsed. Praegune valitsuskoalitsioon saab ju kõike teha, neil on enamus parlamendis, räägitakse koguni hääletusmasinast. Järelikult poleks raske vajalikke seadusi vastu võtta. Miks seda siis ei tehta? kas keegi on vastu? Kes? Avalikustage siis selle tegelase või grupeeringu nimi!”

“Pöördugem parem tagasi Bakatini juurde.”

“Bakatin ei saanud aru, mis meil siin toimub. Ta heitis mulle ette, et olen püssi nurka visanud. Ma ütlesin talle, et tege-

mist on demokraatliku protsessiga – ühed lõpetavad, teised alustavad. Õnneks ei saanud ta kohe teada, et oleme likvideerinud poliitosakonnad ja peatanud siseministeeriumis parteilise tegevuse. Muide, vastava otsuseprojekti keskkomitee büroo jaoks kirjutasime meie, aga kellegi käsi lisa sinna ka julgeolekukomitee – ja nii peatatigi parteiline tegevus ka seal! See oli 1990. aasta veebruaris. Ma helistasin siis Bakatinile ja palusin politseiseaduse läbiarutamiseks vastuvõttu. Sa püha madonna! Kus siis tuli! Politsei oli ju täielik tabusõna. Näis, nagu oleksid süljepritsmed telefonitorust välja karanud. Moskvasse sõites võtsin kaasa terve portsu väljakirjutusi entsüklopeediatest, et talle selgeks teha, mis on militsija, mis politsei. Panin need talle lauale ja palusin tutvuda, et alles seejärel otsustada, milline nimetus meie tegevuse eesmärkidele rohkem vastab. Ta kutsus välja oma abi, Poola päritolu Igor Kazimirovitš Karo. Tore mees oli, ütles, et Tibari jutus on tõetera sees, muidugi oleme me rohkem politsei kui militsija. Muidugi, miilits on läbi aegade olnud ajutine relvastatud üksus mingi erakordse, näiteks revolutsioonilise olukorra lahendamiseks. Bakatin rahunes ja me võisime kahekesi kahel laupäeval kokku 16 tunni jooksul läbi jahvatada politseiseaduse. Lõppes see sellega, et ta tegi mulle tungi-va ettepaneku tulla Moskvasse tema abiks. Mul ei jäänud siis midagi muud üle, kui Tallinnasse tulles minna kohe Sillari juurde keskkomiteesse ja paluda, et ta teataks Bakatinile, nagu kavatseks ta mind enda

juurde tööle võtta – olin ju vormikandja, pension oli veel vormistamata. Bakatini palve tähendas käsku. Sillari võttiski kohe telefonitoru ja teatas Bakatinile: “Ja jago ne

otpuskaju!” Mõni päev hiljem tuli Moskvast käskkiri minu vabastamise kohta ja nii ma võisingi üle pika aja vabamalt hingata. Olin pensionär. Olin olnud minister 11 aastat.”

Pensionär Marko Tibar on praegu Eesti Panga turvateenistuse ülem. Endiselt õhkub temast otsustavust. Pensionäri meodi energiline eksminister küll välja ei näe.

“Nõudlikkus miilitsa suhtes oli minu ajal äärmiselt, võib-olla isegi õigustamatult kõrge. Tegin siis endale selgeks, et ma ei tohi südamesse võtta neid asju, mille eest ma ei suuda vastutada või mida ma ei saa muuta. Tänu sellele ei värise täna mu käed ja ma pole üle elanud infarkti. Elan endisega võrreldes rahulikku elu ja panga turvameeskonnas ei nõua omale hinnaalandust.”

Ometi näib, et tal ei ole kerge sellise eneseesitluse abil täielikult vabaneda uue tegelikkuse karmist painest. Pisut nostalgiliselt teatab ta:

“Ei saaks öelda, et Eesti Vabariigis mind mitte miski ei häiri. Häirib ja kuidas veel! Ei meeldi ohjeldamatud musta pesu pesemised ja lõputud skandaalid, siltide kleepimine ja mustade nimekirjade koostamine, poliitilised nõiajahid ja laiutav ebakompetentsus. Ühesõnaga: bolševism elab meis rahulikult edasi.

Kipub kaduma huvi kolletama hakanud ajalehtede vastu. Seetõttu ostan ajalehti veel ainult hommikuraadio soovitusel, enamasti “Posti” või “Eesti Ekspressi”. Lahedad lehed. Ei seo mind ega kohusta millekski.”

Kaido Liiva

Ning lõpuks mõned eluloolised andmed.

Marko Tibar sündis Viljandis 1933. a. Lõpetas Viljandi II keskkooli 1952. a. Õppis tolleaesges Julgeoleku- ja Siseministeeriumi koolis Vilniuses, töötas poolteist aastat Riikliku Julgeolekukomitee juures asunud rehabiliteerimiskomisjoni koosseisus. Edasi kaheksa aastat uurija miilitsavalitsuses, siis kaheksa aastat SORVVO-s. Tallinna linna Siseasjade Valitsuse ülem 1971.–1979. a. ja ENSV siseminister 1990. aastani.

Mida teha?

Eesti politsei juubeli eel pöördus toimetus juhtivate politseiametnike poole alljärgnevate küsimustega: MIDA TULEKS TEIE ARVATES TEHA KURITEGEVUSE TÕKESTAMISEKS EESTIS? MILLINE PEAKS OLEMA SEADUSEANDJA OSA? TÄITEVVÕIMU OSA? KOHALIKU OMAVALITSUSE OSA? MILLIST OSA NÄETE POLITSEIL? MILLINE PEAKS OLEMA AJAKIRJANDUSE OSA? ÜLDSUSE OSA?

10–15 aastat tagasi oli miilits suuteline kontrollima kuritegevust Eestis. Seda tõestab registreeritud kuritegude arv ning seda just raskete kuritegude osas (tapmised, relvastatud kallaletungid, lõhkeseadeldiste kasutamine, väljapressimine jne). Kui lõhuti sotsialistlik riigiaparaat, lõhuti ka endine miilisasüsteem kui sotsialistlik nähtus. Ent likvideeriti ka miilitsa see osa, mis on omane kogu maailma politseisüsteemile (struktuur, arvestused, koolitus, operatiivtöö, meetoodika ja taktika jne.). Nii sai Eesti politsei endale lõhutud ja lammutatud õigusaktid ning aukliku seadusandluse. Vundament oli auklik, et mitte öelda enamat.

Kuritegevusega saab võidelda (õigmini: kuritegevust saab kontrollida) ainult komplekssete meetmetega. Kuna Eestis on kriminogeenne olukord raske, nõuab see ka erakorralisi meetmeid, meeldib see meile või mitte.

Nüüd probleemi lahendamisest eri tasanditel:

1. RIIGIKOGU

1. Uute kuritegevust ja selle tõkestamist käsitlevate seaduste vastuvõtmine.

2. Tuleks muuta ka põhiseaduse seda sätet, mille kohaselt ilma kohtuniku sanktsioonita võib kodanikku kinni pidada mille üle 48 tunni. Politseil peaks olema siiski õigus pidada kuriteos kahtlustatavaid kohtuniku loata kinni vähemalt 10 päeva (Leedus on see aeg tunduvalt pikem).

2. VABARIIGI VALITSUS

1. Vaja on moodustada valitsuskomisjon kompleksse kuritegevust tõkestava valitsusprogrammi väljatöötamiseks. See komisjon peaks olema võimalikult laiapõhjaline. Sinna võiksid kuuluda Sise- ja Justiitsministeeriumi ning Politseiameti esindajad, Riigikogu liikmed, Tartu Ülikooli ning Riigikaitse Akadeemia teadlased jne.

Valitsus peab ka otsustama, mis ohustab Eesti iseseisvust rohkem: kas sise- või välisvaenlane. Tuleb selgitada, mis on

primaarne, ning vastavalt selle ka jagada vahendeid.

3. SISEMINISTREERIUMI TASAND

Siseministeeriumis peavad töötama spetsialistid (juristid), kes oskaksid välja töötada vastavaid seaduseelnõusid ning teisi vajalikke dokumente. Ministeeriumis peaks olema ka politseitöö osakond. Praegune Siseministeerium vajab põhjalikku remonti, sest seal töötavad peamiselt poliitikud. Riigi Politseiamet peaks aga välja töötama kindla juhtimisstruktuuri ning nõudma selle kaudu politseiprefektuuride töö tõhustamist. Politseiametis peab tekkima teatud stabiilsus, iga-aastane Politseiameti reformimine pole kõige parem lahendus. Kui nii edasi läheb, siis muutuvad reformid arengu piduriks.

4. OMAVALITSUSED

Omavalitsused peaksid välja töötama maakonna või linna kuritegevuse tõkestamise programmi. See peaks olema kompleksne. Kui kõik pannakse ainult politsei kaela, siis on tegemist puhta utoopia ehk enesepettusega. Muide, kui lähemal ajal ei võeta vastu põhjalikku tulirelvaseadust, siis on raske olukorda kontrolli alla saada. Seaduses peab olema koht ka Kaitseliidul kui teatud kindlal seaduslikul formeeringul, kelle üle (eriti relvade üle) aga on kehtestatud kontroll.

5. POLITSEI OSA

Eesti politsei on Eesti valitsuse ja valitsejate nägu. Politseis peaks lahendatama järgmised põhiprobleemid:

*Leonhard Valkrusman, endine Riigi
Politseiameti nõunik.*

A. Politseinike koolitamine (koolitussüsteem) peab tagama kaadri kõrgetasemelise ja ajakohase ettevalmistuse. Esimesed sammud on tehtud, kuid edasiminekuks on jäänud vahendite nappuse taha toppama.

B. Politsei peab muutuma riigivõimu osast ühiskonda teenivaks jõuks, mis tagab kõigi kodanike õigused ja vabadused ning kaitseb neid.

C. Politsei peab minema rahva sekka ja tegema oma tööd nii, et rahvas politseid usaldab. Reaalne lahendus saabub ehk 5–10 aasta pärast, kui on formeerunud uue kvaliteediga politsei.

Politsei saavutab edu ainult siis, kui korda kaitstakse ühiselt koos elanikkonnaga (nn. *community*).

6. AJAKIRJANDUSE OSA

Ajakirjandus peaks avaldama ainult fakte, mitte aga taga ajama sensatsiooni. Vaja oleks valgustada politseinike tööd (eriti maakonnalehtedes), propageerida õiguslaseid teadmisi. Ajakirjandus peaks andma ka nõu, kuidas teatud olukordades käituda.

7. ÜLDSUSE OSA

Kui rahvas hakkab usaldama politseid, siis tuleb üldsus politsei poole üle ja aitab politseid. Praegu on rahvas passiivne, pole garantiid, et inimesi häda korral abistatakse. Vaja on üldsuse tihedamat koostööd elukohajärgse politseiga.

VASTAVAD KOMISSARID

1. Kui suur on teie teenindada olev linnaosa või asum, palju on seal elanikke jne.? Mis iseloomustab teie linnaosa?
2. Kui palju töötab jaoskonnas politseinikke, millised ametikohad on vakantsed?
3. Peamised probleemid ja raskused? Mis kõige enam muret teeb?
4. Mida tuleks teie arvates teha asjaliku ja stabiilise politseikaadri kinnistamiseks Tallinnas (palk, maksusoodustused, elamispind, elu- ja sotsiaalkindlustus jne.)?
5. Millist abi ootate linnaosa valitsusest?

HARRY PÄÄSUKE, Kesklinna politseijaoskonna komissar

1. Kesklinna politseijaoskonna teeninduspiirkond ulatub Järve asumist Tallinna Kaubamajani. Elanike arv teeninduspiirkonnas on 50 200. Siin on ohtralt aktsiaseltse, panku, kohvikuid, restorane, baare jne. Samuti asuvad meie territooriumil "Kalevi" spordihall ja staadion, suured tehased (RAS "Kalev", Piimatoodete Kombinaat, Tallinna Vineeri- ja Mööblivabrik jne.). Väga palju on ettevõtete ladusid. Politsei erilist tähelepanu vajavad Tallinna Veepuhastusjaam, kus vee puhastamiseks kasutatakse kloori, ja muidugi ka Tallinna linna joogivee reservuaar – Ülemiste järv. Meie territooriumil asub kaks turgu – Kesk-turg ja Vanalõuna turg.

2. Meil on 128 politseiniku kohta, millest täidetud on 99. Kõige suurem puudus on väli-politsei patrullkompanii kordnikest – 50 kohast on täidetud ainult 26. Kolm kordniku kohta on täitmata korrapidamisteenistuses. Peale selle

on Kesklinna politseijaoskonnale allutatud Tallinna Veepuhastusjaama teenindatav 25 ametikohaga allüksus, millest täidetud on vaid 16. Samuti on meie alluvuses hotelli "Olümpia" teenindav 10 ametikohaga allüksus, millest täidetud on 7.

3. Kõige rohkem teeb muret tänavakuritegevus, mis moodustab 17% kõigist registreeritud kuritegudest. Kõige rohkem sooritatakse tänavail vargusi autodest ja autovargusi. Selle üheks põhjuseks on muidugi kordnike nappus. Me ei suuda välja panna nii palju patrulle, kui oleks vaja. Isikuvastased kuriteod – tapmised, üllirasked kehavigastused, avalikud vargused, röövimised muutuvad üha jõhkramaks. Sageli kasutatakse tulirelvi. Selle aasta esimese kahe kuuga registreeriti 434 kuritegu ehk 14,5% rohkem kui möödunud aastal samal ajavahemikul. Esimese astme kuritegusid sooritati 18 ehk 58,3%, teise astme kuritegusid 398 ja kolmanda astme kuritegusid 17 ehk 13,1 ja 13,3 protsenti rohkem kui samal perioodil möödunud aastal. Põhiliseks probleemiks on korterivargused ning vargused asutustest ja ladudest. Varastatakse põhilisest importaparatuuri, toiduaineid, värvilist

metalli, lohakalt hoitud raha. Suur töökoormus on juurdlejatel: 7 juurdleja kohta on juurdluses 400 kriminaalasja.

4. Politseisse tulid varem tööle põhiliselt noored poisid, kes ei soovinud minna teenima sõjaväkke. Praeguse seaduse järgi pole see enam võimalik ja meile tulevad tööle juba keskealised inimesed. Politseiniku palk on ebanormaalselt madal: 1070-kroonise palga puhul tuleb maksta tulumaksu, nii et kordniku tegelik palk on 760 krooni. Seda on ääretult vähe. Nüüd on Tallinna prefektuur ja Tallinna linnavalitsus leidnud võimaluse maksta politseinikele lisatasu, aga seda on ikkagi vähe: noortel inimestel on perekonnad ja paljudel abikaasad väikeste lastega kodus. Elamispinda ei ole meie jaoskonnale eraldatud juba 3 aastal. Aga paljud noored elavad koos vanematega väikestes korterites. Raha uue korteri ostmiseks neil puudub.

5. Linnaosa valitsuselt tahaks abi paljundusaparaatide, fakside, kirjutusmasinate ja kantseleitarvete muretsemisel. Samuti tuleks leida võimalus eraldada või müüa noorte politseinike perekondadele kortereid soodsama hinnaga.

MART PAAP, Õismäe politseijaoskonna komissar:

Haabersti linnaosa pindala on 18,6 km², elanikke ca 43 tuhat. Linnaosa piirneb Põhja-Tallinna, Kristiine, Mustamäe ja Nõmme linnaosaga, Harku vallaga ja põhjas Kopli lahega. Tootmisevõtted puuduvad, erandiks on vaid AS "Teras". Asumi territooriumil paiknevad see-eest loomaaed, vabaõhumuuseum, Harku järv ja Astangul üks vabariigi ohtlikumaid militaarobjekte, mis senini on Vene vägede valduses ja mille valvet teostab Kaitsejõudude Peastaap. Ka on siin 7 kooli ja 9 lasteaeda kokku 6731 lapsega. Sotsiaalosakonna andmetel elab meie territooriumil üle 8 tuhande vanuri ja pensionäri. Seega kujutab Haabersti endast põhiliselt elurajooni.

Kuigi Haabersti territooriumil asuvad Krediidipank ja Hoiupanga osakond, samuti

sidejaoskond ning polikliinik, puuduvad siin kino ja kirik, saun ja teater. Elavalt kasutatakse suvisel puhkeajal Kakumäe ja Harku järve randa.

Nimetatud territooriumi teenindavas Õismäe politseijaoskonnas töötab hetkel 70 politseiametnikku, 15 kohta on vakantsed (neist 10 PPT rühma kordnikku). See tekitab olulist ülekoormust igapäevatöös ja kohustab meid järjepidevalt tegelema kaadriprobleemiga. Kahjuks peab tõdema, et ka kolimine uutesse ruumidesse juunis 1993 ja töö tasustamise osaline reguleerimine viimase kahe kuu jooksul ei ole andnud oodatud tulemusi.

Jätakuvalt on probleeme transpordi ja sidevahenditega. Viimased ei kannata kriitikat. Muret valmistab, et seadused ei taga kannatanute ja tunnistajate kaitset. Puudub mehhanism, mis selle käivitaks.

Asjaliku ja stabiilse politseikaadri kinnistamiseks puudub seni riiklik programm. Politseiametniku töö tasustamisega seonduvad küsimused vajavad kiiret riiklikku lahendust. Stimuleerivalt mõjuksid ka maksusoodustused (elamispinnaga seonduvalt). Politseiametnike elu- ja sotsiaalkindlustuse küsimustes on korduvalt pöördutud Tallinna volikogu poole. Võib oletada, et nimetatud probleemidega tegelevad aktiivselt ka vabariigi valitsus ja teised asjaomased instantsid.

*UNO PAAS, Kadrioru
politseijaoskonna komissar:*

1. Kadrioru politseijaoskonna teenindatav ala ulatub Meriväljalt Mõiguni (koos Suur Sõjamäe ja Lasnamäe algusega), ulatudes teistpidi linna keskosani, kus tooni annavad sellised hiiglased nagu hotell “Viru”, Tallinna Kaubamaja, peapostkontor, teenindusmaja jm. Peale selle on meie vahetus läheduses suured transpordisõlmed nagu reisisadam, lennujaam ja autobussijaam. Kõik see toob kaasa inimese tiheda liikumise ja kogunemise kõige sinna juurde kuuluvaga, kaasa arvatud vilgas tänavakuritegevus. Elanike arvu pole täpselt kokku loetud, kuid umbkaudsete arvestuste järgi oli rahavahe-tuseresidente üle 80 tuhande.

2. Jaoskonnas on ametikohti kokku 129, neist on täidetud 120. Vakantsed on kord-

nike ja konstaablite mõned ametikohad. Numbrid võivad paista küll ilusad, kuid tuleb arvestada, et komissar on seatud sundseisu: ta võib teada, et pooled tema alluvatest ei vasta heale politseinikule esitatavatele nõuetele, kuid valikut tal ei ole.

3. Kõige suurem puudus on kogemuste ja eriharidusega kaadrist. Väga paljud on tulnud tööle paari viimase aasta jooksul, nende väljaõpe on enamjaolt mõnekuulised kursused õppepunktis, kiirkursused Paikuse või Nõmme politseikoolis. Väga paljud vane-mametniku kohal töötavad politseinikud on erihariduseta. Raskusi tekitab ka tehniliste vahendite puudulikkus või täielik puudumine, kuid tuleb aru saada meie hetkeolukor-rast: oleme just seal, kus me oleme. Tihti ei olegi meil selliste kogemuste ja teadmiste-ga töötajaid, kelle kätte võiks usaldada kalli tehnika.

4. Rääkides politseikaadri kinnistami-sest Tallinnas, tuleks rääkida siiski kogu Eesti politseist. Eelkõige on asi palgas, mis peaks olema selline, et inimesed üldse politseisse tööle tuleksid. Et pole raha maksta niisugust palka, mis lubaks politseiametnikul lahenda-dada kõik probleemid (korter, laste haridus jne.), võiks välja töötada muud soodustus-süsteemid (ehkki see võib jälle tingida jagu-nemise võrdseteks ja veelgi võrdsemateks): maksusoodustused, sooduslaenuid elamis-pinna muretsemiseks jne.

Kindel on aga see, et elu-, tervise- ja sotsiaalkindlustus kõigile politseitöötajatele ja eriti nende perekondadele peab olema lahendatud riiklikul tasemel.

5. Peab ütlema, et Kadrioru politseijaoskonnal on olnud alati väga head suhted kohaliku omavalitsusega. Meie soovidele on vastu tulnud ja meie taotlusi on aktsepteeritud. Materiaalset abi konkreetsete projektide (side, transport, remont) elluviimiseks on saadud senini ainult Lasnamäe linnaosast. Ka on premeeritud heade

töötulemuste eest. Arvan, et selles osas on kohalik võim teinud kõik politsei abistamiseks. Siiski saaks abistada ka elamispinna ja ametiruumide eraldamisega politseijaoskonna tarbeks.

Ka peaks linnaosa valitsus välja töötama konkreetsed suunad alkoholi-, kaubandus-, ja toitlustuspoliitikas.

ILMAR VAHTRA, Nõmme politseijaoskonna komissar:

1. Meie linnaosa pindala on 28,7 km², sellest on metsa all 633 ha ning parke ja haljasalaid 155,5 ha. Nõmmel elab 45 000 elanikku. Põhiliselt on tegemist eramajadega. Asutustele ja ettevõtetele kuuluvad elamud asuvad Männikul ja Pääskülas.

2. Jaoskonnas töötab 66 politseiametnikku, kordniku ametikohtadest on täitmata 17.

3. Peamised probleemid:

a) politseiametnike noorus ja vähene töökogemus, samuti nõrk erialane ettevalmistus (10-kuulised politseikoolid ei anna piisavalt teadmisi tööks politseis);

b) transpordivahendid on amortiseerunud, nende arv ei vasta vajadustele;

c) jaoskond on paigutatud endisesse elumajja ja ei sobi politseitööks (korrapidamisteenistus asub keldrikorrusel jne.)

4. Asjaliku ja stabiilse kaadri kinnistamiseks on vaja tõsta politseiametnike palka (kasutades ka maksusoodustusi), eraldada teeninduspiirkonnas kortereid ja varustada need ametitelefonidega, viia politseikoolides sisse kaheaastane õppeaeg, et õpetada välja keskharidusega juriste.

5. Linnaosa valitsuselt ootame eelkõige abi tööruumide muretsemisel ja remontimisel, võimaluse korral ka eluruumide (ametikorterite) saamisel, samuti konstaablipunktide sisustamisel ja korrashoidumisel.

*VALERI BABAK, Mustamäe
politseijaoskonna komissar:*

1. Mustamäe politseijaoskonna teenindatav territoorium on ca 8 km² suur. Siin elab 73 000 inimest. Rahvastiku tiheduselt on Mustamäe pärast Lasnamäed (30 km², 115 000 elanikku) ja Kesklinna (28 km², 82 000 elanikku) Tallinnas kolmandal kohal. Osaliselt seletab see ka fakti, et kõikidest õiguserikkumisest on Mustamäel 61,8% varavastased kuriteod. Kõige rohkem on korterivargusi. 1993. a. oli nende osakaal 33,9%, 1994. a. esimese kahe kuuga aga 30,6%, kõigist registreeritud kuritegudest. Olukorraga mõjutab ka nelja suure turu (autoturg, Kadaka, Szolnoki ja Retke tee turg) aktiivne tegevus. Pean silmas sellised kuritegusid nagu kelmused, väljapressimised, isikliku vara vargused ja röövimised. Eesti kahe kõige suurema turu – Kadaka ja autoturu – tegevus põhjustab nii kurjategijate kui ka kannatanute arvu pidevat kasvu. Niisiis on

omakasu ajendil toime pandud kuritegude osa üsna tähelepanuväärne ka Mustamäel. Lisagem siia metsamassiivide Sütiste tee, Üliõpilaste tee, Kadaka pst. ja Ehitajate teega piirnevatel aladel, mis meelitavad ligi kriminogeenset elementi, ja me saame küllatki ülevaatliku pildi sellest, millega meie politseinikud peavad tegelema.

2. Mustamäe politseijaoskonnas töötab veidi rohkem kui 80 politseinikku. Osaliselt on komplekteeritud välipolitsei koosseis: vaja oleks konstaableid ja kordnikke.

3. Eesti politsei töö teeb raskeks kuritegevusega võitlemise riikliku programmi (kontseptsiooni) puudumine. Samuti puudub tegevuskava kuritegevuse ennetamiseks. Viimane peaks olema seotud elanikkonna sotsiaalse arengu programmi, kõige erinevamate riiklike ja ühiskondlike mehhanismide rakendamisega ning võimaldama võib-olla ka vägivaldseid meetodeid. Sünnitab ju ühiskond kui sotsiaalne süsteem pidevalt erineva iseloomuga konflikte. Meie asi on leida võimalikke teid nende konfliktide stabiliseerimiseks, mitte lasta neil areneda sellise staadiumini, kus nad hakkavad vahetult toimima kriminaalseadustikuga kaitstud ühiskondlike suhete vastu.

4. Selleks, et kindlustada politseile ajalik ja stabiilne kaader, on vaja luua materiaalse ergutamise süsteem ja välja töötada tegevuse lõpptulemuste eest vastutamise printsiibid. On ju ergutamine optimaalne vahend positiivsete algatuste aktiveerimisel, seaduslikkuse ja korrakaitse tugevdamisel.

5. 15. märtsil 1994. a. sõlmisid Mustamäe politseijaoskond, Kaitseliidu Tallinna Maleva Lääne kompanii ja Kodukaitse koostöölepingu. Mustamäe linnaosa elanike ja külaliste turvalisust on võimalik tagada vaid politsei, Kaitseliidu ja Kodukaitse ühiste jõududega. Seejuures kohustus Mustamäe linnaosa valitsus võimaluse korral stimuleerima rahaliselt või hinnaliste kingitustega eeskujulikult valve- ja patrullteenistusest osa võtnud kaitseliitlasi, kodukaitsjaid ja politseinikke, tagama sotsiaalkindlustuse

patrullimisel vigastada saanud kaitseliitlastele ja kodukaitsjatele, surma korral aga nende perekondadele jne.

5. Linnaosa valitsus suhtub mõistvalt politseinike muredesse, on osutanud meile abi laskemoona ja vajaliku inventari soetamisel. Et politseijaoskonna käsutuses on vaid 2 patrullautot, leidis linnaosa valitsus vahendeid autode rentimiseks. Eeltoodu annab alust loota avaliku korra kaitse probleemide edukale lahendamisele Mustamäel.

*ENDEL OSTRAT, Lilleküla
politseijaoskonna komissar:*

1. Kristiine linnaosa on 9,4 km² suur, elanikke on siin ligikaudu 40 tuhat. Meie territooriumil asub 2000 hoonet, neist 1300 eramut, 200 munitsipaal- ja 200 ametkondlikku hoonet. Linnaosa on Tallinna üks tööstuslikumaid, siin asuvad “Eesti Talleks”, “Ilmarine”, “Flora”, “Eesti King”, “Norma”,

“Juvel”, “Progress”, “Pioneer”, “Polümeer”, “Järve Autoteenindus”, “Orbita”, Farmaatsiatehas jt, aga ka kõige militaarsem linnaosa oma Tondi kasarmutega, kus asuvad võõrväed.

2. Jaoskonnas töötab kokku 71 politseiametnikku. Vakantsed on teiste seas 5 konstaabli ja 15 kordniku ametikohta.

3. Kõige enam teevad muret täitmata ametikohad. Eesti soost noored ei taha tulla tööle politseisse ja seda põhiliselt väikese töötasu tõttu. Muret teeb veel raadioside kehv kvaliteet ning politsei vilets tehniline ja erivarustus.

4. Teie ajakirjas on juba kirjutatud, mida on vaja teha politseikaadri kinnistamiseks. Sellele lisada enam midagi ei ole.

5. Linnaosa valitsuselt ootame kõige rohkem abi politseiametnike elamistingimuste parandamisel, aga samuti jaoskonnale uue hoone leidmisel ja selle sisustamisel.

*SVETISLAV PATSEVITŠ, Maardu
politseijaoskonna komissar:*

Maardu politseijaoskonna teenindatava territooriumi suurus on võimatu kindlaks määrata, praeguseks on koguni kolm linnapiiri, mis

vähe kokku langevad. See ongi meie kõige suurem probleem. Territooriumil, mida me teenindame, elab 18–19 tuhat elanikku. Siin asub ligi 350 ettevõtet ja organisatsiooni.

Praegu on Maardu politseijaoskond komplekteeritud 86,2-protsendiliselt. Täitmata on välipolitsei kordnike ametikohad.

Maardu politseijaoskonna põhiprobleem on kodakondsuse küsimus ning riigikeele valdamine (meie linna elanikest on vaid 5% eestlased). Probleme on ka ametiruumide, autotranspordi ja telefonidega. Et Maardu politseijaoskonnas kinnistuks kaader, on vaja lahendada küsimused, mis on seotud kodakondsuse, palga, töötingimuste ning politseiametnike sotsiaal- ja elukindlustusega.

*VLADIMIR FALKENBERG, Sadama
politseijaoskonna komissar:*

1. Sadama politseijaoskond teenindab riigiettevõtet Tallinna Sadam, mille koosseisu kuuluvad Kesklinna, Muuga ja Kopli sadam, samuti RAS Eesti Merelaevandust ja teistele firmadele kuuluvaid Tallinnas registreeritud laevu. Töö sadamates on komplitseeritud, see toimub mitmes vahetuses, enamasti kogu ööpäeva. Et saada ettekujutust meie tööst, mainigem vaid seda, et Kesklinna sadamat läbis 1993. a. 3,1 miljonit tonni metalli-, puidu- ja muud kaupa, üle 2,2 miljoni reisija ja rohkem kui 215 000 autot. Muuga sadamat läbis 1993. a. üle 7,5 miljoni tonni kaupa (millest põhiosa moodustas vili) ja

üle 60 tuhande auto. Kopli sadama (põhiliselt puidu- ja metallivedu) kaubakäive oli 1,5 miljoni tonni, k. a. 1 kvartalis juba üle 300 000 tonni. Sadamates töötab kokku ligi 5000 inimest.

2. Sadama politseijaoskonnas on 72 ametikohta, neist on komplekteeritud 75%. Vakantsed on põhiliselt välipolitseinike, kordnike ja kordnik-autojuhtide ametikohad.

3. Peamine probleem on meil kaadripuudus (reakoosesis ning keskeriharidusega kriminaal- ja välipolitsei inspektorid). Probleemi muudab eriti teravaks vajadus uuendada kaadrit eesti keelt valdavate töötajatega. Murettekitavalt keeruline on autode remont.

NIKOLAI ILMSSOO, Vanalinna politseijaoskonna komissar:

Territoorium on meil väike, probleemid aga see-eest suured. Meie piirkonnas asub

4. Asjaliku ja püsiva politseikaadri kujundamiseks on vaja kompleksset riiklikku programmi, mis näeks ette töötingimuste, ka palga, sotsiaalse kindlustatuse jms. tegurite otsustava parandamise. Ei ole mõistlik lahendada ainult ühte probleemi, jättes muud küsimused kõrvale. Vaja on, et politseikaadriga tegeleks prefektuuri personaliteenistus, politseijaoskondade ülesandeks on vahetu võitlus õiguserikkumistega; pealegi pole politseijaoskondade koosseisus üldse kaadritöötajat ette nähtud. Puudub ka juhtiva kaadri täiendväljaõppe süsteem.

5. Abi oleme saanud sadamate juhtkonnalt, kes on mõistvalt suhtunud politseijaoskonna probleemidesse.

5 saatkonda, 5 nn. kinnist tüüpi sauna, 3 autoparklat, 12 kirikut ja niisama palju muuseume ning mälestusmärke. 176 elumaja, üle saja baari ja restorani. 15 katakombi ja 5 üldkasutatavat tualettruumi. Elanikke on 4000 ringis, mitmesuguseid firmasid aga üle 11 tuhande. Põhiprobleemid seonduvad lõbustusasutustega. Need töötavad, kuni on kliente, mõnikord hommikuni välja. Millegipärast tahavad ka turistid vanalinnas öösiti jalutada. Meil on väljas kaks patrulli – Viru tänava kandis ja Raekoja platsil. Kella kaheksast õhtul kuni kella kaheni öösel aitavad meid sisekaitserügemendi patrullid. Ei saa öelda, et meil tööst puudu tuleb.

Jaoskonnas on 85 töötajat, kellest 35 on kordnikud. Kohad on enam-vähem kõik

täidetud, vaid kriminaalpolitseis on mõned kohad vakantsed. Ühe lehekuulutuse peale tuli ennast pakkuma üle 40 noormehe, kelle seast valisime välja 7. Nii et kaadri kinnistamisega meil probleeme pole. Ma ei arva, et kõige tähtsam on palk. Hoopis olulisem on mikrokliima jaoskonnas. Omavahelised suhted peavad olema head. Kord peab olema majas. Me alustame iga tööpäeva korrapidaja ettekandega isikkoosseisule – 15 minuti jooksul annab korrapidaja 28 punkti ulatuses ülevaate vahepeal juhtunust. Seejärel peab nõu juhtkond ja kõik teenistused saavad ülesanded. Politseinik peab tundma,

et teda on vaja, et tema tööd hinnatakse. Ka mõni müüja saab 500 krooni kuus, ega ta sellepärast veel vargile lähe! Ja kui läheb, jääb ikkagi vahele.

Probleemid? Väga oleks vaja videokasette politseinike tööst – et näha, kuidas ühes või teises situatsioonis on õigem käituda. Ka oleks vaja vastavaid brošüüre ja õppe- raamatuid. USA-s nägin politseijaoskonna fuajeis brošüüre ja müüd näidismaterjali riivil – võta, vaata ja loe!

Linnaosa valitsusega on meil head suhted. Oleme neilt saanud tõhusat materiaalselt abi.

AVO EILART, Kopli politseijaoskonna komissar:

Põhja-Tallinna suurus on 17,3 km² ja siin elab ca 75 tuhat inimest. Kopli politseijaoskonnas töötab 59 politseiametnikku. Komplekteeri-

mata on mõned kriminaalpolitseinike ja konstaablite ametikohad, suurt puudust tunne- me välipolitsei kordnikest. Tihti teeb muret kompetentsus ja kvalifikatsioon. Teatavasti saadakse kvalifitseeritud kriminaaljälituse inspektoriks pärast baashariduse saamist, tavaliselt kolme- või viieaastase praktilise tööga. Praegu on aga järjepidevus katkenud. Kopli politseijaoskonna töös tahaksin saavutada sellise taseme, et:

1. korrapidamisteenus oleks politsei nägu. Korrapidaja peab suutma asendada komissari või tema asetäitjat nende äraolekul, oskama operatiivselt vastu võtta otsuseid. Kõik territooriumil tegutsevad toimekonnad peavad alluma otseselt temale, korrapidaja peab teadma toimekondade asukohta ning seda, millega nad tegelevad. Et seda tagada, on vaja korralikku sidetehnikat, mis praegu aga puudub.

2. Konstaablid peavad valdama kogu teenindatavat territooriumi, tundma asutuste direktoreid, personaliosakonna juhtajaid, koristajaid jne. Konstaabli otsene ülesanne on avalik töö rahva hulgas, side ühiskondlike seltside, organisatsioonide ja abijõududega (Kodukaitse, Kaitseliit, abipolitseinikud).

3. Kriminaaljälitus peab tunduvalt tõhustama operatiivtööd. Pärast karjategija

paljastamist peaks temaga tööd jätkama eeluurimisisolaatoris ja pärast kohut ka vanglas.

Stabiilse politseikaadri kinnistamiseks on vaja kasutada lääne kogemust. Teatavasti ei ole seal probleeme kohtade täitmisega.

Kopli politseijaoskonnal on hea kontakt Põhja-Tallinna linnaosa valitsusega. Kui nende poole oleme pöördanud, oleme alati ka abi saanud.

UDO REHKALT, politseipataljoni komissar:

Politseipataljon on kolmest kompaniist koosnev politseiüksus, kelle tegevuspiirkond on terve Tallinna linn. Meie teenistusülesannete hulka kuulub patrullimine tänavatel (autopatrullid), reageerimine väljakutsetele telefonil 02 (kiirreageerimisüksus), samuti kohtukonvoi korraldamine. Kiirreageerimisgruppidesse kuuluvad kõige parema väljaõppega mehed, kellel on ka

suhteliselt parem varustus ning kes on kohalise ja psüühilise ettevalmistuse poolest valmis tegutsema igasugustes olukordades. Kiirreageerimisgrupid on prefektuuri korrapidaja käsutuses ning valmis välja sõitma eriti raskete kuritegude puhul. Kui abi ei vajata, võtavad kiirreageerijad osa politseioperatsioonidest (kurjategijate tagaotsimine, nende kinnipidamine jne.).

Patrullkompanii suunatakse abiks kohtadesse, kus kohalikel politseijaoskondadel ei jätku mehi või on situatsioon muutunud nii keeruliseks, et vajatakse lisajõude. Lühiajal peaks nende tööd nii päeval kui öösel rohkem näha olema just jalgsipatrullina. See parandab kindlasti ka linnakodaniku turvatunnet.

Kolmas osa mehi teeb täiesti spetsiifilist tööd – nende hooleks on konvoiteenistus. Eriotstarbeliste autodega toimetatakse vahialuseid arestimajast kohtusse ja tagasi. Samuti tagavad nad valve kohtumajas viibimise ajal.

1994. a. lõpuks tahame suurendada isikkoosseisu 200 meheni. Koosseisu suurendamine saab võimalikuks ka tänu sellele, et sisekaitse operatiivrügemendis ajateenistuse läbinud noored mehed tunnevad huvi edasise töö vastu politseipataljonis.

Enesetäiendamiseks on meil kaks õppeklassi, jõusaal ja maadlusaal. Kaks

korda nädalas kasutame võimlat. Probleemiks on aegunud sidevahendid, mis ei luba kogu linna ulatuses kiiret informatsiooni vahetada. Halb on ka masinapargi tehniline seisukord.

Lõpetuseks võib öelda, et politseipataljonis võivad noored hakkajad mehed leida mitmekesist ja huvitavat tööd.

JUHAN KRUUS, Tallinna lennujaama politseijaoskonna komissar:

Tallinna lennujaama politseijaoskond moodustati jaanuaris 1993. Politseijaoskonna teenindada on Tartu mnt.–Pirita–Ülemiste veekanali, bussiettevõtte “Mootor”, RAS “Dvigatel” piideaedade ning lennuvälja maandumisraja vaheline maa-ala kuni Harju maakonna piirini.

Jaoskonnas töötab 35 ametnikku, täidetud on 56% ametikohtadest. Et teenin-

dame ka Tallinna lennujaamale kuuluvaid rajatisi, on jaoskonna töö, võrreldes teiste, territoriaalsete politseijaoskondadega, spetsiifiline. Puudub ju meie piirkonnas elanikkond, pole sellega kaasnevaid probleeme. Kriminaalpolitsei tegeleb jaoskonna territooriumil toime pandud kriminaalkuritegude avastamisega, juurdlemisega ja kuritegevusevastase võitluse organiseerimisega.

Probleemiks on see, et eesti Vabariigis on konkreetselt määratlemata politsei osa lennuturvalisuse tagamisel. Kuni tänase päevani töötavad lennuturvalisuse kontrolli ametnikud NSVL Tsiiviillennundusministeeriumi ja NSVL Siseministeeriumi ühise käskkirjaga nr. 55 (11.03.1981. a.) kinnitatud instruksiooni “Käsi- pakside, pagasi ja isikute lennueelne kontroll tsiiviilohusõidukites ning ainete, veoste ja esemete äravõtmine, mida on keelatud vedada tsiiviilohusõidukites” alusel. Töötada tuleb suhtelises ruumikitsikuses, millest loodame üle saada terminali rekonstrueerimise järel.

Probleemiks on ka kaadri valik ja väljaõpe, kuna mitte üheski EV õppeasutuses ei käsitleta seda eriala. Õpetab praktika – igapäevane töö. Isiklike võimeid ja tutvusi kasutades oleme sisustanud õppeklassi. Et töö lennujaamas nõuab võõrkeelte valdamist, head suhtlemisoskust, tähelepanelikkust ja vaistu, on kaadrit raske komplekteerida. Samuti hirmutab töölesoovijaid iganenud aparatuur, kõle suur saal peaaegu miinus-

temperatuuri ja tõmbetuulega, kuid samas ka vastutus, ei midagi keelatud ei satuks lennukisse.

Loodame, et ajad ja asjaolud muutuvad ning noortel politseis töötavatel inimestel ei ole tulevikus muret materiaalsete probleemidega, et neil on korter ja korralik palk, elu- ja sotsiaalkindlustus, ning nad tunnevad, et töö, mida nad teevad, on Eesti Vabariigile vajalik ja tunnustatud.

MART LAAN, Lasnamäe politseijaoskonna komissar:

Lasnamäe politseijaoskond teenindab 30 km² suurust piirkonda, kus elab 130 tuhat inimest (hiljuti liideti Kadrioru piirkond). Lasnamäe rajoon on nn. magamise koht:

siin ei ole tööstusettevõtteid, inimesed lähevad hommikul linna tööle, õhtul tulevad koju. Päeval jääb piirkond inimtühjaks. Just sel ajal tegutsevad korterivargad. Kuna ka autode hoidmise tingimused on puudulikud, siis toimub Lasnamäel tihti ka autovargusi ja autode rüüstamisi.

Jaoskonnas töötab 98 politseiametnikku, kõikides teenistustes on vakantseid kohti. Kõige rohkem vajatakse välipolitsei kordnikke ja konstaableid, kriminaalpolitsei eksperte-kriminaliste. Uue väljaõpetamine nõuab aega, aga tegutseda on vaja kohe. Uutel politseiametnikel puudub tihtipeale elementaarne töökogemus ning vastav erialane väljaõpe. Pool kogu isikkoosseisust töötab topeltkoormusega. Normide järgi peaks konstaabel teenindama 2–3-tuhandelst piirkonda, teenindab aga piirkonda, kus elab 7–8 tuhat inimest.

Probleeme on ka politseivarustusega. Autopark on vananenud ja napp. Raskusi on ka autode remondiga. Kurjategijaid on

tihtipeale võimatu kätte saada, sest neil on väga head, kiired ja kaasaegsed autod, side- tehnika ja raadio.

Materiaalne olukord on äärmiselt nigel, rahapuuduse tõttu on pooleli spordisaali ehitus, puutub lasketiir. Vormiriietus ja jalg- lanõud on ebapraktilised. Üks olulisemaid probleeme on madal palk ja nüüdseks

ebaõigelt välja mõeldud lisatasu maksmise kord.

Politseiametnikele peaksid olema ta- gatud sotsiaalsed garantiid (elu-, tervise- ja varakindlustus). Mida kauem viivitame, seda enam areneb kuritegevus. Korra vaba- riigis peame tagama oma jõududega, mitte aga ootama ja lootma teiste abile.

Proua Lasnamäelt

Meenutus

Lugu, millest ma seekord kirjutan, juhtus alles hiljuti – paar-kolm aastat tagasi. Töötasin siis Tallinna prefektina. Aeg oli pingeline, ilm-nema hakkasid noore riigi esimesed kasvuraskused. Viletsamad ja nõrgemad hakkasid kaotama lootust, psüühiliste häiretega inimesta hulk, kes politseilt abi otsisid, kasvas lausa kuust kuusse. Soovides olla rahvale võimalikult kättesaadav, ei lubanud ma sekretäril enda eest telefoni vastu võtta, vaid püüdsin iga helistaja muredesse ise süveneda.

Kord helistas väga intelligentse kõneviisiga naisterahvas Lasnamäelt. Ta kaebas, et alumisel korrusel elavad noormehed lasevad tema tuppa gaasi. Nendega, kes kaebasid “gaasitajate”, “mürgitajate”, “kiiritajate” üle, olin ma hästi tuttav, eranditult kõik nad olid meelehaiged, nende luuludesse ei olnud politseil vaja sekkuda. Seekordse helistaja jutt tundus aga normaalsena ja mul tekkis mulje, et võib-olla kimbutavad poisikesed tõesti vanatüdrukust pensionäri. Palusin tal mitte muretseda ja pöördusin kohe prefektuuri korrapidaja poole.

Järgmisel hommikul kaebas korrapidaja, et keegi proua Lasnamäelt on neid oma

gaasitamisprobleemidega täitsa ära vaevanud. Õhtul ja öösel tuli sinna sõita, viiel korral käis kohal Kodukaitse. Mingit jälge gaasist üksi toimkond ei avastanud. Nii et ikkagi haige inimese sonimised...

Vaevalt oli aga korrapidaja kabinetist lahkunud, kui helistas toosama “gaasitamisohver”. Lisaks gaasitamisele pidavat poisid teda nüüd ka jälitama, ukse taga valvama, telefoni pealt kuulama jne. Püüdsin teda rahustada ja soovitasin ettevaatlikult arsti poole pöörduda. See oli viga. Vaevalt sain arsti nimetada, kui helistaja puhkes ahastavalt nutma: miks teda ei abistata, vaid aina hulluks tahetakse teha, kas ta peab ära surema jne. Kuna mul oli natuke aega ning asi pakkus huvi, otsustasin Lasnamäel ära käia.

Mind võttis vastu väga intelligentse olemise ja välimusega vanem daam, kelle ühe-toaline korter oli ideaalses korras. Toas oli rohkesti hästi hooldatud toataimi, riulitel palju eri keeltes raamatuid. Proua kaebas, et gaasi lastakse põhiliselt läbi vannitoa ventilatsioonivade. Et ennast kuidagi kaitsta, oli ta vannitoa ventilatsioonivõred korralikult

paberiga kinni liiminud. Kõndisime kogu korteri läbi, kuid gaasi lõhna ei tundnud ma kusagil. Palusin proual kirjeldada gaasi lõhna. Proua teatas, et see on väga vastik ja öökima ajav.

Läksime tagasi vannituppa. Võtsin taskust “Tšerjomuhha” ballooni ning lasin pikad sutsakad pisargaasi õhku. Minule mõjus see mitte eriti efektiivne vene pi-sargaas peaaegu kohe, ruttasin vannitoast välja kööki, lahtise akna alla, et hingamist ja silmi uuesti korda saada. Minu suureks imestuseks oli proua vannitoas ja imestas, kui hea lõhnaga deodorant mul on. Ehk võiksin selle tallegi jätta, selle värske ja hea lõhnaga võiks ka naabripoiste gaasitamist neutraliseerida? Seda ma muidugi ei teinud. Õhutasime ja tuulutasime korteri ning ma

lahkusin. Rääkisin juhtunust oma asetäit-jale Arne Kassile. Hr. A. Kass, kes oli korra-kaitstes töötanud enam kui kolmkümnend aastat, hakkas naerma: “Tšerjomuhha” ei mõju ju hulludele ja kõvasti purjus inimes-tele! Et meil oli ka mõningaid probleeme oma komissaride sageli “seletamatute” te-gudega, soovitas hr. A. Kass lasta järgmisel ametialasel nõupidamisel seda gaasi ka koosolekusaali – siis on näha, kes on kes. Väljajooksnuid võib terveiks, aga lorudeks pidada, saali jääjad on aga parandamatud, tööalast initsiatiivi ja arukat käitumist on neilt alusetu loota.

Proua Lasnamäelt helistas veel umbes nädalapäevad, siis ta kõned katkesid. Hiljem sain teada, et sugulased olid ta enda juurde maale viinud.

Räik Saart

Милиция-полиция

1 марта исполняется 10 лет со дня воссоздания полиции

Эстонской Республики

1 марта 1991 года бывшие милицейские чины и рядовые сотрудники проснулись в новом измерении: они стали служить в полиции. Естественно, не все. Так, например, бывший начальник Кохтла-Ярвеского отдела внутренних дел подполковник милиции Николай Романченко стал первым префектом городской полиции. Кадры, как говорится, решают все: его заместители сами не пожелали становиться полицейскими и уволились. Многие оперативники, руководители среднего звена пошли вслед за Романченко в полицию.

Бывшие милиционеры, а ныне полицейские, которые служили вместе с Романченко, помнят первые нелегкие дни. И вспоминают их с уважением к бывшему шефу. Потом их пути разошлись: Николай Митрофанович Романченко уехал в Белоруссию, где возглавил Управление по борьбе с организованной преступностью. Нынче он в отставке, почетный пенсионер.

Потом началась реорганизация, префектом Ида-Вируского уезда стал Хель-

мут Паабо, прежде работавший комиссаром в префектуре Пылтсамаа. За семь лет нажил нервный тик и кучу неприятностей от «доброжелателей». (Уже недавно Раквереский суд рассмотрел уголовное дело бывшего префекта Ида-Вирумаа Хельмута Паабо и вынес вердикт: невиновен. А обвиняли его в злоупотреблении служебным положением.)

— Самым трудным в первое время было доказать руководству департамента, что от советской милиции надо взять в нашу полицию все хорошее, что было. Это — кадры, опыт, отношение к службе. Очень мешала поначалу политизация префектуры. Но удалось кое-что сделать, — вспоминает Хельмут Паабо, работающий ныне в таллиннском порту Беккера.

Это «кое-что» называлось сплоченным коллективом, в котором работали опытные люди, а также молодые сотрудники, постоянно ощущавшие требовательное наставничество старших.

В ноябре 1997 года Хельмута Паабо перевели на должность префекта столичной полиции. Он служил в Таллинне,

а семья продолжала жить в Кохтла-Ярве. Утром в кабинете префекта столичной полиции я застал картину, достойную кисти передвижников: Хельмут до начала оперативного совещания сам пришивал к форме оторванную пуговицу. Секретарше он это дело не доверил, не жена ведь.

Сегодня Ида-Вирускую префектуру полиции возглавляет новый человек. Вернее, уже не новый, а другой: бывший директор Центрального следственного бюро Алекс Уйбо. Тоже по-своему интересный руководитель. Ему, естественно, было легче: система была налажена, главным же было ее не просто не развалить, а укрепить.

Кадры, которые он получил в наследство, прежде были верны старому префекту. Теперь же, уловив новые веяния, помогли «скушать» Паабо: возбудить против него уголовное дело, которое в первой судебной инстанции успешно провалилось. Тем более, что нынешнему префекту ой как нелегко: то, чего не было при прежних руководителях, за это десятилетие расцвело, как роза на навозе. Наркоторговля и наркомания приобрели устрашающие размеры. Жители городов Ида-Вирумаа с тоской вспоминают Николая Романченко. И, может быть, излишне идеализируя его, с тоской говорят: «Был бы Митрофанович, такого бардака бы не было...»

Первый секретарь Кохтла-Ярвского горкома партии Роман Шеремета проводит планерку в Кохтла-Ярвском отделе внутренних дел. Первый слева – начальник ОВД, будущий первый префект городской полиции Николай Романченко. 1986 год.

Десятилетие восстановления полиции — это не праздник. Это время держать ответ перед налогоплательщиками. В том числе и за рост краж, которые, по словам префекта, обусловлены ростом наркомании в регионе.

У многих жителей Кохтла-Ярве, особенно у тех, кто страдает от наркоманов, складывается впечатление, что полиция Ида-Вирумаа занимает по отношению к наркоторговцам, скупщикам краденого пассивную, созерцательную позицию. Что же касается кадров... Достаточно привести только один пример, который, кстати сказать, является достоянием спецслужб не только Эстонии, но и России. О нем знают и местные люди, которые прежде служили в полиции.

Известно, что, скажем так, одно должностное лицо, прослышав о введении закона, потребоющего от комисса-

ров полиции дипломов о юридическом образовании, приобрело таковой весьма «странным» образом — не утруждая себя зачетами и экзаменами.

Большинство же сотрудников Ида-Вируской префектуры полиции — добросовестные, порядочные, отважные люди. Они живут на недостойную полицейского зарплату и, тем не менее, честно исполняют свой долг. Многие, слабо говорящие по-эстонски, но способные глазом не моргнув пойти на нож или ствол, трепещут, ожидая очередного языкового экзамена. Многие просят, боятся включить радио или телевизор: не передадут ли очередное сообщение о сокращении в полиции?

*Евгений Капов,
соб. корр. «Эстонии» в Ида-Вирумаа
Фото: Евгений Капов*

Предновогоднее интервью с лучшим, но опальным комиссаром

Комиссар криминальной полиции Артур Чулицкий в представлениях не нуждается. Возглавляемый им отдел по борьбе с преступлениями против личности — один из лучших в эстонской полиции. По мнению коллег, в том числе и смежных правоохранительных ведомств, и начальства он — профессионал высочайшего класса. За что в 1998 году был удостоен почетного звания «Шерлок Холмс Эстонии» и одноименной премии. Интересно, что об этом полицейском говорят — «правильный мент» — и адвокаты, и прокурорские, и судебские, и следователи, и подследственные. Но жизнь — штука полосатая... Это интервью с комиссаром Чулицким было записано, когда еще не грянул приговор окружного суда. Ни он, ни я тогда еще не знали, что это его комиссарское интервью последнее. Что ж, если комиссаров увольняют, значит, это кому-нибудь нужно. Изменить хоть слово, подтасовывая вопросы и ответы под день сегодняшний, мы не сочли нужным. Потому что это было бы нечестно.

Г-н комиссар, начнем сначала. Говорят, как Новый год встретишь, так и проведешь. Помните ли вы, как встречали этот, теперь уже уходящий год? И насколько права народная примета?

(Раздумчиво) Не помню я, как встречал Новый год. А-а-а! Дома встречал, как обычно. Встречал хорошо, но... не отразилось. А год в общем был хороший.

Если подводить итоги, чем этот год был для вас как для профессионала? Похвалите себя или поругайте. Сами. Вот вы учитесь, как с учебой? (Комиссар учится в Полицейской академии).

Хорошо. То есть с учебой лучше всех, как всегда. На работе немножко мешали личные проблемы, которые отражались на моей службе. В этом я виноват. Если бы не было этих проблем, я бы немножко лучше работал, а так немножко хуже.

Знаю, что этой темы вы предпочитаете в интервью не касаться, но все-таки спрошу. Как вы по-человечески, не как официальное лицо, оцениваете роль теперь уже бывшего старшего городского прокурора в судебной истории с Маргусом Павелем, который обвинил вас с комиссаром

Арви Куммом в нанесении ему телесных повреждений? Ведь ни для кого не секрет, что молодой да ранний старший прокурор Курм проявил удивившее многих не столько прокурорское, сколько личное рвение, дабы увидеть двух комиссаров на скамье подсудимых.

Каждый делает свою работу на своем месте и отвечает за свою работу.

Так, коротко и ясно. А это странное увольнение старшего городского прокурора по собственному желанию, но по рекомендации министра юстиции? Шекспир, конечно, был прав: весь мир – театр, а люди в нем – актеры. Но уж очень явно это напоминает «мавр сделал свое дело, мавр может удалиться».

Я понимаю, что отвечу скучно: не могу комментировать его увольнение, потому что я вообще не в курсе причин, которыми оно вызвано.

А вы верите прокурору Курму, который сказал журналистам, что он очень сожалеет, а не торжествует по поводу своей победы в судебном процессе над двумя комиссарами?

Вполне верю, потому что когда бы он этого не хотел сказать, он бы этого не говорил.

Вы думаете, что люди всегда говорят то, что думают?

Нет-нет, я не об этом. Он находился в такой ситуации, когда бы мог просто промолчать. Его никто за язык не тянул; он мог сказать и по-другому, мог просто

ограничиться тем, что да, закон суров, но это закон.

А тогда вот какой вопрос, вообще в связи со всеми, скажем мягко, неприятностями, лавиной обрушившимися во второй половине года на полицейских. Что происходит на «полицейской сцене» в нашем государстве?

Эта лавина, как вы выразились, частично касается русскоязычных полицейских, а на эстонских полицейских никак не отражается. Так что в этом смысле полицейская тема ближе для читателей «Вестей». Потому что если сравнивать сообщения СМИ на русском и эстонском языках, то в эстонской прессе это даже никак не освещается.

Вы хотите сказать, что это их как бы не интересует?

Да без всяких «как бы», их это просто не интересует. Разве что поругать... Я задавался вопросом, почему русскоязычные издания более лояльны к полиции, чем эстоноязычные. И пришел к выводу, что это из-за разницы в восприятии государства как института; у русских более уважительное отношение к государству. Для них это понятие больше значит – эстонское государство или Российская Федерация. Но это государство. А эстонская часть населения более склонна заниматься критиканством.

А может быть, они чувствуют, что имеют на это большее право?

Нет-нет; дело не в праве. Дело, как это принято говорить, в ментальности:

ведь могут и русские граждане Эстонии критиковать государство...

Да, они это и делают. Я не могу согласиться, что русские не подвергают государство критике.

Но делают это не по-пустому; критикуют за конкретные какие-то дела. Я имею в виду вот что. Например, я — полицейский, ношу погоны и должен выполнять приказы. Если я гражданин государства, я обязан исполнять законы государства, в котором живу, — нравятся мне эти законы или нет. Это моя обязанность. Только в этом случае я могу спрашивать о своих правах. Для меня первичны обязанности, права вторичны. А кому-то больше нравится права качать, а обязанности — так, дело десятое.

Если мы уже заговорили о государстве, как вы думаете, люди в нашей стране стали жить лучше или хуже за этот год? Чья в этом заслуга или вина?

К сожалению, я очень много сталкиваюсь с такими людьми, которые стали жить еще хуже, чем раньше. Поэтому у меня немного смещенное восприятие... И если возвратиться к нашему разговору-спору о государстве, на вопрос — должно ли государство заботиться о людях? — я однозначно отвечаю: да. В 70 километрах от нас на север, в Хельсинки, есть муниципальное жилье для жителей этой страны, которое им не надо покупать. Об этом заботится государство. У нас забота о жилье полностью переложена на плечи людей. А ведь это не дело,

когда они умирают в землянках в лесу, потому что их выгнали из общежития... Как морозы ударяют, полицейские сводки наполняются сообщениями о замерзших трупах. Но об этом никто не любит ни говорить, ни писать.

Что бы вы поставили в заслугу нашему правительству из содеянного в этом году?

Не обсуждается. Не могу обсуждать *(улыбается)*.

А что в вину?

Аналогично ответу на предыдущий вопрос *(смеется)*.

Отсутствие ответа — тоже ответ. Вопрос из серии «дурацких»: какое из совершенных в этом году преступлений могло бы претендовать на победу в криминальной номинации «преступление года», по вашему мнению?

Убийство итальянского бизнесмена Грассо. По подозрению в заказе которого задержаны его жена и теща. Мы вместе с центральным криминальным отделом занимались расследованием этого преступления, все действующие лица, в том числе исполнитель, задержаны и будут преданы суду.

А что бы сделал Артур Чулицкий, попадись он в руки комиссара Чулицкого?

Долго бы разговаривали...

И нашли бы о чем, я так понимаю.

Да, конечно. С полицейскими всегда надо разговаривать. Чем больше разговаривать, тем больше шансов, что тебя

поймут. Здесь работают люди, которые стараются прежде всего понять человека, а не наказать. Наказывает суд — это не наша задача.

Сейчас я «плагиатну», но больно уж интересно вам задать этот «не мой» вопрос. О чем, Артур, я вас не спросила, а вы бы хотели, чтобы спросила. Вообще, о чем журналисты никогда не спрашивают, а вам бы хотелось рассказать?

Мне очень нравятся журналисты, которые сами выстраивают линию «допроса». Когда я делаю свою работу, я выстраиваю линию и затем по ней следую. Мне не нравится, когда кто-нибудь вмешивается и ломает мою линию. Поэтому я полностью отдаю во власть журналистов — они могут спрашивать меня о чем

хотят, я за них не думаю. А если я что-то хочу сказать, то я найду возможность сказать об этом, и отвечая на те вопросы, которые мне предложены...

Артур, наша редакция поздравляет вас с наступающим Новым годом, желает всего самого-самого, а главное — полной и окончательной победы на всех фронтах. Что бы вы пожелали нам и нашим читателям в новом году?

Уверенности. Уверенности в самих себе...

...и в завтрашнем дне.

Нет-нет, завтрашний день мы делаем сегодня и сами. Никто не придет и не поможет. А поможем мы себе сами.

Елена Вавнер

Kalju töötab kriminaalhooldajana

Kriminaalhooldaja arvates väärib iga inimene üht võimalust

Kalju Nurm (49) töötab kriminaalhooldusametnikuna alates sellise ameti loomisest Eesti Vabariigis 1998. a. ning leiab, et töö inimestega on just see, mis talle sobib. Tema töökohaks on Tallinna Linnakohtu Mustamäe kriminaalhooldusosakond.

Tallinnas on 44 kriminaalhooldajat.

Tallinnas tegutseb 44 kriminaalhooldajat ning tööd on palju. "Kui me alustasime, nägi seadus igale ametnikule ette 30 hooletust, reaalselt oli neid hoopis rohkem. Nüüd on see säte seadustikust välja jäetud ja inimeste arv, kellega tegelda tuleb, on muutunud juba liiga suureks. Meie töö on ju selline, mis nõuab tegelemist iga inimesega eraldi, me ei saa oma hoole all olevaid inimesi klassikaupa kokku võtta nagu õpetaja," sõnab Kalju.

"Mina sattusin sellele tööle kuulutuse peale, kui justiitsministeerium kuulutas välja konkursi. Tuli kohale üle 600 inimese, kellest läbi sõela pääses 121. Tegin koolituse läbi ja nüüd olengi seda tööd teinud," räägib Kalju, kes omandas kõrghariduse Tallinna Pedagoogilises Instituudis kultuurhariduse alal.

"Mis salata, eks meelitas ka tolle aja kohta hea palk, üle 5000 krooni oli siis suur

raha. Kahjuks on palk jäänud samale tasemele. Meie tööd hinnatakse kõrgelt, kuid väärtustamisega on lood kehvad."

Kalju on valitud ka Kriminaalhooldusametnike Liidu juhatuse esimeheks.

Eksvangid on seaduskuulekad. Inimesi karistab riigis kohus. Kriminaalhooldajate töö seisneb eelkõige kohtuotsuste täitmise järel valvamises ning ka selles, et hoida ära karistatute minek taas kuritegelikule teele.

"Seadus paneb nõuded paika. Tingimisi karistatud või ennetähtaegselt vanglast vabastatud peavad neid nõudeid täitma. Need inimesed peavad elama kindlas elukohas ja ilmuma kriminaalhooldaja juurde ettenähtud ajal. Uue karistusseadustikuga on sätestatud, et hooldusalune peab esitama dokumendid ka elatusvahendite kohta," selgitab Kalju.

Suurem osa hooletustest saab oma kohustustega hakkama. "Kõik me oleme

inimesed, enamik hooldusaluseid satuvad meie juurde esmakordselt ning kord eksinuisse tuleb vastavalt suhtuda”, veenab Kalju.

“Üldiselt on need inimesed väga seduskuulekad. Vahel on nii, et eksvang on oma paberitega juba enne meie juures, kui kohust tema kohta paberid tulevad. Tingimisi vabaks saanud teavad üsna täpselt, kust nad tulevad, ja ei soovi sinna enam tagasi minna”, räägib Kalju.

Kõige tähtsamaks peab mees seda, et vanglast vabanenutel oleks olemas isikut tõendavad dokumendid.

Teine asi on nendega, keda kohus tingimisi karistab. Tihtipeale ei saada karistusest aru – arvatakse, et annad vaid allkirja ja sellega asi piirduv. Eriti on see nii seadusega pahuksisse sattunud noortega, teab Kalju.

Vaid tosin hoolealust on vangi sattunud. Eestis on võetud suund sellele, et reaalset vanglakaristust võimalikult vähe rakendada. Meil oli üle 5000 vangi, nüüd on veidi vähem. “Peaksime andma inimesele võimaluse, kui ta kord on seadusega pahuksisse läinud, kuid muidugi otsustab seda kohus”, nendib Kalju.

Kriminaalhooldaja töö algab juba kohtuelse ettekande koostamisest, eriti alaealiste puhul. Kohus küsib elukohajärgselt kriminaalhooldajalt, kas isik peab minema vangi või võib ta anda kriminaalhooldaja hoole alla. “Me peame igakülgsest asja uurima. Kohus arvestab meie hinnanguga. See on meie töö sotsioloogiline külg,” räägib

Kalju oma töö tahkudest. Tema praktikas on olnud ligi 150 hooldusalust ning neist ehk 12 on sattunud tagasi vanglasse.

Üks vanglapäev võrdub 4 tunni tööga.

Uue karistusseadusega lisandub veel üks tahk. Kui eksinule määratakse kuni kaheaastane vabadusekaotus, võib selle asendada üldkasuliku tööga.

Seaduse järgi on nii, et ühe vanglapäeva võrdub 4 tundi üldkasulikkude tööga. See- ga tuleb kaheaastase karistuse puhul tööd teha üle 2000 tunni.

“Probleeme tekib juurde, eriti kui inime-
ne käib veel põhikohaga tööl,” arwab Kalju.
Ta on käinud Soomes kogemusi omandamas
ning seal võrdub üks vanglapäev ühe tunni
üldkasuliku tööga.

Selle seadusesätte rakendamisega li-
sandub tööd ka kriminaalhooldajaile.

“Me peame hakkama nendele inimes-
tele tööd ja töökohti otsima. Tõenäoline
on, et need tunnid tuleks ära teha laupäe-
val-pühapäeval”, räägib Kalju.

Toivo Tukk

13 Episoodi Anvelti elust

Operatsiooni “Vörk” juhtiv Andres Anvelt väidab, et mitu inimest jõhkralt tapnud sarimõrvar Juri Ustimenko on Ida-Virumaal.

1. On esmaspäeva õhtu kell üheksa. Kesk-kriminaalpolitsei direktor Andres Anvelt on lõpetamas usutlust Ekspressile, kui heliseb telefon. “Valdis,” vabandab Anvelt. Jutt Läti kriminaalpolitsei ülema Valdis Pumpursiga venib 15 minuti pikkuseks. Ustimenko? Haavatud? Anvelti heledad silmad on väsinud. Vasaku käega sikutab ta lipsusõlme lõdve-maks. Tööpäev on läbi. Enne veel, kui ta oma kabinetist välja saab, lendab lips kaelast.

2. 1985. Indrek Treufeldt, praegune teleajakirjanik, õpib koos Anveltiga klassis, mis annab poistele helitehnika tunnistuse. Treufeldt käib paralleelselt Eesti Raadio Noorte Reporterite Klubis, Anvelt praktiseerib Eesti Telefilmis. Pärnus algavad “Õnelind Flamingo” võtted, kuhu helioperaatori assistendina sõidab kaasa ka Anvelt.

3. 1986. Tallinna Merekskooli vene poistel tekib seis Tallinna 21. keskkooli eesti naga-dega. Kedagi ähvardatakse noaga, kelle-legi antakse kere peale. Sündmuste keskel

seisab pontsakas koolipoiss Andres Anvelt. Kungla hotelli (praegune Park hotell) vestibüülis kohtuvad vaenupoolte esindajad. 21. kooli üheksanda klassi pois Raul Ranne, praegune Ekspressi ajakirjanik, on koos kümnete kooliõppuritega valmis Anvelti kaitseks venelastega kaklust alustama.

4. 1987 saab Anvelt sisse TPI masinaehituse erialale. Vend Jaan Anvelt on vabariigi tasemel kibe käsi keemias. Andresele aga reaalsed ei istu. Paar loengut kõrgemat matemaatika ja aitab.

Nõmme miilitsakooli hakatakse looma eestlaste rühma, et tugevdada rahvuskaadrit. Veiko Kulla, praegune turvafirma Falck töötaja, ja Anvelt saavad ludinal sisse. See päästab mehed Vene armeest, aga tekitab viha rahvuslikust ärkamisest kantud eestlastes. “Kas teid pannakse nüüd vangi?” mõnitavad venelastest kursandid Iseseisvusdeklaratsiooni vastuvõtmise järel Kullat ja Anvelti. Mõlemad lõpetavad kooli punase diplomiga (kiitusega).

5. 1989. N Liidule igavest truudust vandanud Anvelt läheb tööle Lenini rajooni miilitsajaskonda. Esimesel tööpäeval tulevad kaks kannatatut, kelle Žigulidel on esiklaas ära varastatud. Anvelt võtab tunnistused ja läheb tagaruumi esimest töövõitu tähistama. Heliseb telefon. "Kui palju sa palka saad!?" karjub ülemus. "200 rubla." "Žiguli esiklaas maksab turul sada rutsi. Sa lähed ja ostad kaks klaasi, annad kannatanutele ja võtad nende avaldused tagasi, selge?" Tol ajal käis jaoskondade vahel sotsialistlik võistlus ja pimedaid ehk avastamatuid asju uurimiseks ei võetud.

Anvelt kutsub kannatanud tagasi ja küsib, kas klaasidel eritunnuseid oli. Muidugi oli: mõrakene siin, täksikene seal. Rahulikult keeldub Anvelt kriminaalasja algatamisest, sest mõraga klaasi turuväärtus oli null ja kui kahju ei ole tekitatud, ei ole ka vargust.

6. 1990. Intrid ründavad Toompead. Kuum ilma tõttu liigub Anvelt erariietes. Miilitsad moodustavad lossi kaitseks keti. Intrid rüuskavad ja karjuvad. Järsku märkab teda üks punalipuga tegelane. "Nu što, jobannõi komitetšik, tõs nimi?" ja uhab Anventile lipuvardaga mööda pead, nii et tolma.

7. 1991 jaanuar. Ajakirjanik Toomas Sildam läheb koos fotograafiga vaatama, kuidas Vilniuse ja Riia veriste sündmuste kartuses organiseeritakse Toompea lossi kaitset. Pildile jääb lossi värvavat valvav mehine nooruk. Karvamüts silmle tõmmatud, Kalašnikov tugevalt vastu rinda. Aastaid hil-

jem oma fotoarhiivi sirvides avastab Sildam, et pildil on Anvelt.

8. 1991 august. Putši esimesel päeval kohtab ta Tallinna kesklinnas armast vene tüdrukut Margaritat, kelle noor macho'lik miilits lahkelt koju sõidutab. Aasta pärast nad abielluvad, sünnib tütar Merilin. Pere-kond elab endiselt Anvelti vanemate kahe-toalises korteris. Kodune keel on eesti keel.

9. 1993. Keskkriminaalpolitsei moodustamine. Organiseeritud kuritegude osakonna juhataks saab Koit Pikaro, kellel on noore kolleegiga hea klapp. Raskete isikuvastaste kuritegude rühma komissariks valitaksegi enneolematult noor, 25aastane Anvelt.

Ta meenutab Narva kõrilõikaja Satšuki kriminaalasja, kui ta ka ise pidi kaitsepolitseisse ülekuulamisele minema. Kurjategija oli väitnud, et uurimise käigus teda piinati. "Kriminaalinspektor, keda ei ole üle kuulatud, ei ole õiget tööd teinud," ütles ta.

10. 1997. aastal kasvas 187sentimeetrise mehe kehakaal üle 136 kilo ja vennanaine kutsus ta kaalujälgijaks. Paari aasta pärast kaalus mees 82 kilo. Seejärel tegi Anvelt Politseiametisse Kaalujälgijate grupi. Peadirektori asetäitja Juri Kasesalu ja teised kuulasid kord nädalas innuka rühmajuhi toimumisnõuandeid.

11. 1999 stažeerib Anvelt USAs FBI akadeemias Quanticos. Hommikust tervisejooksu teeb ta samadel radadel, kus filmi

“Voonakeste vaikimine” esimestes stseenides jookseb Jodie Foster.

12. 2000. Tartu Ülikooli õigusteaduskonnas kaugõppes viis aastat tudeerinud Anvelt saab bakalaureusekraadi ja annab paberid magistrantuuri haldusjuhtimisse.

13. 2002. Anvelt saab Keskkriminaalpolitsei direktoriks. Ekspress kirjutab, et tema

abikaasa töötab sekretärina turvafirmas Alfatar. Firma kuulub hämara taustaga äri-mehele Igor Savenkovile.

“Abikaasal oli hea meel, et lehte sai! Ma ei kommenteeriks spekulatsioone minu ja Savenkovi suhetest. Sellises ametis pean ma palju suhtlema nii äri-meeste kui ka kuritegeliku maailma esindajatega,” ütleb Anvelt.

Tiina Joosu

Vanad miilitsad näevad nälga

Aktivistide sõnul elab 500 eksmiilitsat nälja piiril, sest ebaõiglane pensioniseadus nullis nende eripensioni. Endine tubli uurija elatub nüüd pudelikorjamisest.

Omaalgatuslik aktiivrühm, mida juhib endine siseminister Marko Tõnisson, on valmis minema kuni kohtuni, et tunnistada põhiseadusevastaseks politseiteenistuse seaduse see osa, mis jättis kopsakast eripensionist ilma üle poole tuhande endise miilitsa ja siseministeeriumi ametniku.

“Ega ma palju peale kaerahelbepudru ei söö,” räägib 69aastane Tõnisson, kes pärast 38 aastat siseministeeriumis ja 10 aastat Eesti Pangas saab iga kuu 2400 krooni pensioni. “See on vähem kui autojuhil, kes mind ministrina sõidutas,” tõdeb siseministri ja Tallinna miilitsajuhi toolil istunud kindralleitnant. Võrreldes saatusekaaslastega on kõrge vererõhu ja suhkruhaiguse all kannatav Tõnisson oma sõnul veel heas seisus.

Vanad miilitsad näljapajukil

Probleemi iva on järgmine. Nõukogude perioodil siirdusid miilitsatöötajad pensionile pärast 25 tööaastat ning nautisid tsivilistidest kõrgemat (140–220 rubla suurust) pensioni. Koos Eesti taasiseseisvumise ja

politsei moodustamisega see soodustus kadus ja kuna võrreldes tavakodanikega oli endiste miilitsate staaž ligi poole lühem, on nende pension vanade miilitsate endi meelest nüüd naeruväärne.

“Meie pension nulliti. Me jäime nelja tuule peale, ilma igasuguste soodustusteta,” kurdab 25 aastat miilitsas töötanud Helmi Tõnisson, kes teenis mehises ametis esimese naisena ENSVs välja alampolkovniku auastme. “Minul on niipalju uhkust, et enne suren, kui almust küsima lähen, aga ma tunnen endisi meeskolleege, kes korjavad õllepudeleid.”

Ka uus, 1998. aastal vastu võetud ja 2001. aastal muudetud politseiteenistuse seadus kehtestab korralavurite stressirohkele ametile eripensioni (minimaalselt 50 protsenti palgast). Vanaduspuhkusele võib minna juba 20 tööaasta järel, kusjuures staaži hulka arvatakse ka miilitsas teenitud aeg. Seega sattusid rumalasse olukorda just need eksmiilitsad, kes läksid pensionile vahetult enne politsei moodustamist 1. märtsil 1991.

“Meist noorematel, kes olid kas või ühe päeva politseis tööl, arvestatakse kogu miilitsastaaž pensioni hulka ja nad teenivad nüüd rohkem,” arvutab 67aastane Talve, kes saab “sandsiente” 1600 krooni kuus. Tema kursusekaaslane, kes jäi lühikeseks ajaks veel politsei arhiivi tööle, saab Talve teada seevastu nüüd üle 5000 krooni kuus. “Näete, kuidas meid on represseeritud!” kurjustab endine naisuurija.

“Ma ei räägi näiteks teistest. Jüri Pihl ja Harry Tuul on minu kasvandikud, kes võiksid saada tulevikus pensioni 20 000–25 000 krooni,” täiendab Tibar. Endise ministri jutust aimub kibestumist. “Tundub, et meid on poliitilistel põhjustel paigutatud kasti, kellel pole õigust kaasarääkimiseks. Ain Sepikuga olin hea kolleeg nõukogude ajal, pärast töötasime ühel ajal turvafirmades ning suhtlesime tihedalt. Täna ta minu kirjadele ja eraviisilistele pöördumistele ei vasta.”

Mäng, mis ei vääri küünlaid

Tibar ja Talve kuuluvad endiste miilitsate algatusrühma, mis püüab seda “karjuvat materiaalet ja moraalset ülekohtu” parandada. Nende hinnangul on nn riskirühmas üle 500 endise korralvuri, kes on 65aastased ja vanemad. “See finišisirge, mida me jookseme, ei ole väga pikk – paari aasta pärast seda probleemi enam pole,” tõdeb Tibar, kelle hinnangul kuluks eksmiilitsate eripensionile täiendavalt kuni 20 miljonit krooni.

“Ei ole niisugust instantsi, kuhu me pole pöördunud,” kinnitab Helmi Talve. “Mul on süda paha, kuidas sotsiaalministeerium ja siseministeerium kord üks ja kord teine seda probleemi teineteisele lahendada saadavad. Jääb mulje, et Eesti Vabariigis võidakse halvasti käituda väetite, vanade ja armetute inimestega. Me oleme auga ära teeninud selle pensioni!”

Järgmisena kavatseb algatusrühm, kuhu kuulub mitu juristiharidusega inimest, pöörduda halduskohtusse, et tunnistada politseiteenistuse seaduse pensione puudutav osa põhiseaduses sätestatud võrdse kohtlemise printsiibi vastaseks. “Ilmselt on see mäng, mis ei vääri küünlaid. Lõpmatuseni ei tahaks end alandada,” jääb Tibar ometi pessimistlikuks.

Vanade miilitsate eripension pole mõis- tagi poliitiliselt kuigi populaarne teema ning endiste miilitsatöötajate pensioni võrdsustamist politseiametnike pensioniga ei peeta võimalikuks, sest politsei pole miilitsa õigusjärglane. “Tunnustades endiste miilitsatöötajate panust korrakaitse tagamisel, ei saa me nõustuda seisukohaga, et politseiteenistuse seadus on olemuselt diskrimineeriva iseloomuga ning vastuolus Eesti Vabariigi põhiseadusega,” kirjutab siseministeeriumi kantsler Märt Kraft ühes paljudest keeldumiskirjadest pensionäridele.

Mihkel Kärmäs

Презентация книги Андреса Анвельта «Красная ртуть» в ЦРК 6 марта

Начало «лихих девяностых». В независимой Эстонии царит неразбериха, в обществе действуют законы Дикого Запада. Каждый ищет свое: кто право, кто правду, кто деньги, кто авторитет. Все пытаются найти то, о чем слышали, но видеть не видели.

Это нечто — красная ртуть, манящая и обещающая одарить всем, чего душа жаждет. Красная ртуть сталкивает в криминальной среде безумных героев безумного времени. Границы между черным и белым, между злом и добром размываются, когда в человеческие отношения вторгаются любовь и неверность, ненависть и предательство. Герои должны сделать свой выбор и решить, как дальше по жизни идти.

Андрес Анвельт: «90-е годы остались во мне. И все свои эмоции я вложил в эту книгу. Не ищите в ней глубокой морали. Кто найдет, скажите мне тоже. Хочу поблагодарить свою маму, которая взяла на себя перевод книги «Красная ртуть». Она многих слов не знала, поэтому пришлось преподавать ей курс бесплатного русского языка».

Наш вопрос: ваш любимый детективный роман?

Григорий Левченко (слева, охранная фирма Alfatar): «Все романы про Шерлока Холмса».

Юри Нурме (Центральная криминальная полиция): «Крестный отец».

*Легендарный полицейский, бывший замдиректора Центральной криминальной полиции Койт Пикаро: «Про ментов читаю все книги на русском языке. Да, и хочу сказать, что персонаж книги Экскаватор — это не я! У меня была другая кличка (У Пикаро была кличка «Бульдозер». — **Прим. ред.**)*

Заведующий отделом внутреннего контроля АО Tallink Group Артур Чулицкий: «Романы Чингиза Абдуллаева о Дронго».

Дмитрий Герасимов (OÜ Lasefield): «Не люблю детективных романов. Пожалуй, назову цикл романов Андрея Константинова «Бандитский Петербург».

Директор издательского дома Eesti Päevaleht Михкель Рейнсалу: «Калле Блонквист».

ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИЯХ

Коллектив сотрудников Морского РОВД. 1957 год.

Это было давно. Такими они были 60 лет назад. 1957 год.

Курсанты Таллиннской школы милиции, будущие руководители органов внутренних дел Эстонии Александр Локтаев (слева) и Велло Рикас. 1967 год.

Выпускники Таллиннской специальной средней школы милиции. 1968 год.

Слет молодых работников милиции Эстонии. 1968 год.

На занятиях в Таллиннской специальной средней школе милиции. 1969 год.

Курсанты Таллиннской специальной средней школы милиции на учениях. 1970 год

Офицерский состав Центрального РОВД Таллинна. 1972 год.

Офицеры Центрального РОВД отмечают День милиции. Речь произносит Антс Вингисаар. 1972 год.

Прием граждан по личным вопросам ведет заместитель начальника Морского РОВД Алексей Деев.

Сотрудники Центрального РОВД поздравляют замполита Виктора Кора (в центре) с днем рождения. 1973 год.

Сотрудники уголовного розыска Калининского РОВД после раскрытия преступления на территории фабрики «Балтийская мануфактура» (слева направо): Лев Алексеев, Александр Полковников, Александр Мажеев. 1976 год.

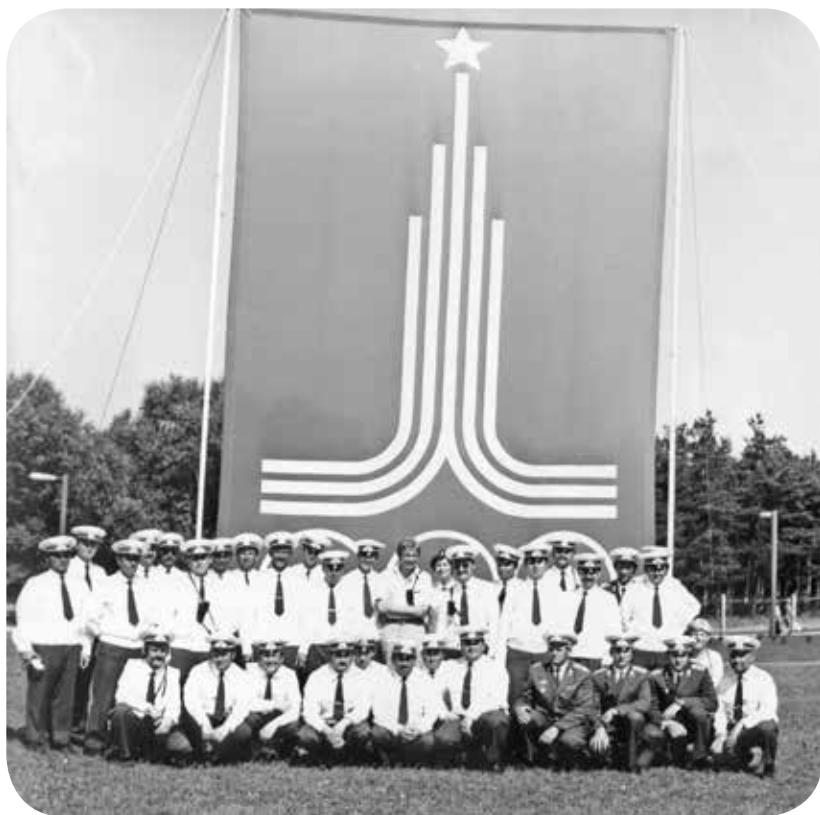
Строевой смотр в Таллиннской специальной средней школе милиции проводит начальник школы Е. В. Назимов. 1979 год.

Встреча курсантов и преподавателей ТССШМ с писателями Эстонии. 1979 год.

Сотрудники Ленинского РОВД (слева направо): заместитель начальника отделения уголовного розыска Николай Сдобнов, старший участковый инспектор милиции Виктор Сатаров, участковые инспекторы милиции Александр Штаvbонько и Вячеслав Жилин. 1980 год.

Сотрудники Морского РОВД на обеспечении общественного порядка в период проведения летней Олимпиады 1980 года.

Сотрудники Калининского РОВД на собрании по итогам работы отдела за первое полугодие 1981 года.

Сотрудники уголовного розыска Морского РОВД у здания на ул. Лубья (слева направо): Александр Плотников, Сергей Григорьев, Владимир Комильцын, Петр Крупеницкий. 1983 год.

Подведение итогов инспекторской проверки МВД ЭССР Октябрьского РОВД. За столом (слева направо): председатель исполкома Октябрьского района Яан Мокс, министр внутренних дел ЭССР Марко Тибар, начальник Октябрьского РОВД Владилен Антон, начальник политотдела МВД ЭССР Мати Ирвал, начальник УВД Таллинна Леонид Цупсман, начальник политотдела УВД Таллинна Виктор Пурро. 1984 год.

После вручения переходящего Красного Знамени МВД ЭССР коллективу Октябрьского РОВД как лучшему районному отделу милиции Эстонии по итогам работы за 1985 год (слева направо): заместитель начальника РОВД по службе Рийтер Хепнер, начальник следственного отделения Владислав Васильев, начальник Октябрьского РОВД Владилен Антон, начальник отделения уголовного розыска Сергей Козлов, заместитель начальника отдела Евгений Амонтов. 1985 год.

Политработники МВД ЭССР на курсах повышения квалификации партийных и советских работников при ЦК Компартии Эстонии. 1985 год.

Встреча сотрудников УВД Таллинна с Героем Советского Союза, летчиком и государственным деятелем Энделем Карловичем Пусэпом. 1985 год.

Сотрудники Морского РОВД на отдыхе в кемпинге на Сааремаа (слева направо): заместитель начальника РОВД Владимир Прокофьев, заместитель начальника вневедомственной охраны Владимир Павленко, оперуполномоченный ОУР Петр Крупеницкий (четвертый в ряду), старший участковый инспектор милиции Виктор Погорелов (пятый в ряду), на заднем плане старший инспектор охраны общественного порядка Анатолий Лежерев. 1985 год.

Начальник Морского РОВД подполковник милиции Анатолий Малкин (справа) и заместитель начальника майор милиции Владимир Прокофьев поздравляют женщин отдела с Международным женским днем 8 марта. 1986 год.

Сотрудники органов внутренних дел на приеме в Президиуме Верховного Совета ЭССР по случаю награждения правительственными наградами. 1986 год.

Сотрудники Калининского РОВД перед проведением строевого смотра (слева направо): Виктор Гришанков, Владимир Тиханский, Варужан Григорян, Георгий Килинкар, Анатолий Казаков. 1986 год.

Совещание в актовом зале УВД Таллинна на ул. Лубья, 4 по итогам работы подразделений РОВД за 1985 год. 1986 год.

Коллегия МВД ЭССР. Малый зал заседаний, ул. Пикк, 61. 1986 год.

Сотрудники УВД Таллинна поздравляют майора милиции Анатолия Ездакова с вручением ордена Трудового Красного Знамени. 1987 год.

Сотрудники Морского РОВД и члены их семей на отдыхе. 1987 год.

Сотрудники 6-го отдела МВД ЭССР по борьбе с организованной преступностью (слева направо): подполковник милиции Койт Пикаро, подполковник милиции Олег Филонов, капитан милиции Фатислав Кейвсаар, подполковник милиции Юри Нурме, начальник 6-го отдела полковник милиции Олев Лаанъярв, его заместитель полковник милиции Александр Мажаев и капитан милиции Владимир Видяев. 1989 год.

На сборах политработников МВД ЭССР в Рапла. 1989 год.

Руководители Министерства внутренних дел Эстонии Виталий Епифанов и Марко Тибар. 1990 год.

Командир роты патрульно-постовой службы майор милиции Николай Мартынюк проводит инструктаж перед выходом на службу. 1990 год.

*Здание Морского РОВД
Таллинна в 1990-е годы.*

Ведущий инспектор Таллиннской префектуры Владимир Голиков (в первом ряду слева) с сотрудниками МВД Армении в Ереване. 1997 год.

Строевой смотр службы уголовной полиции Таллиннской префектуры. 2000 год.

Участники праздничного вечера, посвященного Дню милиции (слева направо): Николай Свистак, Валерий Лыник, Александр Мажаев, Владимир Голиков. 2011 год.

Бывший участковый инспектор милиции Калининского РОВД Таллинна, а ныне полковник полиции старший преподаватель Академии МВД Армении Варужан Григорян. 2012 год.

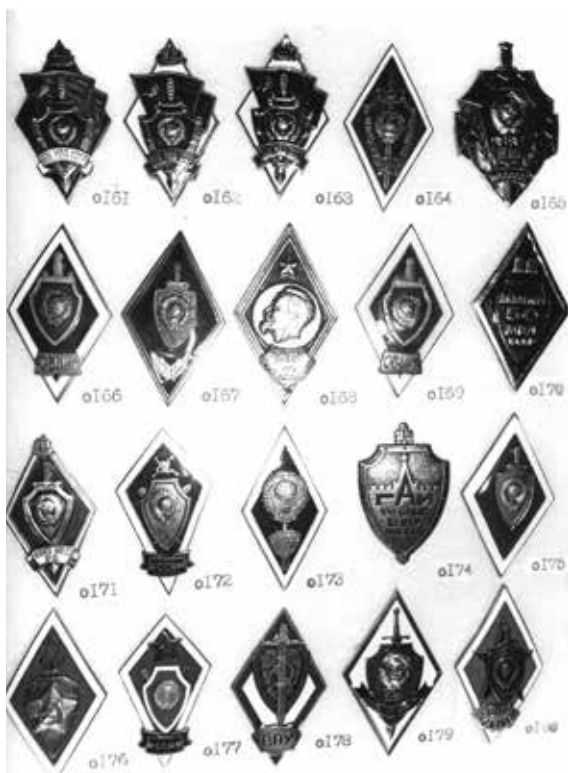
Чествование ветеранов (сидят слева направо): Эндель Пааль, Павел Бейлинсон, Хуго Васък. 2015 год.

Коллекционеры Евгений Ездаков, Иван Кастюк и Хельдур Кару увлекаются фалеристикой и нумизматикой. Вместе с Григорием Костромой их общий коллекционный стаж составляет около 140 лет.

*Знаки отличия
Таллиннской
специальной
средней школы
милиции.*

*Знаки отличия
Высшей школы
милиции МВД СССР.*

Сбор ветеранов правоохранительных органов Эстонии в Малом зале ЦРК 10 ноября 2016 года. На фото (слева направо) в первом ряду: Олег Буйдин, Хельдур Кару, Николай Тартынских, Мария Занфирова, Галина Филатова, Павел Бейлинсон, Вячеслав Коновалов, Римма Воолайд, Эмилия Крейцман, Борис Смирнов; во втором ряду: Ефросинья Гужова, Сергей Богданов, Анатолий Барабаш, Валур Илывес, Елена Маковкина, Лидия Петрова, Евгения Морозова, Ирина Васенина, Иван Лузик, Борис Ильичев, Лидия Кравченко, Иван Кастюк, Николай Бышок, Любовь Акилова, Григорий Кострома, Валерий Лынный, Владимир Прокофьев, Владимир Зайцев, Артур Чулицкий; в задних рядах: Николай Свистак, Талат Бедретдинов, Петр Розачев, Савва Шторк, Ирина Бородинова, Виктор Вислогубов, Владимир Оленичев, Евгений Грицай, Вячеслав Санташов, Норберт Каутжж, Пеэтер Шульц, Валерий Меркулов, Василий Харченко, Тамара Панцирева, Михаил Моргуненко, Николай Поздняков, Александр Пашков, Анатолий Корношенко, Евгений Смирнов, Юрий Рингмяэ, Владимир Гусаров, Кариб Абдурахманов.

Ветераны милиции перед заседанием Клуба ветеранов правоохранительных органов Эстонии у здания ЦРК (слева направо): Александр Мажаев, Владимир Голиков, Сергей Богданов, Григорий Кострома, Иван Кастюк, Виктор Вислоzubов, Антс Везсаар. Слева на переднем плане Вячеслав Коновалов. 2017 год.